

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1902.

№ 1.

ЯНВАРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Слово въ недѣлю по Рождествѣ Христовомъ. О благахъ, принесенныхъ на землю рожденіемъ Спасителя. <i>Свящ. Данила Попова</i>	1—10
Ученіе Гегеля о религіи и ея сущности. Профессора Харьковскаго Университета, <i>Прот. Т. Вуткевича</i>	11—30
Соціалистическія утопіи ХІХ вѣка и христіанскія начала человѣческой жизни. <i>Свящ. Іанова Галахова</i>	31—46
Пресвященнѣйшій Иннокентій, Епископъ Нарвскій, Первый Викарій С.-Петербургской Митрополіи, и его послѣдніе дни служенія въ г. Харьковѣ. <i>Леонида Багрецова</i>	47—86

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Этическое движеніе новѣйшихъ временъ. Его исторія и ученіе. <i>Профессора Варшавскаго Университета Генриха Струве</i>	1—16
Что такое нравственность, какъ общечеловѣческое явленіе? <i>Н. Городенскаго</i>	17—42

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Высочайшая награда.—Списокъ лицъ, кои Всемилостивѣйше пожалованы въ 6-му декабря сего года, за заслуги по духовному вѣдомству, медалями.—Высочайшая отмятка.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петров

, д. № 17.

1902.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли изъ чужеземныхъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человека и во время язычества оставляло предметъ желаній и похвалъ лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особомъ нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковой, Петровскія линіи, контора В. Гяляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корвинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1892 г., по 8 р. за 1895—1899 годы. За 1900 г.—9 р. и 1901 г. 10 рублей. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 125 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
3. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Воже вънутри насъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.
4. „Милство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французск. К. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.
5. Нѣсколько словъ по поводу „двухъ характерныхъ писемъ“, присланныхъ Преосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому. Леонида Багрецова. Харьковъ 1901 года. 62 стр. Цѣна 30 коп., съ перес. 35 коп.
6. Вѣнокъ на могилу Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Харьковъ 1901 г. 141 стр. Цѣна 50 коп. съ пересылкою.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ.

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

— * Т. I.—Ч. I. * —

ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ.

Слово въ недѣлю по Рождествѣ Христовомъ. О благахъ, принесенныхъ на землю рожденіемъ Спасителя.—*Свящ. Данила Цонова* (стр. 1—10).

Ученіе Гегеля о религіи и ея сущности.—*Профессора Харьковскаго Университета, Прот. Г. Буткевича* (стр. 11—30, 73—94, 122—144).

Соціалистическія утопіи XIX вѣка и христіанскія начала человѣческой жизни.—*Свящ. Іакова Галахова* (стр. 31—46, 95—106, 161—174).

Преосвященнѣйшій Иннокентій, Епископъ Нарвскій, Первый Викарій С.-Петербургской Митрополіи, и его послѣдніе дни служенія въ г. Харьковѣ.—*Леонида Багрецова* (стр. 47—66).

Слово о христіанскомъ утѣшеніи въ скорби по умершимъ.—*Свящ. Сергѣя Посельскаго* (стр. 67—72).

Бесѣда съ штундо-баптистами о святыхъ мощахъ угодниковъ Божіихъ.—*Д. Боголюбова* (стр. 107—118).

Рѣчь Преосвященнаго Стефана при нареченіи его во епископа Сумскаго, викарія Харьковской епархіи (стр. 119—121).

Очерки изъ жизни Христа Спасителя.—*Свящ. Михаила Оивейскаго* (стр. 145—160, 266—276) ¹⁾.

О вѣрѣ.—*П. Соколова* (стр. 175—199).

Ученіе Шеллинга о сущности религіи.—*Профессора Харьковскаго Университета, Прот. Г. Буткевича* (стр. 200—219).

Къ юбилею Н. В. Гоголя. Мысли Н. В. Гоголя о православномъ пастырствѣ.—*Иеромонахи Михаила (Семенова)* (стр. 220—232).

Слово о добрыхъ качествахъ истиннаго пастыря Церкви.—*Протоіерея Н. Омичевича* (стр. 233—239).

Ученіе Фейербаха о сущности религіи.—*Профессора Харьковскаго Университета, Прот. Г. Буткевича* (стр. 240—265, 309—329, 396—412).

¹⁾ См. во 2-й части указаніе продолженій.

Писатель—христіанинъ. Памяти Н. В. Гоголя.—*Н. Протопопова* (стр. 277—296).

Слово въ недѣлю Крестопоклонную.—*Преосвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго* (стр. 297—308).

Нравственныя условія религіознаго знанія.—*И. Неворова* (стр. 330—366).

Слово въ недѣлю пятую великаго поста.—*Преосвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго* (стр. 367—375).

Къ вопросу о программѣ по Нравственному Богословію въ духовныхъ Семинаріяхъ.—*Преосвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго* (стр. 376—395).

Церковно-библейское ученіе о евхаристіи, какъ жертвѣ.—*М. И. Воскресенскаго* (стр. 413—442, 488—496, 626—644, 696—714, 745—762).

Рѣчь къ учителямъ и учительницамъ церковно-приходскихъ школъ г. Харькова.—*Преосвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго* (стр. 443—446).

Высокопреосвященный Амвросій, Архіепископъ Харьковскій.—*Протоіеря Т. Буткевича* (стр. 447—469, 497—516, 571—603, 645—665, 715—744) ¹⁾.

Отвѣтъ Господа Іисуса Христа искушавшему Его законнику и притча Господа о милосердомъ Самарянинѣ (Лук 10, 25—37).—*Ив. Перова* (стр. 470—487).

Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія въ Московскомъ государствѣ въ концѣ XV и первой половинѣ XVI в.в.—*В. С—каго* (стр. 517—555, 604—625, 666—695) ²⁾.

Къ вопросу объ отношеніи митрополита Филарета къ расколу.—*Б. Титлинова* (стр. 556—570).

Рѣчь при открытіи учительскихъ курсовъ для учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ Харьковской епархіи.—*Преосвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго* (стр. I—IV).

Рѣчь при открытіи учительскихъ курсовъ для второклассныхъ церковныхъ школъ средней и южной Россіи.—*Преосвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго* (стр. I—VIII).

Библиографическая замѣтка.—*Л. Барцецова* (стр. 763—770).

¹⁾ См. во 2-й части указаніе продолженій.

²⁾ См. во 2-й части указаніе продолженій.

УКАЗАТЕЛЬ

статей, содержащихся въ „Листѣвъ для Харьковской епархіи“ при богословско - философскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1902 годъ.

А. Высочайшія распоряженія.

— Высочайшій манифестъ отъ 16-го августа о бракосочетаніи Великой Княжны Елены Владиміровны съ Ею Королевскимъ Высочествомъ, Королевичемъ Греческимъ Николаемъ.

— Высочайшее повелѣніе (стр. 29, 123, 253, 311, 331, 467, 492, 551, 565).

— Высочайшій приказъ (стр. 29, 340, 468).

— Высочайшія награды (стр. 1—2, 123, 157, 189, 215, 254, 281, 340, 468, 491, 593).

— Высочайшія отмѣтки (стр. 2, 363, 492, 687).

— Рѣчь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА волостнымъ старшинамъ въ Курскѣ (стр. 491).

Б. Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

Отъ 4—13 декабря 1901 года за № 4939, о предметахъ, по которымъ надлежитъ держать испытанія поступающимъ въ духовныя академіи (стр. 29—30). О награжденіи лицъ духовнаго званія за заслуги по духовному вѣдомству (стр. 281—283). Отъ 4—14 апрѣля 1902 года № 1566, объ утвержденіи примѣрнаго устава общества взаимнаго вспоможенія учащимъ и учившимъ въ церковныхъ школахъ (стр. 340—341). Отъ 6 февраля—3 мая 1902 года, за № 564, о воспрещеніи съ 1-го января 1903 года продажи въ церквахъ и лавкахъ при церквахъ и монастыряхъ иконъ, панечатанныхъ на жестѣ (стр. 341). Отъ 21 августа 1902 года за № 3731 о бракосочетаніи Ея Императорскаго Высочества Великой

Княжны Елены Владиміровны съ Его Королевскимъ Высочествомъ, Королевичемъ Греческимъ Николаемъ (стр. 492—493). Объ измѣненіи § 92 устава духовныхъ семинарій и § 32 устава духовныхъ училищъ (стр. 523—524). Отъ 11 сентября 1902 года за № 4046, разъясненіе о томъ, что церковно-учительскія школы подлежатъ непосредственному вѣдѣнію епархіальнаго архіерея (стр. 551—552). Отъ 18—27 сентября 1902 года, за № 4243, по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли относить къ внословнымъ воспитанникамъ поступающихъ въ семинарію дѣтей преподавателей духовно-учебныхъ заведеній, учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ и чиновниковъ духовныхъ консисторій (стр. 593—594). Отъ 30-го октября 1902 года за № 4781, о назначеніи на должность инспектора Харьковской духовной семинаріи (стр. 627). Отъ 6—13 ноября 1902 года за № 4965, о предоставленіи на будущее время права производства испытанія на званіе учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ (стр. 659). Отъ 12—21 іюня 1902 года, за № 2563, преподаю благословеніе за заслуги по духовному вѣдомству, безъ грамотъ (стр. 438, 659). Указъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ 11-го іюля 1902 года (стр. 524—526). Приказъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода 26 января 1902 года № 2 (стр. 95). Отъ 20—29 ноября 1902 года о предоставленіи епархіальнымъ преосвященнымъ разрѣшать собственною властію, по соображенію съ пользою учебнаго дѣла, ходатайства учителей церковно-учительскихъ школъ о перемѣщеніи съ одного предмета на другой (стр. 688).

В. Смѣсь.

— Циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ губернаторамъ, градоначальникамъ, начальникамъ областей и оберъ-полиціймейстерамъ (стр. 526).

— Отъ Правленія Харьковскаго духовнаго училища (стр. 30, 385).

— Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1900—1901 учебн. годъ (стр. 30—42, 67—71, 95—103, 126—135, 162—166).

— Разъяснительное постановленіе Святѣйшаго Синода (стр. 65).

— Отъ Хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ (стр. 65, 124, 312, 594).

— Отъ Правленія Харьковской духовной Семинаріи (стр. 67, 341, 596).

— Журналы Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 18 сентября 1901 года (стр. 72—75).

— Журналы Съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, бывшаго 19 сентября 1901 года (стр. 75—80).

— Выписка изъ дѣла Харьковской Духовной Консисторіи о чудесномъ исцѣленіи больной жены титулярнаго совѣтника Кліи Петровны Живковичъ (стр. 157—162).

— Годичное собраніе членовъ Харьковскаго отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества и отчетъ сего Общества за 1901 годъ (стр. 166—170).

— Отъ Министерства Финансовъ (стр. 189, 254, 313, 438, 493, 552, 597, 660).

— Журналь Общаго Собранія Бѣлопольскаго Братства ревнителей вѣры и церкви православной во Имя Пр. Богородицы (стр. 196—205).

— Льготный тарифъ при перевозкѣ матеріаловъ для нуждъ церквей (стр. 215).

— Разъяснительное постановленіе Святѣйшаго Синода (стр. 284).

— Положеніе о церковныхъ школахъ вѣдомства Православнаго Исповѣданія (стр. 284—294).

— Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ (стр. 311).

— Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища (стр. 313, 343).

— Списокъ лицъ, служащихъ въ Сумскомъ духовномъ училищѣ за 1901—1902 учебный годъ (стр. 314—316).

— Уставъ о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ священно-служителямъ и псаломщикамъ епархіальнаго вѣдомства (стр. 332—340).

— Списокъ воспитаницъ подготовит., перваго, втораго, третьяго, четвертаго, пятаго классовъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за 1901—1902 учебн. годъ (стр. 343—350).

— Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за 1901—1902 учебн. годъ (стр. 350—354).

— Списокъ воспитанницамъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, которыя за отличные успѣхи и отличное благоправіе, по опредѣленію совѣта, награждаются похвальными листами (стр. 354).

— Списокъ воспитаницъ 6-хъ классовъ Харьковскаго Епархі-

альнаго женскаго училища, окончившихъ курсъ и получившихъ аттестаты съ правами на званіе домашнихъ учительницъ; при чемъ нѣкоторые изъ нихъ, за отличные успѣхи в благонаравіе, награждаются крѣгами (стр. 355).

— Списокъ лицъ, служащихъ при Харьковскомъ Духовномъ училищѣ, за 1902 учебный годъ (стр. 363).

— Списокъ лицъ, служащихъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ, за 1902 годъ (стр. 365).

— Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи, составленный послѣ годовыхъ испытаній за 1901—1902 учебный годъ (стр. 367—372).

— Разрядный списокъ воспитанниковъ Купянскаго духовнаго училища за 1901—1902 учебный годъ (стр. 372—375).

— Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища (стр. 375).

— Разрядный списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища за 1901—1902 учебный годъ (стр. 376—380).

— Отъ Правленія Сумскаго духовнаго училища (стр. 380).

— Разрядный списокъ учениковъ Харьковскаго Духовнаго училища за 1901—1902 учебный годъ (стр. 381—385).

— Отчетъ Харьковскаго Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ—о состояніи раскола и сектантства въ Епархіи и дѣятельности епархіальной миссіи за 1902 годъ (стр. 386—391, 420—423, 439—447, 469—479, 494—503, 527—536).

— Списокъ лицъ, служащихъ въ Харьковской Духовной Семинаріи за 1902 годъ (стр. 395—400).

— Списокъ лицъ, служащихъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ за 1902 годъ (стр. 400—407).

— Отчетъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ Эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи за 1901 г. (стр. 408—419).

— Къ свѣдѣнію духовенства Харьковской епархіи (стр. 423).

— Отъ Харьковской духовной консисторіи (стр. 424, 630).

— Правительственное распоряженіе (стр. 437).

— Отъ Балковскаго отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго совѣта (стр. 527).

— Распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ по почтовой части (стр. 566).

— Отъ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» (стр. 567—569)

— Журналы Харьковскаго XVIII Епархіальнаго съѣзда духовенства (стр. 570—580, 598—610).

- Отъ канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода (стр. 595—596, 688).
- Отъ канцеляріи Комитета Министровъ (стр. 596).
- Журналы Съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа 1902 г. (стр. 610—616).
- Приказъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода (стр. 627).
- Распоряженія Правительства (стр. 627—629).
- Журналы Съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа (стр. 630—640).
- Росписаніе очереднаго проповѣданія слова Божія протоіереемъ и священникамъ г. Харькова в подгороднихъ селеній въ Каедральномъ соборѣ и въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ въ теченіе 1903 года (стр. 641—644).
- Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта (стр. 660, 689).
- Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1902 году (стр. 661—682, 694—722).
- Журналы Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 19 сентября 1902 года (стр. 689—693).

Г. Епархіальныя извѣщенія.

О назначеніяхъ, опредѣленіяхъ на должности, увольненіяхъ отъ должности, награжденіяхъ, о вакантныхъ мѣстахъ и проч. (стр. 2, 42, 80, 103, 135, 170, 206, 216, 255, 294, 316, 391, 426, 447, 479, 503, 536, 553, 580, 617, 645, 682, 722).

Д. Извѣстія и замѣтки.

(Изъ мѣстной хроники и извлеченія изъ періодическихъ органовъ печати).

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ духовно-учебныхъ заведеній.—Лѣтосчисленіе на Русь.—Путь къ счастью.—О соблюденіи общепринятыхъ прилчій священникомъ.—Истинная и ложная свобода.—Расколъ, сектантство и пнославыя исповѣданія въ Россіи.—Увеличеніе кредита вѣдомству Святѣйшаго Синода въ 1902 г.—Электрическое освѣщеніе въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.—Чудесное исцѣленіе больной въ Изюмскомъ уѣздѣ.

— Паломничество учениковъ изъ Сумъ въ Шплевку. — 50-ти лѣтіе служенія въ священномъ санѣ Протопресвитера І. Л. Янышева. — Высокопреосвященный Діонисій, первый епископъ Якутскій (по поводу 30-ти лѣтія Якутской епархіи). — Полезное для чтенія изданіе. — Тиражъ выигрышныхъ билетовъ 1-го займа (стр. 3—27). Посѣщеніе духовно-учебныхъ заведеній Высокопреосвященнѣйшимъ Флавіаномъ, Архіепископомъ Харьковскимъ. — Нареченіе ректора Тифлисской Духовной Семинаріи Архимандрита Стефана во Епископа Сумскаго. — Премія Имени Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны за сочиненія и переводы по вопросамъ благотворительности. — Темы для сочиненій на соисканіе этихъ премій. — Облегченіе участи крестьянскихъ дѣтей Попечительствомъ, состоящимъ въ вѣдѣніи Ея Величества. — Здравый взглядъ на народныя рзвлеченія и задачи обществъ трезвости. — Старецъ о. Іона Кіевскій. — Русскіе подвижники XIX вѣка. — Вивоняки взрына въ Курскомъ монастырѣ и наказаніе ихъ. — Причина волненій молодежи въ учебныхъ заведеніяхъ. — Пропаганда вновѣрія среди православныхъ славянъ, румынъ и грековъ (стр. 43—64). Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Флавіаномъ духовно-учебныхъ заведеній. — Новый викарій Харьковской епархіи. — Хиротонія его во епископа. — Чествованіе городомъ Харьковомъ Преосвященнѣйшаго Иннокентія, бывшаго епископа Сумскаго. — Посѣщеніе православнымъ епископомъ раскольничьей молебни. — Собраніе Братства во имя Пресвятыя Богородицы въ Вѣлопольѣ. — Памяти добраго дѣлателя на нивѣ Христовой (стр. 80—93). Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Флавіаномъ свѣтскихъ и духовныхъ учебныхъ заведеній. — 18-е февраля въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ города Харькова. — Празднество въ Харьковской Духовной Семинаріи въ честь Гоголя. — На юбилей Гоголя, стихотвореніе г. Хорошкова. — Празднество въ честь Гоголя въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ учящщѣ. — Гоголь въ его письмахъ. — Дѣло о Павловскомъ побовщѣ. — Некрологъ (стр. 105—122). Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Флавіаномъ духовно-учебныхъ заведеній. — Торжество православія. — Первое посѣщеніе Преосвященнымъ Стефаномъ Куряжскаго монастыря. — Посѣщеніе Преосвященнымъ Стефаномъ мужскихъ духовно-учебныхъ заведеній. — Открытіе религіозно-правственныхъ чтеній на окраинахъ г. Харькова. — О пользѣ христіанскаго поста по научнымъ даннымъ. — Животрепещущій вопросъ. — Некрологъ о. Георгія Волобуева. — Тиражъ 2-го

выигрышнаго займа (стр. 136—155). Торжественное служеніе Литургіи въ Семинаріи п мужскомъ духовномъ училищѣ 15 марта.— Поминовеніе Преосвященнаго Амвросія въ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.—Нужда во внѣ-богослужебныхъ собесѣдованіяхъ въ настоящее время и религіозно-нравственныя чтенія въ г. Харьковѣ.—Высочайшая отиѣтка на всеподданнѣйшемъ отчетѣ г. Харьковскаго Губернатора.—Императорское Православное Палестинское общество въ 1901 г.—Затруднительныя для пониманія слова въ славянскомъ мѣсяцесловѣ.—Рѣчь по случаю 25-лѣтія учено-литературной дѣятельности о Тимоѣеѣ Буткевича.—Некрологъ (стр. 170—187). Архипастырскія посѣщенія мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній.—Великіе дни въ жизни христіанина и отраженіе ихъ въ поэзіи.—Дерзкое преступленіе (стр. 207—214). Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Флавіаномъ Духовной Семинаріи.—Перенесеніе Чудотворной Иконы.—Изреченія Господа Нашею Иисуса Христа, которыхъ пѣтъ въ Евангеліи.—Какъ празднуютъ Пасху нынѣ въ Іерусалимской церкви.—Сохранившіеся донынѣ предметы отъ «Страстей Христовыхъ».—Исцѣленіе бѣсноватой.—Четии—Міаней въ Русскомъ переводѣ.—Современный романъ и повѣсти, какъ возбудители страстей.—Злой недугъ русскаго народа.—Что говорить наука объ „умѣренномъ употребленіи вина?“—Дѣти и помочи алкоголиковъ.—Свидѣтельство о себѣ непьющаго вина писателя, родившагося отъ алкоголиковъ.—Памяти В. А. Жуковскаго.—Некрологъ (стр. 216—251). Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Флавіаномъ и Преосвященнѣйшимъ Стефаномъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній.—Закладка храма при Харьковскомъ училищѣ слѣпыхъ.—Печальное происшествіе въ Богодуховѣ.—Правительственное сообщеніе о безпорядкахъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ.—Церковное празднество въ г. Ярославѣ.—Новые министры В. К. Плеве и Г. Э. Зенгеръ.—Стремленіе китайцевъ къ принятію Православной вѣры.—Враждебное отношеніе римско-католическаго епископа къ православнымъ школамъ.—Юношескія братства въ прежнее время.—Самарское братство учениковъ церковной школы.—Некрологъ (стр. 256—279). Отѣздъ Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана въ Петербургъ и служеніе его въ церкви Епархіалнаго женскаго училища.—Посѣщеніе Петербурга президентомъ французской республики.—Погребенный городъ.—Соборное служеніе іереевъ.—Формы письменныхъ сношеній.—Извѣстіе о плащаницѣ, кою было обрѣто тѣло Господа нашего Иисуса

Христа. — Преланія о Пилатѣ Понтійскомъ. — Раскопки у : авилюн-ской башни (стр. 294—310). Окончаніе учебныхъ занятій въ Ду-ховной Семинаріи и доброе слово воспитанникамъ ея. — Извлече-ніе изъ годовыхъ отчетовъ о состояніи Духовныхъ семинарій и училищъ. — Памяти св. Дмитрія Ростовскаго. — Противосектантскіе миссіонерскіе курсы въ Воронежѣ. — Обь отношеніяхъ сельскаго учителя къ законоучителю (стр. 318—330). Открытіе курсовъ при Харьковскомъ Духовномъ училищѣ для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. — Открытіе курсовъ при Харьковской Духов-ной Семинаріи для второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. — Юбилей (стр. 356—361). Молебствіе Господу въ г. Харьковѣ по поводу, Высочайше оказанной Милости духовенству. — Приѣмъ по-сѣтителей Преосвященнѣйшимъ Стефаномъ, епископомъ Сумскимъ. — Некрологъ (стр. 392—394). Паломничество учителей и учитель-ницъ церковно-приходскихъ школъ въ Куряжъ. — Проѣздъ черезъ Харьковъ Абиссинскаго митрополита. — Новый законъ о виѣбрач-ныхъ дѣтяхъ. — Именные иконы новорожденнымъ. — Изъ матеріаловъ по исторіи Русской Церкви. — Вразумительный случай. — Некрологъ (стр. 427—436). Окончаніе занятій на временныхъ курсахъ при Харьковской Духовной Семинаріи для учителей второклассныхъ школъ. — Наши дѣти. — Золотыя слова Монарха о воспитаніи дѣтей. — Духовное торжество въ Твери. — Способы для отысканія утрен-няго рядоваго воскреснаго Евангелія и гласа для данной недѣли. — Хрстіанскія заповѣди Талмуда. — Союзъ законоучителей въ Ниж-немъ-Новгородѣ. — Средства отъ бессонницы. — Некрологъ (стр. 448—465). Археологическій съѣздъ и археологическая выставка въ Харьковѣ. — Проводы прихожанами добраго пастыря. — Сужденіе па-стыря церкви о нѣкоторыхъ, обычныхъ въ наше время, развле-ченіяхъ лицъ духовнаго званія. — Некрологъ (стр. 480—489). Го-довщина смерти Архіепископа Харьковскаго Амвросія. — Археоло-гическій съѣздъ въ Харьковѣ и содержаніе нѣкоторыхъ читан-ныхъ на немъ рефератовъ. — Домъ трудолюбія образованныхъ жен-щинъ въ Харьковѣ. — Чествованіе благочиннаго церковей г. Харь-ва. — Безпривзорность сиротъ въ сельскихъ приходахъ. — Некрологъ. — Тиражъ билетовъ 2 внутренняго съ выгрышамъ займа (стр. 505—521). Пребываніе ихъ Величествъ въ Боркахъ. — Возвращеніе изъ С.-Петербурга въ Харьковъ Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана. — Новости изъ жизни свѣтскихъ средне-учебныхъ заведеній. — Блаженный старецъ Серафимъ Саровскій (стр. 537—550). 26-го

сентября въ Харьковской Духовной Семинаріи. — Перенесеніе Озеринской иконы Божіей Матери въ Куряжа въ Харьковъ. — Освященіе въ городѣ Сумахъ Кадетскаго корпуса. — Харьковская сельско-хозяйственная выставка. — Окружное посланіе Волынскаго Архіепископа къ своей паствѣ. — Сіонитское движеніе среди евреевъ. — Некрологъ (стр. 553—564). Слухъ о предоставленіи воспитанникамъ Духовныхъ Семинарій права поступать въ Военно-Медицинскую Академію. — Доброе дѣло Самарскаго духовенства. — Посѣщеніе о. Іоанномъ Кронштадтскимъ, по порученію Св. Синода, сектантовъ. — Неосновательныя притязанія къ православному духовенству. — Новая секта. — Изъ жизни раскола. — Завѣдываніе церковными суммами (стр. 580—591). Новый почетный членъ Кіевской Духовной Академіи. — Рѣдкая награда для сельскаго священника. — Перемѣны въ жизни Харьковской Духовной Семинаріи. — 35-лѣтній юбилей пастырской дѣятельности благочиннаго священника о. Павла Булгакова. — Новый магистръ Богословія въ средѣ Харьковскаго духовенства. — Движеніе противъ табакокуренія въ средѣ Американскаго духовенства. — Иезуитская мораль. — Несчастные выгрышные билеты. — Тиражъ выгрышныхъ билетовъ 3-го займа (стр. 618—626). Музей церковно-приходскихъ школъ при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ. — Освященіе женской двухклассной церковно-приходской школы въ г. Харьковѣ. — Новое школьное зданіе въ с. Губаровкѣ. — Судъ надъ преступникомъ, покушавшимся на жизнь Харьковскаго Губернатора. — Взаимное страхованіе строевій духовнаго вѣдомства. — Объединеніе дѣятельности духовнаго вѣдомства и министерства народнаго просвѣщенія въ области народнаго образованія. — Епархіальный домъ въ Москвѣ. — Какъ проводились Филиповки или Рождественскій постъ у насъ въ старину (стр. 645—658). 1-е декабря въ Харьковской Духовной Семинаріи. — Храмовой праздникъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ. — Братство проповѣдниковъ слова Божія въ г. Харьковѣ. — Освященіе приюта—ясли въ Вознесенскомъ приходѣ въ г. Харьковѣ (стр. 683—686). Землетрясеніе въ Андیمانѣ. — Некрологъ (стр. 723—725).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

Харьковской Епархіи

ПРИ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОМЪ ЖУРНАЛѢ

„ВѢРА И РАЗУМЪ“.

ТОМЪ III.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1902.

Πιστεὶ νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣаемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Января 1902 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

Слово въ недѣлю по Рождествѣ Христовомъ*).

О благахъ, принесенныхъ на землю рожденіемъ Спасителя.

Христосъ рождается, славите; Христосъ съ небесъ, срящите, Христосъ на земли, возноситеся! (Ирм. 1 пѣсн. 1 кан. праздв.).

Такими и подобными имъ ликующими пѣснями мы, бл. сл., встрѣчали и сопровождали свѣтлые дни праздника Рождества Христова. Св. Церковь задолго, болѣе чѣмъ за мѣсяць до его наступленія, влагаетъ въ наши уста эту радостную, торжественную пѣснь—для того, безъ сомнѣнія, дабы глубже напечатлѣть въ нашемъ сознаніи мысль о безконечныхъ благахъ, принесенныхъ человѣчеству воплотившимся Сыномъ Божиимъ, и возбудить въ насъ тѣмъ большія чувства радости и благодарности къ родившемуся въ Вифлеемѣ Богомладенцу. Вотъ и вчера на всеобщемъ бдѣніи мы слышали эту пѣснь; сегодня на вечернемъ богослуженіи она огласитъ нашъ слухъ въ послѣдній разъ для текущаго года,—и потому благовременно еще разъ поразмыслить вамъ, бр., за что-же именно мы должны славить родившагося Спасителя, почему нынѣ должна „*пѣть Господеви вся земля*“, въ чемъ именно „*Христосъ прославился*“, иначе: что радостнаго и благотворнаго получили люди съ рожденіемъ Спасителя и какъ мы пользуемся плодами Его пришествія на землю?

Для уясненія себѣ этихъ истинъ пронесемъ мысленнымъ взоромъ надъ состояніемъ грѣшнаго человѣчества, въ какомъ

*) Произнесено въ Харьковскомъ Каѳедральномъ Соборѣ 30 декабря 1901 г.

оно изнывало въ ветхозавѣтныя времена. Слово Божіе и исторія древняго міра представляютъ жизнь этого міра, въ главныхъ проявленіяхъ человѣческаго духа, въ мрачныхъ и безотраднѣйшихъ чертахъ. Согрѣшившій и отпавшій отъ взаимнообщенія съ Богомъ человѣкъ помрачилъ въ себѣ образъ Божій и ниспалъ въ бездну заблужденій, слабостей и пороковъ. Умъ его бесплодно блуждалъ въ разъясненіяхъ *стихій міра* и цѣли бытія; прирожденное стремленіе человѣка къ Первоисточнику всего сущаго *истощилось въ созданіи* тлѣнныхъ образовъ и поклоненіи бездушнымъ идоламъ. Этому заблужденію ума, помраченію сердца и приверженности къ идолопоклонству были причастны всѣ народы древняго міра, не исключая часто и Богоизбраннаго Израиля. Ветхозавѣтный Бытописатель и древніе пророки почти на всѣхъ страницахъ своихъ писаній свидѣтельствуютъ, съ какимъ трудомъ поддерживалась даже среди народа Богоизбраннаго искра вѣры въ Истиннаго Бога, какъ она иногда теплилась лишь въ отдѣльныхъ, немногихъ личностяхъ изъ всего человѣчества и какъ много потребовалось чрезвычайныхъ знаменій, чудесъ и Божественныхъ дѣйствій для поддержанія истинной вѣры въ Единого Бога среди евреевъ—народа чувственнаго и жестоковаго. Даже лучшіе, гениальныя умы древней Греціи и Рима (Сократъ, Платонъ, Сенека), не могли возвыситься до истиннаго познанія Высочайшаго Существа, Творца и Промыслителя вселенной. Отрицая многобожіе, вставая противъ человѣкообразнаго представленія божества, столь омрачившаго религіозную мысль древняго языческаго міра, они настаивали только на мысли о признаніи Единого Бога; но рѣшительно не могли составить себѣ правильнаго понятія о Немъ. „Всѣ мои рѣчи о Богѣ, съ горечью признается философъ Ксенофанъ, чужды полной истины; ее знать не дано человѣку“...

Разительное и яркое представленіе о помраченіи ума и извращеніи сердца у древнихъ языческихъ народовъ даетъ намъ Ап. Павелъ, когда говоритъ въ посланіи къ Римлянамъ: „Они (язычники) осуетились въ умствованіяхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце; славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ, подобный тлѣнному человѣку, и птицамъ, и

четвероногимъ, и пресмыкающимся; они замѣнили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вмѣсто Творца“ (1, 21, 23, 25). А до какого нравственнаго паденія дошли люди съ утратою вѣры въ Истиннаго Бога, изображается Апостоломъ въ томъ же мѣстѣ посланія къ Римлянамъ въ такихъ чертахъ, которыя поражаютъ и смущаютъ всякое христіанское чувство (—ст. 24, 26—30);—столь глубоко извратили люди естественныя потребности и взаимныя отношенія между собою!

Въ частности, насъ поражаетъ отсутствіе у древнихъ народовъ сострадательности, милосердія и любви къ ближнимъ. Художественная Греція и воинственный, богатый Римъ, давшіе намъ столько высокихъ образцовъ ума, силы и могущества человѣка, не знали ни больницъ, ни какихъ либо убѣжищъ для бѣдныхъ. „Плохую услугу, говоритъ одинъ древній мыслитель, оказываетъ бѣдному тотъ, кто даетъ ему ѣсть и пить, потому что то, что онъ даетъ ему, только ухудшаетъ и удлинняетъ ему жизнь къ большей бѣдности“. Когда въ г. Александріи (въ Египтѣ), уже во времена христіанства (въ III в.), люди тысячами умирали отъ моровой язвы, то одни только христіане имѣли мужество ухаживать за больными и погребать умершихъ,—такъ безчеловѣчно, по нашимъ христіанскимъ понятіямъ, было отношеніе къ этимъ несчастнымъ, даже къ близкимъ роднымъ, всѣхъ остальныхъ Александрійцевъ! Такъ вообще люди безъ Христа были черствы, эгоистичны!

Это отсутствіе человѣколюбія, милосердія къ ближнимъ было въ особенности характерно въ отношеніяхъ древнихъ народовъ къ своимъ рабамъ. Если цѣпи рабства были тяжки и невыносимы не въ столь отдаленное отъ насъ время, когда нравы господъ были смягчены десятками вѣковъ христіанскаго просвѣщенія, то представимъ себѣ, каково было положеніе рабовъ въ древности! Рабы были въ собственномъ смыслѣ безправною и безличною вещью господина, менѣе цѣнною, чѣмъ скотъ и имущество. За убійство чужого рабочаго вола, по римскимъ законамъ, виновный наказывался смертію, между тѣмъ какъ убійство раба часто оставалось совершенно незна-

казаннымъ. Императоры, богатые и знатные господа устраивали изъ убійства и казней рабовъ себѣ зрѣлища, а гладіаторы, идущіе на смерть въ циркахъ и амфитеатрахъ, должны были съ мрачною покорностію еще и привѣтствовать своихъ тирановъ: „Будь здоровъ, Цезарь! Обреченные на смерть тебѣ привѣтствуютъ!“

Эти, наконецъ, жестокія и безправныя отношенія сильныхъ къ слабымъ, богатыхъ къ бѣднымъ, господъ къ рабамъ въ древнемъ мірѣ простирались и на жизнь семейную. Ни жена, ни дѣти не имѣли и тѣни тѣхъ правъ и свободныхъ, въ духѣ любви христіанской, отношеній къ главѣ семейства, какія мы видимъ въ христіанствѣ. Жена и дѣти были такою-же почти вещью мужа и отца, какъ и рабы. Жена была внѣшнею прикрасою и услажденіемъ древняго язычника, устраненною отъ духовнаго союза и участія въ интересахъ семейныхъ дѣлъ и жизни мужа, а дѣти были столь безправными и ничтожными въ глазахъ даже просвѣщенныхъ народовъ древности, что, по спартанскимъ законамъ, прямо вмѣнялось въ обязанность больныхъ и слабыхъ дѣтей или умерщвлять, или бросать въ море.

Еврейская религія, безъ сомнѣнія, являлась единою истинною и Богооткровенною вѣрою среди языческой тьмы и заблужденій древняго міра. Она своимъ возвышеннымъ Единобожіемъ (монотеизмомъ) безмѣрно возвышалась надъ всѣми, извѣстными тогда, религіями, и, являясь „*пѣстуномъ во Христа*“ (Гал. III, 24), своею строгою обрядностію, заключеніемъ древняго Израиля „*подъ стражу закона*“ (—ст. 23), постепенно и дивно руководила его къ принятію Мессіи, къ уясненію среди людей вѣры въ грядущаго Спасителя. Богооткровенная религія іудеевъ безмѣрно возвышала ихъ надъ языческимъ міромъ и въ нравственныхъ требованіяхъ и взаимныхъ обязанностяхъ между собою. Среди всеобщей черствости, себялюбія и отсутствія милосердія, сострадательности къ ближнему такія требованія закона, какія заключались въ заповѣдяхъ: *не убій, не укради, не завидуй, не лжесвидѣтельствуй*, были истиннымъ благомъ для людей ветхозавѣтныхъ; а заповѣди: *око за око и зубъ за зубъ* (Исх. XXI, 24), возлю-

били искренняго твоего, хотя и затемненныя еврейскими книжниками враждою ко врагамъ (Лев. XIX, 17—18), законъ объ обязательномъ въ юбилейные годы отпускѣ рабовъ на свободу и о возвращеніи земельныхъ участковъ прежнимъ владѣльцамъ (Лев. XXV, 25, 40—41) и другія, подобныя имъ, заповѣди и законы значительно обуздывали звѣрскія и кровожадныя наклонности людей древняго періода. Это, наконецъ, обузданіе чувственной и развращенной природы человѣка коснулось въ Законѣ Моусеевомъ и семейной жизни Израильтянъ заповѣдями *не прелюбы сотвориши, чти отца твоего и мать твою*, повелѣніемъ при разводѣ съ женою давать ей *книгу распустную* (разводное письмо—Второз. XXIV, 1) и пр.

И все-же потребовались чрезвычайные способы и средства для полнаго „просвѣщенія языковъ“ (Лук. II, 32) даже и при наличности въ мірѣ Богооткровенной ветхозавѣтной вѣры іудеевъ: потребовалось посланіе въ мірѣ Единороднаго Сына Божія, „дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“ (Іоан. III, 16). Зачѣмъ и почему это? Затѣмъ и потому, что одинъ только Христось Спаситель былъ и сталъ „свѣтомъ міру и жизнью человѣковъ“ (Іоан. I, 4; VIII, 12), „хлѣбомъ жизни“ (—VI, 35, 48), безъ вкушенія Котораго нѣтъ и не можетъ быть вѣчнаго спасенія (—53); затѣмъ и потому, что Христось Одинъ только имѣетъ *слово жизни вѣчнаго* (—VI, 68), что Онъ Одинъ только является дверью, вводящею „во дворъ овчій“ и изводящею на „пажити вѣчныя“ (—X, 9), что Онъ Одинъ только является источникомъ жизни, лозою для насъ всѣхъ—Его *рождѣній*, которые безъ Него *не могутъ творити* (въ духовной жизни) *ничего* (—XV, 5).

И относительно всей вообще религіозно-правственной стороны Моусеева Закона Христось Самъ сказалъ, что Онъ не отмѣняетъ этого закона, но разъясненіемъ и совершеннымъ исполненіемъ очищаетъ, возвышаетъ и углубляетъ его (Матѣ. V, 17, 20). И дѣйствительно, Христось явился свѣтомъ міру, имѣющимъ *слово жизни вѣчнаго*. Это восполненіе и усовершеніе Спасителемъ ветхозавѣтной Богооткровенной религіи коснулось всего ея содержанія. Прежде всего, мы только въ христіанствѣ узнали „*велию благочестія тайну*“, именно—что

Богъ явился во плоти (1 Тим. III, 16); что этотъ Богъ—Слово и Отецъ—*едино суть* (Иоан. X, 30); что Спаситель отъ Бога Отца послалъ въ міръ Святаго Духа для освященія и просвѣщенія своей церкви (—XIV, 16, 26; XV, 26; Гал. V, 23), т. е. только въ христіанствѣ мы въ совершенствѣ, насколько это людямъ доступно, познали Бога Единого, во Святой Троицѣ покланяемаго, и притомъ—Бога не карателя только и мздовоздаятеля за тѣ или иныя дѣла, какъ это знали въ ветхомъ завѣтѣ, а—и Отца, возлюбившаго насъ до посланія въ міръ на страданія Единороднаго Сына Своего (Иоан. III, 16; Гал. IV, 4), давшего намъ благодать усыновленія (Гал. IV, 5) и право взывать къ Нему: *Ава Отче* (—ст. 6).

Затѣмъ, особенно широкое восполненіе и усовершеніе Ветхозавѣтнаго Закона коснулось съ пришествіемъ Спасителя духовно-бытовой стороны и взаимныхъ отношеній людей между собою. Никогда въ древности, даже среди Богоизбраннаго народа, такъ настойчиво не раздавалась проповѣдь о покаяніи, какъ съ пришествіемъ Христа Спасителя, ибо покаяніе, духовное возрожденіе поставлялось необходимымъ и важнѣйшимъ условіемъ вступленія въ благодатное царство Христово. „Покайтесь, ибо приблизилось царство небесное“ (Матѣ. III, 2; IV, 17); „Сотворите достойные плоды покаянія“ (Лук. III, 8); „Поступайте по духу, и вы не будете исполнять вождельній плоти“ (Гал. V, 16),—вотъ содержаніе проповѣди Христа, Его Предтечи и Апостоловъ. Это духовное возрожденіе, приобретаемое собственными усилями (Матѣ. XI, 12; Лук. XVI, 16), при возрожденіи въ то же время и свыше, силою благодати Божіей (Иоан. III, 3, 5), переносило центръ тяжести нравственно-религіозной жизни отъ внѣшнихъ обрядовъ и внѣшне-фарисейскаго, формальнаго пониманія праведности къ сердечному сокрушенію и смиренію (Лук. XVIII, 9—14), къ дѣламъ милосердія и сострадательности къ ближнимъ (Матѣ IX, 13, XXV, 35; XXIII, 23), къ терпѣливому перенесенію всѣхъ скорбей міра сего (Иоан. XV, 18; XVI, 33; Лук. XXI, 19), къ отреченію отъ излишнихъ земныхъ склонностей и привязанностей (Матѣ. XIX, 21; Мар. VIII, 34; Лук. XIV, 26) и къ подавленію въ себѣ страстей и пороковъ, къ духовной

трезвенности (Матѣ. XVII, 21; Лук. XXI, 34—36). Даже такихъ заповѣдей Закона, какъ заповѣди Десятословія: *не убій, не укради, не прелюбы сотвори* и пр., оказалось недостаточно для полнаго совершенства (Матѣ. XIX, 21) и достиженія полнаго христіанскаго идеала (Матѣ. V, 48; Лук. VI, 36), ибо въ этихъ заповѣдяхъ заключались чисто отрицательныя добродѣтели, не указывавшія еще красоты и подвиговъ духовнаго совершенства, какъ это намъ возвѣщено напр. въ девяти заповѣдяхъ блаженства (Матѣ. V, 3—12), почему Христосъ и сказалъ: „Если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, то вы не войдете въ царство небесное“ (— V, 20). Поэтому христіанство потребовало: не только *не убивай* ближняго, но удерживайся отъ гнѣва, раздражительности и обиды ближняго даже словомъ (— V, 21), такъ что, при отсутствіи въ тебѣ мира душевнаго и всепрощенія, и молитва твоя, и жертвы твои не приемлются Богомъ (— ст. 23 и 24). Христіанство возвѣстило: для полученія вѣчнаго блаженства недостаточно формальнаго цѣломудрія, какъ это указывалось Закономъ Моисеевымъ, но необходимо оберегать себя даже отъ нечистыхъ помысловъ и плотскихъ вожделѣній (— ст. 27 и 28), ибо только *чистиі сердцемъ Бога узрятъ* (— ст. 8), ибо *отъ сердца исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣнія, любодѣнія...* (Матѣ. XV, 19). Христіанство не только восполняло ветхозавѣтный Законъ, но и вполнѣ исправляло въ немъ несовершенное, имѣвшее значеніе въ немъ временной мѣры и постепенности въ воспитаніи чувства любви къ ближнимъ и всепрощенія. Оно уже не позволяло воздавать „око за око и зубъ за зубъ“ и „ненавидѣть врага своего“, но, въ подражаніе Отцу Небесному, повелѣвающему „солнцу Своему восходить надъ добрыми и злыми и посылающему дождь на праведныхъ и неправедныхъ“ (Матѣ. V, 45), для достиженія нравственнаго совершенства (ст. 48) вмѣняло въ обязанность своимъ послѣдователямъ кротость и незлобіе (— ст. 39; ср. ст. 5), любовь, милосердіе и всепрощеніе даже къ врагамъ своимъ (— ст. 44; ср. Лук. X, 37), иначе— какое превосходство христіанина и какое отличіе его отъ

язычниковъ, благотворящихъ и любящихъ тѣхъ, кто и имъ дѣласть добро (Матѣ. V, 46—47)?

Въ частности, христіанство потребовало не только отъ дѣтей любви и повиновенія родителямъ (Матѣ. XV, 4—6; Ефес. VI, 1—3), но и отъ родителей и всѣхъ вообще старшихъ заботливости и попеченія о дѣтяхъ, воспитанія ихъ *въ наказаніи и ученіи Господни* (Ефес. VI, 4; Кол. III, 21; Мар. X, 14—15). Оно вмѣнило въ обязанность, чтобы не только рабы повиновались своимъ господамъ по совѣсти, съ усердіемъ, „какъ Господу“ (Ефес. VI, 5—7), но чтобы и господа поступали съ ними кротко, умѣряя строгость, зная, что „и надъ ними есть на небесахъ Господь“ (— ст. 9; срав. Колос. III, 22—IV, 1); оно возвѣстило неслыханное дотолѣ ученіе не только объ ограниченныхъ правахъ, но—главнымъ образомъ—и объ обязанностяхъ господъ и всѣхъ старшихъ въ отношеніи подчиненныхъ (Мѣ. XX, 26—27; Іоан. XIII, 14—15); а союзъ мужа съ женою оно возвело на степень и во образъ союза Христа съ церковію (Ефес. V, 31—39) и оградило жизнь семейную такими прочными и чистыми узами, до понятія о которыхъ человѣческая мысль не возвышалась ни прежде, ни послѣ христіанской истины (— ст. 22—29; Колос. III, 18—19; Матѣ. XIX, 9; 1 Тимѣ. V, 8).

Вотъ что цѣннаго и великаго мы приняли, братія, въ своей жизни съ пришествіемъ Спасителя! Все, что есть лучшаго на землѣ—и въ области общественной жизни, и въ жизни каждой семьи, cadaго человѣка все это —не наше, все это—Христово. Человѣчеству предоставлено было право и возможность проявить свой геній во всей силѣ и блескѣ, и оно вполне высказалось въ исторіи языческой древности. Мы видѣли, къ какимъ безотраднымъ результатамъ оно дошло, предоставленное своимъ собственнымъ силамъ. И только христіанство переродило и обновило всю религіозно-нравственную, всю общественно—бытовую жизнь человѣчества. Оно принесло истинное Боговѣдѣніе, благодатный *миръ* на землю (Лук. II, 14) и водворило царство Божіе на землѣ, какъ возрожденіе нашихъ

душъ (Лук. XVII, 21), какъ служеніе Богу *духомъ и истиною* (Іоан. IV, 23), какъ *правду, миръ и радость о Дусѣ Святѣ* (Рим. XIV, 17). Человѣчество, воспитавшееся на началахъ христіанства и въ продолженіе десятковъ вѣковъ воспринимавшее ихъ въ свое духовно-общественное достояніе, часто и не подозрѣваетъ, кому и чему оно обязано своими высокими и чистыми идеалами, откуда оно ведетъ неоспоримо—благодѣтельные и незыблемыя послѣдствія своего развитія и просвѣщенія. Въ невѣдѣніи или забвеніи всего этого и кроется великая опасность утраты этихъ благъ и основъ нашего просвѣщенія.

Къ глубокому сожалѣнію, мы должны сознаться, что именно эта опасность угрожается намъ въ наше время. Нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, замѣчается оскудѣніе вѣры и христіанской жизни среди отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ, упадокъ нравственности, разрушеніе семейныхъ началъ, усиленіе пороковъ и преступленій, развитіе безчисленныхъ противо-церковныхъ и противо-государственныхъ ученій и движеній и все это—во имя свободы и прогресса, во имя науки и человѣческаго разума. Человѣчество какъ-бы опьянѣло отъ успѣховъ наукъ и прикладныхъ знаній и, не подозрѣвая, кому оно обязано истинною свободою и просвѣщеніемъ, объявило источникъ ихъ—христіанскій „миръ“ и проповѣдь о покаяніи, исправленіи сердца, проповѣдь о царствѣ Божіемъ, началами, отжившими свой вѣкъ, устоями гнилыми и непрочными. Страшно подумать, куда ведетъ такая настойчивая нынѣ проповѣдь о торжествѣ ложной науки и забужденій человѣческаго разума, о наступленіи полной свободы и произвола въ области религіозной мысли и семейно-общественной жизни каждаго человѣка! Она дала уже намъ разнообразныя демонстраціи и безчинства учащейся молодежи; она породила неслыханныя въ исторіи нашего исконно-православнаго народа религіозныя изувѣрства въ центрѣ даже православныхъ общинъ и приходовъ, а въ будущемъ грозитъ страшнымъ политически-религіознымъ пожарищемъ...

Оглянемся, бр., на свою жизнь и „*въ разумъ истины приидемъ*“ (I Тимоѣ. II, 4)! Признаемся, что мы пренебрегли миромъ и истинною свободою, свободою отъ страстей, пороковъ

и заблужденій (Іоан. VIII, 32), принесенными намъ родившимся Спасителемъ. Мы любимъ иногда, гдѣ это намъ выгодно, хвалиться своимъ православіемъ и воплощеніемъ въ своей жизни христіанскихъ началъ; особенно любятъ нынѣ ссылаться на Христа и Его Евангеліе въ своихъ теоріяхъ самозваные учителя вѣры и общественной жизни. Но глядите, какъ-бы намъ не оказаться въ ряду тѣхъ враговъ Христовыхъ—книжниковъ, фариисеевъ и другихъ іудейскихъ учителей народныхъ, которые, утративъ истинный смыслъ Мессіанской идеи, старались низвести Христа „на землю“, для земного царства, для наслажденія только *земными* благами (Іоан. VI, 26—27; XI, 48; XII, 13—14, 42—43). Христось обѣщаль сохранить Свою церковь неизблемою отъ всѣхъ усилій ада (Мате. XVI, 18) и пребыть съ своими истинными послѣдователями *до скончанія вѣка* (—XXVIII, 20), но Онъ не сказалъ, какіе именно народы сохранять этотъ свѣточъ вѣры и жизни, кому именно суждено сказать въ концѣ концовъ свое послѣднее слово въ религіозно-бытовой исторіи человѣчества (Мате. XXIV, 14). Смотрите, какъ бы эта миссія не отошла отъ насъ—православныхъ русскихъ, какъ бы этотъ христіанскій свѣточъ не возсіялъ вмѣсто насъ въ какой нибудь Японіи, Индіи или Китаѣ, ибо „Богъ можетъ изъ камней воздвигнуть вѣрующихъ чадъ Аврааму“ (Мате. III, 9), и погибнетъ тогда „память наша съ шумомъ“ (Псал. IX, 7). Аминь.

Святи. Данилъ Поповъ.

УЧЕНИЕ ГЕГЕЛЯ О РЕЛИГИИ И ЕЯ СУЩНОСТИ.

Философское учение *Георга Вил. Фр. Гегеля* (1770—1831) заслуживаетъ особенно серьезнаго вниманія. Болѣе полувѣка оно почти деспотически господствовало надъ умами западно-европейскихъ мыслителей. Философія Гегеля, отличавшаяся стройною формальною законченностію, была примѣняема ко всѣмъ наукамъ и обѣщала разрѣшить всѣ важнѣйшіе вопросы, до того времени считавшіеся неразрѣшимыми. Но особенно сильное вліяніе она имѣла на послѣдующее развитіе и характеръ философскихъ и богословскихъ системъ. Такъ, ея вліяніемъ нужно объяснить появленіе умозрительнаго богословія *Дауба* и *Маргейнке*. *Бидерманъ* и *Пфлейдереръ* еще и въ настоящее время не перестали быть гегельянами въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ. Видное мѣсто въ своей системѣ Гегель отвелъ изслѣдованію о религіи вообще и христіанской въ частности. Въ 1793 году онъ окончилъ курсъ въ тюбингенскомъ университетѣ по богословскому факультету (по философскому факультету онъ окончилъ курсъ въ 1790 году), а весною 1795 года имъ было уже написано сочиненіе „Жизнь Иисуса“ (*Das Leben Iesu*), въ которомъ съ достаточною ясностію опредѣлилось то направленіе, которое въ послѣдствіи приняло воззрѣніе Гегеля на сущность религіи вообще и христіанской въ частности. Сочиненіе это сохранилось въ рукописи, изъ которой *Розенкранцъ* и *Геймъ* опубликовали только немногія выдержки. Но вотъ что мы читаемъ о немъ у *Ибервега—Гейнца* ¹⁾. „Въ основѣ сочиненія лежитъ лессингово

¹⁾ Исторія новой философіи. Перев. М. Колубовскаго. Спб. 1890, стр. 318.

разграниченіе личнаго религіознаго воззрѣнія Іисуса отъ догмата христіанской церкви. Это разграниченіе было заманчиво для Гегеля не столько вслѣдствіе чисто историческихъ мотивовъ, сколько въ силу потребности найти у Іисуса свою собственную точку зрѣнія. Что это такъ, видно изъ разсужденій, построенныхъ на подобныхъ мысляхъ. Іудейство представляетъ морализмъ категорическаго императива кантовской философіи. Его преодолеваетъ Іисусъ любовью. Эта любовь есть „синтезъ, въ которомъ законъ теряетъ свою всеобщность, и такимъ же образомъ субъектъ—свою особность, оба—свое противоположеніе, тогда какъ въ кантовской добродѣтели это противоположеніе остается“. Съ другой стороны Гегель указываетъ также на патологическій элементъ, заключающійся въ исключительной любви и на его опасности. Въ подчиненности одному опредѣленному духовному направленію заключается рокъ. Своимъ принципомъ любви Іисусъ сталъ въ противоположность не къ отдѣльнымъ сторонамъ іудейскаго рока, но къ самому року. Выраженія о единствѣ божеской и человѣческой природы во Христѣ Гегель сводитъ къ мысли, что только рефлексія, разъединяющая жизнь, разлагаетъ эту жизнь на безконечное и конечное. Въ рефлексіи, въ самой истинѣ этого различенія нѣтъ. Гегель очень сурово выражается противъ такого дѣленія, которымъ неправильно объективируется божество. Это дѣленіе идетъ одинаковымъ шагомъ съ испорченностью и рабствомъ людей и есть только ихъ откровеніе. Побѣду догматизирующаго церковнаго христіанства въ томъ видѣ, какъ оно господствовало въ послѣдніе вѣка древности, Гегель объясняетъ несвободой, къ которой римское владычество низвело нѣкогда самостоятельныя государства. Для гражданина древнихъ государствъ республика, какъ его „душа“, была чѣмъ-то вѣчнымъ. А несвободный, отчужденный отъ общаго интереса индивидуумъ ограничивалъ свой взоръ самимъ собой. Право гражданина давало ему только право на безопасность собственности, наполнявшей теперь весь его міръ. Смерть должна была являться ему ужасной, смерть, разрывающая всю ткань его цѣлей. Такимъ образомъ несвобода и бѣдствіе вынудили человѣка видѣть прибѣжище для своего абсолюта въ

божествѣ, искать и ожидать счастья на небѣ. Одна религія должна была представляться желанной, именно та, которая клеймила господствующій духъ времени, его нравственное безсиліе, которая безчестье отъ попиранія ногами называла честью и высшей добродѣтелью подъ именемъ страждущаго послушанія и т. д. Радикализмъ этихъ юношескихъ оппозиціонныхъ мыслей содержится въ консерватизмѣ позднѣйшей философіи религіи, какъ оттѣсненный, но неизглаженный моментъ. Онъ былъ снова сдѣланъ самостоятельнымъ и продолженъ далѣе одною частью учениковъ Гегеля (рѣзче всего—Бруно Бауэромъ)⁴.

Свой взглядъ на религію и ея сущность Гегель изложилъ въ своихъ „чтеніяхъ о философіи религіи“¹⁾. Взглядъ этотъ отличается своею законченностію, округленностію и логическою послѣдовательностію: онъ естественно вытекаетъ изъ общихъ началъ философскаго міровоззрѣнія Гегеля. Но что самое главное, такъ это то, что онъ восполняетъ пробѣлы въ изслѣдованіяхъ о религіи, допущенные предшествовавшими мыслителями. Этимъ, впрочемъ, мы вовсе не говоримъ того, что Гегель удовлетворительно и основательно разрѣшилъ вопросъ о религіи и ея сущности. Мы пока указываемъ только на *формальныя* достоинства ученія Гегеля о религіи. О значеніи взгляда Гегеля на религію и ея сущность въ сравненіи съ подобными же ученіями другихъ мыслителей одянь изъ нынѣ здравствующихъ еще гегельянцевъ—профессоръ берлинскаго университета *Оттонъ Шлейдереръ*—говоритъ слѣдующее²⁾. „Религіозная философія Шлейермахера съ такимъ рѣшительнымъ перевѣсомъ была направлена на субъектъ религіи, что объектъ ея у него исчезъ въ простомъ источникѣ чувства зависимости; для Шеллинга наоборотъ объектъ религіи былъ все и—притомъ въ столь сильной мѣрѣ, что субъективныя явленія сознанія у него превратились въ теогоническіе процессы; у Фихте сначала моральный субъектъ совершенно вытѣснилъ религіозный объектъ, въ послѣдствіи напротивъ онъ съ своей стороны грозилъ исчезнуть въ мистическомъ богоедин-

¹⁾ Срв. Hegel's Werke. Berlin. 1832. 11-ter Band. Vorlesungen über die Philosophie der Religion.

²⁾ Religionsphilosophie. 1—ster Band. 1833. стр. 404.

ствѣ; наконецъ, у Канта объекту вообще и религиозному объекту въ особенности милостію категорическаго императива была приписана только проблематическая реальность. Такимъ образомъ, у этихъ мыслителей отношеніе субъекта и объекта религіи—этотъ полюсъ религиозно философской проблемы—еще не достигло яснаго опредѣленія. Это случилось только въ той философіи, которая противоположность субъективнаго и объективнаго идеализма, вмѣстѣ съ своимъ одностороннимъ и нерѣшительнымъ воззрѣніемъ соединяющаго также и недостаточныя опредѣленія религиознаго отношенія, принципиально уничтожила въ высшемъ единствѣ того абсолютнаго идеализма, для котораго истина не уничтожается ни въ субъектѣ, ни въ объектѣ, а находится во взаимоотношеніи и взаимодейженіи между тѣмъ и другимъ и—при томъ такъ, что обѣ стороны столько же утверждаются какъ равноправные моменты, сколько и уничтожаются въ простыхъ относительныхъ моментахъ *единиц* абсолютной сущности духа. Эту задачу опредѣленіе, чѣмъ Шеллингъ и Краузе, и съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ они оба, выполнилъ Гегель, который по оригинальной гениальности хотя, быть можетъ, и уступалъ своему швабскому земляку и другу юности Шеллингу, но далеко превзошелъ его силою, основательностію, острою и стройностію мышленія. Въ исторіи философій религіи онъ образуетъ относительное завершеніе и высшій пунктъ развитія, которое однако-же и здѣсь не могло остановиться, потому что, по самому Гегелю, оно вообще никогда остановиться не можетъ“.

„Выдающаяся особенность этой философій заключается въ томъ,—говоритъ *Ифлейдереръ* далѣе,—что для нея абсолютное есть не неподвижное бытіе, а вѣчная жизнь, которая постоянно вновь производитъ самое себя, которая всегда станетъ тѣмъ, чтó она есть, и всегда уже есть то, чѣмъ она станетъ, которая открываетъ свою сущность только въ безконечномъ процессѣ развитія природы и исторіи. У Лейбница идея развитія также играетъ существенную роль, но тамъ это были отдѣльныя души, которыя развивались, и самое развитіе состояло только во внутреннемъ теченіи представленія каждой, такъ что связь всѣхъ должна была устанавливаться чрезъ

внѣшній союзъ гармоніи. Затѣмъ Гердеръ распространилъ идею развитія также на природу и исторію, не показавъ однако же методически законосообразнаго хода. Фихте изъ рефлексивныхъ актовъ я, развивающихся чрезъ тезисъ, анти-тезисъ и синтезисъ, установилъ развитіе сознанія, а вмѣстѣ съ нимъ и міра, насколько онъ былъ для него только продуктомъ сознанія. Гегель принимаетъ эту мысль, но расширяетъ ее отъ субъективнаго на объективный духъ и чрезъ діалектическое развитіе мышленія старается представить развитіе міра въ природѣ и исторіи, исходя вмѣстѣ съ Спинозою отъ такой аксіомы, что порядокъ и связь вещей едино съ природою и связью идей. Такъ въ философію Гегеля стекаются различныя нити, которыя исходятъ отъ Спинозы и Лейбница, Гердера, Фихте и Шеллинга. Но какъ искусственно сплетены онѣ Гегелемъ, такъ величественъ и опытъ—все содержаніе космоса произвести изъ діалектики понятія, какъ изъ ничего: тѣмъ не менѣе въ этомъ идеально-генетическомъ или діалектическомъ методѣ заключается слабая сторона системы, о которую она и разбивается. Что онъ понимаетъ міръ, какъ развитіе, въ которомъ разумъ является основаніемъ, закономъ и цѣлю всякаго быванія, это было силою Гегеля; а что это развитіе онъ считаетъ идеальнымъ, логическимъ, которое поэтому устанавливается чрезъ чистую діалектику понятія, это было его слабою стороною“.

Но не будемъ ограничиваться общимъ сужденіемъ другихъ лицъ,—и перейдемъ къ непосредственному ознакомленію съ тѣмъ, что говоритъ Гегель о религіи и ея сущности въ своихъ „Чтеніяхъ о философіи религіи“.

О значеніи религіи для человѣческой жизни Гегель разсуждаетъ съ особеннымъ увлеченіемъ и даже съ восторгомъ. „Этотъ предметъ (т. е. религія),—говоритъ онъ, есть наивысшій, абсолютный; это—та страна, въ которой: разрѣшается вся загадка міра, разоблачаются всѣ противорѣчія глубоко охватывающей мысли, уничтожаются всѣ скорби чувства,—страна вѣчной истины, вѣчнаго покоя. То, чрезъ что человѣкъ есть человѣкъ, есть вообще мысль,—мысль конкретная,—точнѣе—то, что онъ есть духъ; отсюда вытекаютъ многоразличныя

произведенія наукъ, искусствъ, интересы его политической жизни, обстоятельства, относящіяся къ его свободѣ, его волѣ. Всѣ сплетенія человѣческихъ отношеній, дѣятельностей, наслажденій, все, что имѣетъ достоинство, значеніе для человека, въ чемъ онъ ищетъ своего счастья, своей славы, своей чести, все это находитъ свой послѣдній средоточный пунктъ въ религіи, въ мысли, сознанія, чувствѣ Бога. Она такимъ образомъ есть начало и конецъ всего; какъ все исходитъ изъ этого пункта, такъ все и возвращается въ него; она есть центръ, который все одушевляетъ, оживляетъ, духотворитъ. Богъ познается въ религіи; Онъ концентрирующій медиумъ, одушевляющій принципъ всѣхъ указанныхъ явленій въ самой ихъ сущности. Ни къ чему иному онъ не имѣетъ такого отношенія. Онъ существуетъ просто самъ въ себѣ и по себѣ; Онъ есть безусловное, свободное, предметъ стремленія и конечная цѣль только самъ для себя. Религія есть занятіе (Beschäftigung), имѣющее Его своимъ предметомъ. Онъ—ея послѣдняя и конечная цѣль; а потому и она просто свободна и есть цѣль для себя, ибо къ этой конечной цѣли сводятся всѣ другія цѣли; предъ нею онѣ исчезаютъ. Съ нею не можетъ сравняться никакая другая цѣль; всѣ онѣ находятъ въ ней свое разрѣшеніе. Въ ней духъ освобождается отъ всякой конечности; она доставляетъ ему удовлетвореніе и освобожденіе. Она есть абсолютно свободное сознаніе,—сознаніе абсолютной истины и такимъ образомъ—само истинное сознаніе. Понимаемая какъ ощущеніе, она есть наслажденіе, которое мы называемъ блаженствомъ. Какъ дѣятельность, она не производитъ ничего другого, кромѣ того, что прославляетъ честь Бога, открываетъ Его величіе. Вотъ почему всѣ народы всегда смотрѣли вообще на это религіозное сознаніе, какъ на свое истинное сокровище, какъ на воскресный день жизни. Всякая скорбь, всякая забота, всѣ временныя мелочи улетучиваются въ этомъ эфирѣ,—въ чувствѣ ли то благоговѣнія или въ надеждѣ. Въ этой странѣ духа текутъ источники Леты, изъ которыхъ душа утоляетъ свою жажду, въ которые она погружаетъ всякую свою скорбь; всѣ жестокіе удары судьбы и всѣ непріятности жизни здѣсь превращаются въ образы сновидѣній и проясняется блескъ вѣчнаго свѣта“...

На ряду съ религіею, по словамъ Гегеля, можетъ стать только одна философія. Предметъ религіи, какъ и философіи, говоритъ Гегель, есть сама вѣчная истина въ ея объективности, Богъ и ничто, кромѣ Бога и изъясненія (Explikation) Бога. Философія изъясняетъ только себя, когда она изъясняетъ религію, и когда она изъясняетъ себя, она изъясняетъ религію. Она, какъ и религія, есть изъясненіе одного и того же предмета; она есть мыслящій духъ, проникающій этотъ предметъ,—истина, животворность и наслажденіе, истина и очищеніе субъективнаго самосознанія въ этомъ и чрезъ это разъясненіе. Такъ—продолжаетъ Гегель—религія и философія совпадаютъ во-едино: философія въ дѣйствительности есть даже служеніе Богу, какъ и религія,—но каждая—особеннымъ образомъ. Въ этой особенноти служенія Богу онѣ различаются и между собою. Здѣсь, впрочемъ, мы встрѣчаемся съ затрудненіями, которыя кажутся столь великими, что даже считается невозможнымъ, чтобы философія была едино съ религіею.

Ближе мы увидимъ, въ какомъ отношеніи находятся между собою религія и философія, тогда, когда точнѣе опредѣлимъ, что такое религія и въ чемъ слѣдуетъ полагать ея сущность. По опредѣленію Гегеля, религія есть отношеніе субъекта или субъективнаго сознанія къ Богу, Который есть духъ, или точнѣе—она есть *знаніе* конечнаго духа о своей сущности, какъ о духѣ абсолютномъ. Духъ сознаетъ и то, что онъ сознаетъ, т. е., что онъ есть истинный, дѣйствительно абсолютный духъ: это—*его* существо, а не существо другого. Поэтому религія есть идея сама въ себѣ и понятіе религіи есть понятіе этой идеи. Идея есть единственно истинное или—что то же—она есть реальность понятія, при чемъ эта реальность тождественна съ самымъ понятіемъ и опредѣляется всецѣло только чрезъ него. Когда называютъ понятіе духомъ, то это значитъ, что реальность этого понятія есть сознаніе. Духъ, какъ понятіе, т. е., какъ всеобщій духъ, реализуется въ сознаніи и—именно въ томъ сознаніи, которое само духовно,—въ томъ сознаніи, для котораго можетъ существовать только духъ. Новѣйшее богословіе больше говоритъ о религіи, чѣмъ о Богѣ; въ средніе вѣка напротивъ больше старались разсматривать и

опредѣлять существо Бога, чѣмъ религіи. Но мы должны признать (по увѣренію Гегеля), что Богъ не можетъ быть разсматриваемъ отдѣльно отъ субъективнаго духа, но—не потому, что Богъ есть нѣчто неизвѣстное, а потому, что Самъ Богъ въ сущности есть духъ. Такимъ образомъ существуетъ необходимое отношеніе духа къ духу. Это то отношеніе духа къ духу и лежитъ въ основаніи религіи.

Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ Гегель предлагаетъ еще болѣе точное опредѣленіе религіи. Религія, говоритъ онъ, есть самосознаніе Бога въ человѣкѣ. Но самосознаніе, какъ и сознание, имѣетъ свой предметъ и въ немъ сознаетъ самое себя. Этотъ предметъ есть также сознание, но сознание какъ предметъ, т. е., сознание конечное, сознание отличное отъ Бога, отъ абсолютнаго. Въ немъ такимъ образомъ совпадаетъ опредѣленность и конечность: Богъ есть самосознаніе; Онъ знаетъ себя въ отличномъ отъ него сознаніи, которое есть сознание Бога само въ себѣ, но также и само по себѣ, потому что оно знаетъ свое тожество, тожество, которое однако же посредствуется отрицаніемъ конечности. Это то тожество и составляетъ содержаніе религіи.

Чтобы уяснить себѣ, какимъ образомъ Гегель могъ прійти къ такому опредѣленію религіи, мы должны сначала узнать, что разумѣетъ онъ подъ словомъ „Богъ“. Что такое Богъ, для насъ имѣющихъ религію,—говоритъ Гегель,—понятно Онъ есть содержаніе, находящееся въ субъективномъ сознаніи. Но пока Онъ не раскрылъ самъ себя въ сознаніи человѣка, т. е., для науки, *самъ въ себѣ* Онъ есть только общее, абстрактное имя, которое еще не получило никакого истиннаго и опредѣленнаго содержанія. Богъ есть сама въ себѣ и по себѣ сущая всеобщность. Какъ существо безпредѣльное, Онъ не имѣетъ никакихъ предикатовъ, кромѣ отрицанія конечности. Самъ въ себѣ Онъ есть только идея, идея всеобщая и универсальная, идея, которая только чрезъ сознаніе усваиваетъ себѣ предикаты опредѣленнаго или конкретнаго бытія. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ сказать (говоритъ Гегель) вмѣстѣ съ Спинозою: Богъ

¹⁾ В. 12—ter. Phil. d. Rel. 2—ter. В. стр 151 и сл.

есть абсолютная *субстанція*, единственно истинная дѣйствительность. Все другое, что дѣйствительно, дѣйствительно не само по себѣ и не имѣетъ существованія само по себѣ; единственная абсолютная дѣйствительность есть только абсолютная идея, лежащая въ основаніи всего существующаго,—или Богъ, почему Онъ и можетъ быть называемъ абсолютною субстанціею. Все конечное не самостоятельно и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только формою или явленіемъ истинно сущаго Бога. Но Богъ самосознаетъ себя или—что то же—открываетъ себя таковымъ только въ сознаніи человѣка, т. е., въ религіи. Самъ въ себѣ Онъ непостижимъ, такъ какъ не имѣетъ никакихъ предикатовъ, кромѣ всеобщности. Богъ есть абсолютная истина, истина всего; религія же есть только абсолютное истинное знаніе (*die Religion ist allein das absolute wahre Wissen*). Отсюда понятно, что и сущность религіи нужно полагать въ „абсолютномъ истинномъ знаніи“; а ея источникомъ служитъ самосознаніе или самооткровеніе Бога, абсолютнаго существа или—точнѣе—абсолютной идеи.

Къ такому заключенію о религіи и ея сущности Гегель пришелъ двумя путями: отрицательнымъ и положительнымъ. Онъ недоволенъ тѣмъ ученіемъ о религіи, которое онъ встрѣтилъ у Якоби и Шлейермахера. Въ новое время, говоритъ онъ, стали признавать вѣру въ смыслѣ непосредственной увѣренности. Такое значеніе вѣрѣ приписалъ въ особенности Якоби. Такъ Якоби говоритъ: мы только вѣруемъ, что имѣемъ тѣло, но мы его не знаемъ. Знаніе имѣетъ слѣдующее ближайшее значеніе: познаніе необходимости. Именно: я вижу это,—но это, говоритъ Якоби, есть только вѣра: ибо я созерцаю, чувствую; такимъ образомъ, чувственное знаніе всецѣло непосредственно или—вѣрнѣе—неопосредствованно,—оно не есть основаніе. Здѣсь вѣра вообще имѣетъ значеніе только *непосредственной* увѣренности. Въ этомъ смыслѣ Якоби даже противопоставляетъ вѣру знанію. Но когда вѣра противопоставляется знанію, говоритъ Гегель, то это противопоставленіе—*пустое*: во что я вѣрую, я также то и знаю; оно есть содержаніе въ моемъ сознаніи, т. е., вѣра есть знаніе. Противоположеніе вѣры знанію есть абстракція такого рода, которой

одобрить нельзя; ибо вѣра принадлежитъ сознанию,—знають о томъ, во что вѣрують,—знають это даже *несомнѣнно*. Такимъ образомъ непосредственной вѣры быть не можетъ.

О чувствѣ, какъ органѣ религiи, Гегель разсуждаетъ такимъ образомъ. Говорятъ о *религiозномъ чувствѣ* и утверждаютъ, что въ немъ намъ дана вѣра въ Бога, что оно есть та внутреннѣйшая почва, на которой мы получаемъ непосредственную увѣренность, что существуетъ Богъ. Но чувство не можетъ быть органомъ только религiознымъ. Чувство, какъ таковое, съ эмпирической точки зрѣнiя, есть совершенная неопредѣленность, есть только пустая форма знанiя, опредѣляемая своимъ содержанiемъ. Говоря о чувствѣ, мы тотчасъ вспоминаемъ объ его опредѣленности, т. е. о томъ, какого оно рода. Эта-то опредѣленность и есть то, что является намъ какъ содержанiе чувства. Чувство можетъ имѣть самое разнообразнѣйшее содержанiе; такъ мы имѣемъ чувство справедливости и несправедливости, Бога, цвѣта, ненависти, враждебности, радости и т. д.; въ немъ, такимъ образомъ, можетъ находиться самое противорѣчивое содержанiе; въ немъ имѣеть свое мѣсто какъ ничтожнѣйшее, такъ и наивысшее, какъ грубое, такъ и благороднѣйшее. Опытъ также свидѣтельствуетъ, что чувство имѣеть самое случайное содержанiе: оно можетъ быть и самымъ благороднѣйшимъ и чрезвычайно дурнымъ. Богъ, находясь въ чувствѣ, не имѣеть никакого преимущества предъ ничтожнѣйшимъ. Такимъ образомъ здѣсь на одной и той же почвѣ произрастаетъ драгоцѣннѣйшiй цвѣтокъ рядомъ съ размножившеюся сорною травою. Что въ чувствѣ есть содержанiе, это для *него* (чувства) *самаго* не представляетъ ничего особеннаго. Ибо въ наше чувство входитъ не только то, что существуетъ въ дѣйствительности, не только реальное, сущее, но также и измышленное, выдуманное, ложное. Все доброе и все злое, все дѣйствительное и все недѣйствительное находятъ для себя радужный прiемъ въ нашемъ чувствѣ, т. е., опять-таки въ немъ можетъ помѣщаться все противоположное. Я чувствую всѣ фантастическiя воображенiя различныхъ предметовъ,—и могу воодушевляться чѣмъ либо самымъ гадкимъ. Я имѣю надежду; надежда есть чувство; въ ней, какъ и въ страхѣ, есть буду-

щее, непосредственное, такое, которое еще не существуетъ, но которое, быть можетъ, будетъ существовать въ послѣдствіи, а, быть можетъ, и никогда не будетъ существовать. Равнымъ образомъ я могу одушевляться прошедшимъ, а также тѣмъ, чего вовсе не было и не будетъ. Я могу вообразить себѣ, что я добродѣтельный и великій человѣкъ, что я способенъ все принести въ жертву справедливости, въ жертву своихъ убѣжденій; я могу вообразить себѣ, что я принесъ людямъ много пользы, добра; но—вопросъ въ томъ,—вѣрно ли это? Истинно ли мое чувство и хорошо ли оно,—это относится уже къ его содержанію. Что содержаніе это только находится въ чувствѣ,—этого мало, ибо въ немъ находится и самое ничтожнѣйшее. Существуетъ ли реально это содержаніе,—это зависитъ не отъ того, что оно находится въ чувствѣ, ибо въ немъ находится также и воображаемое, которое реально никогда не существовало и никогда не будетъ существовать. Чувство поэтому есть только форма для всякаго возможнаго содержанія и это содержаніе не получаетъ въ немъ своего опредѣленія, ибо, какъ форма, оно пригодно для всякаго содержанія. Чувство есть форма, въ которую полагается содержаніе какъ нѣчто совершенно случайное. Оно можетъ быть положено по моему настроенію, по моему произволу или по природѣ; въ чувствѣ я наиболѣе оказываюсь зависимымъ. Настроеніе, произволъ также есть только случай; содержаніе же имѣетъ въ чувствѣ такую форму, что оно не опредѣляется само въ себѣ и по себѣ, не полагается чрезъ всеобщее и не опредѣляется чрезъ понятіе. Оно поэтому въ своей сущности есть явленіе особенное, ограниченное; оно такимъ образомъ равнодушно къ тому, что оно есть именно *это* содержаніе, ибо въ моемъ чувствѣ можетъ быть также и другое содержаніе. Даже когда въ нашемъ чувствѣ ощущается и бытіе Божіе, то и оно въ немъ столько же случайно, какъ и все другое, которому можетъ принадлежать бытіе. Мы называемъ это субъективностію, но въ самомъ худшемъ смыслѣ; личность, опредѣленіе самаго себя, высшая интенсивность духа въ себѣ—также есть субъективность, но—въ высшемъ смыслѣ, т. е., въ болѣе свободной формѣ; здѣсь же субъективностію называется только простая случайность.

Часто ссылаются на свое чувство, говоритъ Гегель, когда имѣтъ никакихъ другихъ основаній; но съ такимъ человѣкомъ, который ссылается на свое чувство, не стоитъ имѣтъ дѣла, ибо вмѣстѣ съ апеллированіемъ къ собственному чувству между нами разрывается всякая возможность общенія. Когда мы имѣемъ дѣло на почвѣ мысли, понятія, мы находимся въ области всеобщаго, т. е., въ области разумности; здѣсь мы имѣемъ предъ собою природу вещи; относительно ея мы можемъ достигнуть соглашенія; вещи мы подчиняемся,—ибо она есть для насъ общее. Переходя же къ чувству, мы оставляемъ общее; мы возвращаемся въ сферу нашей случайности,—и только смотримъ, въ какомъ положеніи находится вещь.

Далѣе,—чувство, говоритъ Гегель, есть то, что есть общаго у человѣка съ животнымъ, ибо оно есть животная, чувственная форма. Если, такимъ образомъ, то, что есть справедливость, нравственность, Богъ, представляется въ чувствѣ, то это есть самый худшій способъ, которымъ можетъ быть доказываемо содержаніе чувства. Богъ существенно находится только въ мышленіи. Предположеніе, что Онъ *чрезъ* мышленіе существуетъ лишь *въ* мышленіи, должно возникнуть у насъ уже вслѣдствіе того, что только одинъ человѣкъ имѣетъ религію, а животное не имѣетъ ея. Въ человѣкѣ все, для котораго почвую является мысль, можетъ быть помѣщено въ форму чувства. Но справедливость, свобода, нравственность и т. д. имѣютъ свой корень въ болѣе высокомъ опредѣленіи, вслѣдствіе котораго человѣкъ и есть не животное, а духъ; все это, относящееся къ высшимъ опредѣленіямъ, можетъ быть также помѣщено въ форму чувства; тѣмъ не менѣе чувство всетаки остается только формою для этого содержанія, принадлежащаго совершенно иной почвѣ. Мы имѣемъ чувства справедливости, свободы, нравственности; но то не заслуга чувства, что его содержаніе есть содержаніе истинное. Образованный человѣкъ можетъ имѣтъ истинное чувство справедливости или Бога; но это исходитъ не отъ чувства, а онъ долженъ быть обязанъ этимъ образованію мысли, которою уже вырабатывается содержаніе представленія или чувство. Поэтому только обманываютъ себя, когда истинное или доброе записываютъ на счетъ чувства.

Тѣмъ не менѣе, говоритъ Гегель, въ нашемъ чувствѣ не только *можетъ*, но и *должно* быть истинное содержаніе. Бога должно имѣть въ сердцѣ. Сердце однако-же больше, чѣмъ чувство. Чувство бываетъ только моментальнымъ, случайнымъ, бѣглымъ; а когда я говорю, что имѣю Бога въ сердцѣ, то чувство представляется здѣсь уже какъ продолжительный, твердый образъ моего существованія. Сердце есть то, что я есмь самъ, не только что я есмь временно, а что я есмь вообще, т. е., оно означаетъ весь мой характеръ. Въ этомъ случаѣ форма чувства, какъ общаго, называется основаніемъ или привычкою моего бытія, опредѣленнымъ видомъ моего поведенія. Въ этомъ смыслѣ въ Библии сердцу прямо приписывается зло, какъ таковое, т. е., сердце представляется его мѣстопробываніемъ, его естественною обособленностію. Доброе, нравственное—это не то, что челоуѣкъ приписываетъ обособленности, эгоизму, самолюбію. И если онъ это дѣлаетъ, то онъ—злой, ибо все эгоистическое, обособленное есть зло. Такимъ образомъ, когда говорятъ, что Богъ, справедливость и т. д. должны быть въ моемъ чувствѣ, въ моемъ сердцѣ, то этимъ выражаютъ лишь то, что они суть не только представляемое мною, но что они должны быть нераздѣльно тождественны со мною. Религію должно вселять въ сердце,—и въ этомъ смыслѣ говорятъ, что челоуѣкъ получилъ религіозное воспитаніе. Сердце или чувство должны быть очищаемы и облагораживаемы воспитаніемъ, которое состоитъ въ томъ, чтобы нѣчто высшее стало для челоуѣка истиннымъ. Но *отъ того*, что въ чувствѣ вообще есть содержаніе, послѣднее еще не становится добрымъ или прекраснымъ само въ себѣ и по себѣ. Чувство есть средоточный пунктъ субъективнаго, случайнаго бытія. Дѣло индивидуума—дать своему чувству истинное содержаніе. Въ наше время не говорятъ болѣе о сердцѣ, а только объ убѣжденіи; но когда говорятъ о дѣйствованіи по убѣжденію, то въ этомъ уже заключается и то, что содержаніе чувства есть сила, которая мною управляетъ и которой я подчиненъ; оно есть привычка или навыкъ, пріобрѣтенный чрезъ мысль и пониманіе. Дѣйствуя по убѣжденію, я дѣйствую по сердцу, интенсивно.

Такимъ образомъ, Гегель не отвергаетъ совершенно значе-

нія чувства въ дѣлѣ религіи; но онъ утверждаетъ только, что сущность религіи нельзя полагать въ чувствѣ, какъ это сдѣлалъ Шлейермахеръ, Гёте, Шиллеръ и другіе эстетики и романтики того времени. Ибо чувство само по себѣ носить слишкомъ субъективный характеръ: оно есть только известное и притомъ временное состояніе субъекта; поэтому оно можетъ быть и истиннымъ и ложнымъ, и прекраснымъ и дурнымъ, и добрымъ и злымъ. Оно совершенно равнодушно къ своему содержанію и потому только случайно можетъ быть лишь низшею формою знанія, которой не чужды и животныя. И если религія есть сознаніе о Богѣ или—что то же—самосознаніе абсолютнаго, то простое чувство не можетъ быть признано ея сущностью. Въ процессѣ развитія какъ сознанія, такъ и самосознанія выше чувства стоятъ возрѣніе, представленіе и понятіе, къ разсмотрѣнію которыхъ Гегель и переходитъ отъ сдѣланнаго имъ анализа чувства.

Форма представленія, говоритъ Гегель, относится уже къ объективной сторонѣ. Увѣренность есть вообще субъективность; увѣренность въ Богѣ также есть только субъективное убѣжденіе въ томъ, что Богъ существуетъ, что Онъ есть реальный предметъ. Но что служитъ содержаніемъ увѣренности? Оно есть въ данномъ случаѣ самъ Богъ, Богъ существуетъ для человѣка ближайшимъ образомъ въ формѣ представленія, хотя его можно, пожалуй, назвать и возрѣніемъ. Впрочемъ, здѣсь идетъ рѣчь не о чувственномъ, а о внутреннемъ возрѣніи; но когда говорятъ о внутреннемъ возрѣніи, то подъ нимъ всегда разумѣютъ сознаніе чего то или въ виду имѣютъ вообще нѣчто предметное, представляемое. Что религіозное содержаніе ближайшимъ образомъ является въ формѣ представленія, это находится въ связи и съ тѣмъ, что было сказано раньше,—именно,—что религія есть сознаніе абсолютной истины, какою она представляется всѣмъ людямъ.

Итакъ, говоритъ Гегель, религія состоитъ ближайшимъ образомъ въ формѣ представленія. Поэтому здѣсь весьма важно установить различіе представленія отъ мысли и понятія, и узвать, что именно свойственно представленію. Задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы превратить въ форму поня-

тія то, что находится только въ формѣ представленія. Для духа человѣческаго, обычнаго, мірскаго, также существуетъ истинное: это—содержаніе, субстанціальность, которая не становится иною отъ того, что человѣкъ выражаетъ ее въ представленіяхъ или понятіяхъ. То же самое содержаніе, которое заключается ближайшимъ образомъ въ формѣ представленія, насколько человѣкъ мыслить, является для него въ сущности потребностію мышленія, т. е., возвышается въ форму мысли. Здѣсь представляется однако-же затрудненіе—отдѣлить въ содержаніи то, что есть собственно содержаніе или мысль, отъ того, что принадлежитъ только представленію, какъ таковому. Упреки, дѣлаемые въ этомъ отношеніи философіи, сводятся къ тому, будто бы философія уничтожаетъ и самыя формы, принадлежащія представленію. Обыкновенное мышленіе не сознаетъ указаннаго различія, а поелику съ формами или опредѣленіями для него соединяется истина, то думаютъ, что, отрицая формы, философія лишаетъ ихъ и содержанія. Вотъ почему Гегель старается со всею обстоятельностью опредѣлить, что принадлежитъ философіи и что принадлежитъ образу представленія, какъ таковому.

Представленію, говоритъ Гегель, принадлежатъ *чувственныя формы* или—что то же—наглядныя выраженія. Мы называемъ ихъ обыкновенно *образами*. Эти чувственныя формы заимствуются нами изъ непосредственнаго воззрѣнія. Объ этихъ формахъ мы имѣемъ всегда сознаніе, что онѣ не сущность предмета, а только образы, имѣющіе смыслъ, но отличный отъ того, что, собственно, выражаетъ образъ, какъ таковой, т. е., мы сознаемъ, что образъ здѣсь является символическимъ или аллегорическимъ, или—что то же—въ представленіи мы имѣемъ предъ собою двойственное: во-первыхъ, непосредственно воспринимаемое и во-вторыхъ, то, что собственно мыслится въ немъ, внутреннее по отношенію къ первому, которое есть внѣшнее. Такимъ образомъ, въ религіи есть многія формы, о которыхъ мы знаемъ, что онѣ только метафоры. Напр., „Сынъ“, „рожденіе“—суть вѣдь только образы или представленіе объ извѣстномъ отношеніи въ Божествѣ, при чемъ мы хорошо знаемъ, что это отношеніе не должно быть мыслимо въ своей

непосредственности, что оно имѣетъ только приблизительно такой смыслъ, который выражается его образомъ, но что образъ не заключаетъ въ себѣ во всей точности того, что, собственно, мыслится у Бога. Между тѣмъ человекъ чувственный и мало мыслящій совершенно останавливается на этомъ образѣ и успокаивается на немъ. Даже теперешнее богословіе (богословіе чувства и разсудка) или выкидываетъ вмѣстѣ съ образомъ и содержаніе мысли или удерживаетъ образъ и отбрасываетъ мысль. Въ религіи много представленій было позаимствовано изъ чувственнаго, непосредственнаго, внутренняго воззрѣнія. Когда, напр., говорится о гнѣвѣ Божіемъ, то мы знаемъ, что это нужно принимать не въ собственномъ смыслѣ, что это только подобіе, сходство ощущенія раскаянія и мести. Затѣмъ мы встрѣчаемъ также и очевидныя аллегоріи, каковы: Прометей—образъ человека вообще, ящикъ Пандоры и т. д. Мы слышимъ разсказъ о *древѣ* познанія добра и зла. Яденіе плода съ этого дерева уже заставляетъ сомнѣваться въ томъ,—слѣдуетъ ли понимать это дерево, какъ и вкушеніе плода, въ собственномъ смыслѣ, т. е., историческимъ, дѣйствительно совершившимся фактомъ, или это дерево нужно считать только образомъ. Когда говорятъ намъ о *древѣ* познанія добра и зла, то разсказъ этотъ представляется настолько страннымъ, что невольно и скоро приводитъ каждыя (?) къ заключенію, что въ немъ слѣдуетъ разумѣть нечувствительный плодъ и дерево нужно понимать не въ собственномъ смыслѣ, что оно есть только образъ представленія или что то же—образное представленіе. Впрочемъ, что касается чувственнаго элемента въ формѣ представленія, то онъ можетъ быть даже и историческимъ, но существенное, внутреннее заключается всетаки не въ немъ, а въ той всеобщности мысли, которая выражается въ чувственномъ образѣ. Вотъ почему когда намъ разсказываютъ о чемъ либо и въ исторической формѣ, мы не считаемъ разсказываемаго событія дѣйствительностію, не подвергаемъ изслѣдованію этой исторіи въ нашемъ представленіи и не спрашиваемъ о томъ, дѣйствительно ли это было. Такъ, исторія Юпитера или разсказъ о томъ, что сдѣлалъ онъ и другіе боги намъ нравится; но о томъ, что намъ разсказываетъ объ

нихъ Гомеръ, мы не спрашиваемъ въ подробностяхъ, а принимаемъ его съ тѣмъ же видомъ, какъ и что либо историческое. То же самое нужно замѣтить даже и о томъ, что имѣетъ несомнѣнно историческое значеніе, какъ, напр., объ исторіи Иисуса Христа. Она, говоритъ Гегель, имѣетъ значеніе не только мѣта, образъ, но и какъ нѣчто совершенно историческое. Она имѣетъ важное значеніе для представленія; но она также имѣетъ еще и другую сторону: своимъ содержаніемъ она имѣетъ божественное, т. е., божественное дѣйствованіе, божественное явленіе, абсолютно божественное поведеніе, и послѣднее именно есть внутреннее, истинное, самое существенное въ этой исторіи, т. е., то, что есть предметъ разума. Этотъ двойственный элементъ представленія находится вообще въ каждой исторіи, точно также какъ и каждый мѣтъ заключаетъ въ себѣ смыслъ или аллегорію. Каждая исторія есть исторія духа, всеобщности мысли, а потому обыкновенно и говорятъ: изъ каждой исторіи можно извлечь мораль. Но извлекаемая мораль содержитъ въ себѣ тѣ существенныя нравственныя силы, которыя при этомъ дѣйствовали и произвели извѣстное явленіе: эти то силы и суть то внутреннее и субстанціальное, которое заключается въ исторіи. Хотя исторія представляетъ намъ обыкновенно только частныя факты и имѣетъ дѣло только съ отдѣльными, единичными, индивидуализированными явленіями, но и въ ней можно познавать всеобщіе законы и силы нравственнаго характера. Послѣднія существуютъ не для представленія какъ такового: для представленія важна исторія собственно въ томъ видѣ, какъ она излагается, какъ таковая, т. е., какова она въ явленіи. Но на такомъ пониманіи исторіи можетъ остановиться лишь человѣкъ, мысли и понятія котораго еще не получили опредѣленнаго развитія: онъ только чувствуетъ въ исторіи эту внутреннюю силу ея, т. е., имѣетъ объ ней лишь темное сознаніе. Такимъ образомъ, религія, какъ сознаніе, выражающееся въ образахъ и чувственныхъ представленіяхъ, символахъ и обрядахъ, имѣетъ существенное значеніе только для обыкновеннаго сознанія, для сознанія людей въ ихъ обычномъ развитіи. Ея содержаніе эмпирично, конкретно, разнообразно, связано съ

формами пространства и времени. Вотъ почему форма религіознаго представленія никогда не можетъ вполне соответствовать своему содержанію или своей идеѣ. Представленіе еще имѣетъ внѣшній, чувственный образъ; оно стоитъ еще между непосредственнымъ чувственнымъ ощущеніемъ и мыслями въ собственномъ смыслѣ или понятіями. Но чистыя понятія составляютъ уже ту область самосознанія, которая является предметомъ философскаго мышленія.

Итакъ, по ученію Гегеля, сущность религіи состоитъ въ самосознаніи абсолютнаго духа или—точнѣе—въ знаніи, которое имѣетъ абсолютный духъ о себѣ чрезъ посредство духа конечнаго и которое выражается не въ отвлеченныхъ и чистыхъ понятіяхъ, какъ въ философіи, а въ представленіяхъ и конкретныхъ образахъ. По отношенію къ философіи религія есть только низшая ступень самосознанія абсолютнаго; но по этой же причинѣ рефлектирующій разумъ есть главный органъ развитія религіознаго самосознанія. Разумъ (*Vernunft*) есть почва, на которой только и можетъ существовать (*zu Hause sein kann*) религія. Разумъ примиряетъ противорѣчія, указываетъ основанія, приводитъ доказательства. Только доказательства религіи не таковы, какъ доказательства знанія въ собственномъ смыслѣ: они приводятся не отвнѣ, а изнутри самосознающаго духа. Въ этомъ смыслѣ религіозное знаніе совершенно справедливо называется *вѣрою*. Содержанію вѣры необходимо должна быть дана форма опосредствованія (*die Form der Vermittelung*); такъ какъ оно есть знаніе о Богѣ и Его назначеніи. Но это опосредствованіе ложно, когда основаніемъ его служитъ что—либо внѣшнее: наученіе, чудо, авторитетъ и т. п. Внѣшнія основанія могутъ быть доказательствами только для конечныхъ вещей; что же касается непосредственной или религіозной вѣры, то мы должны опредѣлять ее такъ, что она есть свидѣтельство духа о духѣ, а въ этомъ уже сама собою заключается мысль, что конечное содержаніе не имѣетъ въ ней мѣста. Истинное основаніе вѣры есть духъ, а свидѣтельство духа полно жизни въ себѣ. Конечно, доказательства могутъ быть приводимы и во внѣшнемъ формальномъ видѣ; но ихъ не должно быть. Вотъ почему, гово-

рить Гегель, и Самъ Христосъ высказался противъ чудесъ и порицалъ іудеевъ за то, что они требовали отъ Него чудесъ; а Своимъ ученикамъ Онъ сказалъ, что духъ наставитъ ихъ на всякую истину. Но такъ какъ свидѣтельство религіи духъ почерпаетъ не отвнѣ, а изъ самаго себя, извнутри, то съ религіею тѣсно соединяется свобода; религіозная нетерпимость есть поэтому явленіе не только ненормальное, но и противоестественное.

Вѣру и убѣжденіе въ вѣрѣ мы должны опредѣлять въ понятіи религіознаго *культа* какъ его сущность, внутреннее, или какъ первые моменты въ немъ. Въ культѣ Богъ стоитъ на одной сторонѣ, я—на другой, а цѣль культа заключается въ томъ, чтобы я могъ воссоединиться съ Богомъ во мнѣ самомъ и чтобы я могъ знать себя въ Богѣ, какъ своей истинѣ, а Бога—въ себѣ; это—конкретное единство, въ которомъ достигается полное примиреніе конечнаго съ безконечнымъ, чувственнаго съ духовнымъ. Въ природѣ Бога конечное есть существенный моментъ безконечнаго, ибо самъ Богъ есть единство естественнаго и духовнаго, въ которомъ конечное должно быть отрицаемо и разрѣшаемо чрезъ абсолютное, всеобщее и универсальное. Въ рефлексіи конечное противостоитъ безконечному; но истинное состоитъ въ нераздѣльномъ единствѣ обоихъ. Это именно и есть то, на что въ конкретной формѣ мы смотримъ, какъ на отношеніе субъективнаго я ко всеобщему, къ безконечному, которое есть абсолютное отрицаніе. И только въ отрицаніи этого отрицанія безконечное находитъ свое утвержденіе. Поэтому весь смыслъ религіи состоитъ въ томъ, что безпредѣльное ограничивается, безконечное является въ формѣ конечнаго, для того, чтобы и конечное получило возможность слиться съ безконечнымъ и разрѣшиться (*aufgelöst werden*) въ немъ.

Что касается *положительныхъ религій*, то онѣ, по ученію Гегеля, суть проявленія особенныхъ моментовъ понятія или—что то же—одностороннія выраженія сущности религіи. Въ этомъ смыслѣ Гегель различаетъ 1) непосредственную или естественную религію, которая соотвѣтствуетъ дѣтству чело-вѣчества; это—религіи востока, понимающія Бога, какъ суб-

станцію природы; 2) религію духовной индивидуальности, которая соотвѣтствуетъ юношескому возрасту человѣческаго рода, наступающей свободѣ духа; на этой ступени религія обнаруживается въ трехъ главныхъ формахъ: а) какъ религія возвышенности или іудейства; б) какъ религія красоты—греческая и в) какъ религія внѣшней цѣлесообразности—римская. Наконецъ 3) на высшей ступени развитія духа человѣческаго является „абсолютная религія“, въ которой само понятіе становится явленіемъ; это—религія христіанская, религія зрѣлаго возраста человѣческаго рода, въ которой Богъ познается въ Его отчужденіи къ конечности и въ то же время въ Его единствѣ съ конечностью или въ Его жизни въ примиренной съ Нимъ общинѣ или Церкви.

Профессоръ Харьковскаго Университета, *Прот. Т. Буткевичъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Соціалістическія утопіі XIX вѣка и христіанскія начала человѣческой жизни.

*Кая-бо польза человеку, аще пріобрѣщетъ міръ весь,
душу-же свою отщепитъ; или что дастъ человекъ
измѣну на души своей (Мрк. 8, 36).*

*Ищите прежде Царствія Божія и правды Его и
прочая вся приложатся вамъ (Мт. 7, 33).*

Каждая эпоха въ человѣческой жизни, ознаменовавшаяся известными историческими явленіями, оставляетъ потомству много вопросовъ или совсѣмъ неразрѣшенныхъ, или разрѣшаемыхъ односторонне, тенденціозно, въ угоду господствующимъ предвзятымъ взглядамъ. Эпоха минувшаго XIX вѣка въ этомъ смыслѣ исключительная. Обиліе вопросовъ, унаслѣдованныхъ отъ нея вѣкомъ двадцатымъ, прямо поражаетъ. Въ мимопедшемъ вѣкѣ человѣчество жило какой-то лихорадочной жизнью, бралось за разрѣшеніе вопросовъ, лежащихъ почти на границѣ человѣческаго познанія, переходило отъ теоріи къ теоріи, отъ системы къ системѣ. Мы не беремъ судить, насколько успѣшно прошедшій вѣкъ справлялся со всѣми вопросами и запросами жизни. Несомнѣнно одно, что наступившему вѣку переданъ неразрѣшеннымъ пдуціей отъ вѣка вопросъ о лучшей системѣ устройства человѣческаго счастья и благополучія. Даже нужно сказать больше. Минувшее столѣтіе своими мудрованіями еще болѣе затемнило и самый вопросъ, и правильное рѣшеніе его. Прегніе вѣка въ отношеніи къ указанному вопросу были въ лучшихъ условіяхъ и, безъ сомнѣнія, стояли ближе къ истинѣ. Люди болѣе раннихъ христіанскихъ эпохъ не настолько сильно увлекались вопросами, что такое человѣ-

ческое счастье и гдѣ нужно искать его. Для нихъ эти вопросы были рѣшены непререкаемымъ библейскимъ авторитетомъ. Поэтому и самая жизнь ихъ была болѣе близка къ осуществленію земнаго человѣческаго благополучія, чѣмъ теперь.

Самый жгучій вопросъ XIX столѣтія—вопросъ социальный. Онъ былъ поставленъ на очередь самую жизнью. Къ началу XX вѣка люди почувствовали себя въ иномъ положеніи, чѣмъ прежде. Условія экономической жизни измѣнились настолько, что большинству людей будущее стало представляться въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, тогда какъ меньшая часть людей совсѣмъ не хочетъ заглядывать въ будущее. Последнее счастливое меньшинство, съ закрытыми глазами на свою будущую судьбу, составляетъ экономически обеспеченный классъ людей. Большинство-же, трепещущее за свою участь, состоитъ изъ людей необезпеченныхъ, живущихъ вѣчнымъ трудомъ и въ условіяхъ своего существованія зависящее отъ тысячи причинъ измѣнчивыхъ, случайныхъ, независимыхъ отъ воли человека. Дѣйствительно, современная общественная жизнь во всѣхъ государствахъ представляетъ самыя яркія картины, съ одной стороны, ослѣпительнаго богатства и сказочной роскоши, съ другой—ужасающей бѣдности. Какъ вода изъ мелкихъ ручейковъ стекается въ одно общее водохранилище, такъ и всемогущее орудіе современнаго житейскаго благополучія,—капиталь, сосредоточивается въ рукахъ небольшого количества счастливыхъ людей. Такое скопленіе капитала въ однихъ рукахъ совершается неудержимо и, повидимому, никакія силы не могутъ прекратить его. Сколько ни загоразивайте дорогу ручью, онъ найдетъ себѣ выходъ и пойдетъ хоть и другимъ путемъ, но все по той же наклонной плоскости, къ одному общему водному бассейну. Также точно и капиталъ. Трудящаяся масса, бѣдняки, всѣми силами стараются удержать свои заработанные гроши, но они ускользаютъ изъ ихъ рукъ въ карманы тѣхъ-же капиталистовъ.

Чѣмъ-же создалось такое ненормальное положеніе вещей? Въ чемъ та сила, которая заставляетъ капиталъ сосредоточиваться въ рукахъ незначительнаго меньшинства и исчезать изъ кармановъ бѣдняковъ? Отвѣтъ на эти вопросы нужно

искать въ событіяхъ 19 вѣка. Извѣстно, что ни одно изъ прежнихъ столѣтій не ознаменовалось такими научными открытіями, какъ девятнадцатое. Человѣческій геній развернулся во всей силѣ. Открылись предъ человѣческимъ умомъ многія таинственныя силы природы. Въ области астрономіи, геологіи, физики, химіи, фізіологіи открытія слѣдовали за открытіями. Уже одни открытія въ электричествѣ создали цѣлую эпоху въ наукѣ и жизни. Къ услугамъ человѣка явилась какая-то невѣдомая, таинственная сила, дѣйствующая въ природѣ съ необъятною энергіей, не требующая почти никакой затраты матеріала. Не менѣе велики научныя открытія въ области свѣта. Помощію спектральнаго анализа (химическаго разложенія солнечныхъ лучей) люди узнали природу солнца и остальныхъ планетъ, познакомились съ примѣненіями свѣта (фотографіей, фототипіей и пр.) и другими свѣтовыми явленіями до X лучей включительно. Рядомъ съ научными открытіями и вслѣдъ за ними шли открытія въ области техники. Все, что раньше являлось дѣломъ человѣческихъ рукъ и составляло ремесло, все это производится теперь при помощи бездушныхъ машинъ, дѣйствующихъ силою пара и электричество. Какихъ машинъ не придумала человѣческая изобрѣтательность и что онѣ не производятъ! Машины везуть, шьютъ, пишутъ, косятъ, жнутъ, вѣютъ, сортируютъ, моютъ и катаютъ бѣлье, выдѣляютъ молочные продукты—масло, сыръ; машины, наконецъ, поютъ и повторяютъ человѣческіе членораздѣльные звуки... Кажется, не стало той отрасли труда, промышленности и даже искусства, гдѣ не завоевала-бы себѣ мѣсто машина. Всюду она замѣнила собою трудъ и мускульное напряженіе. Работа, требовавшая прежде огромной затраты человѣческихъ силъ и совершавшаяся медленно, теперь совершается въ самый короткій срокъ и не требуетъ почти никакихъ усилій, никакого труда.

Такому явленію оставалось-бы только радоваться. Но вышло не такъ. Новая медаль скоро показала свою обратную довольно некрасивую сторону. Сидѣть сложа руки для большинства тружениковъ оказалось то же, что сидѣть безъ куска хлѣба. На человѣческій трудъ не стало спроса. Выражаясь языкомъ

ученыхъ экономистовъ 19 вѣка,—произошло нарушеніе равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ. Проще сказать, многое множество людей, жившихъ физическимъ трудомъ, лишилось своего прежняго заработка, который до изобрѣтенія всевозможныхъ машинъ давалъ имъ возможность поддерживать свое существованіе. Между тѣмъ капиталисты—промышленники, въ рукахъ которыхъ сосредоточился капиталъ и орудія производства, машины, помощію послѣднихъ стали обогащаться болѣе легкимъ способомъ. Владѣя машинами, они сдѣлались единственными хозяевами любой промышленности, доводя плату рабочихъ на своихъ фабрикахъ и заводахъ до меньшихъ размѣровъ и обогащаясь со сказочной быстротою. Такимъ образомъ, умственный прогрессъ человѣчества въ 19 вѣкѣ повелъ совсѣмъ не къ тѣмъ результатамъ, какіе отъ него ожидались: къ обогащенію людей и безъ того богатыхъ и къ совершенному обнищанію народныхъ массъ. Такія ненормальныя явленія, съ одной стороны, колоссальнаго богатства, съ другой—неслыханной нищеты обнаружались прежде всего въ Западно-Европейскихъ христіанскихъ государствахъ, которые явились первыми носителями человѣческой культуры. Гобсонъ рассказываетъ какія опасныя язвы нажиты англійскимъ народомъ отъ необыкновеннаго развитія промышленности въ Англіи. По его словамъ, богатство страны растетъ неимоვნно. Если бы раздѣлить все національное богатство Англіи поровну между всѣми англійскими семьями, то на каждую семью пришлось бы по 172 фунта стерл. въ годъ,—сумма, на которую можно устроить сытую, обеспеченную жизнь. Между тѣмъ, въ этой богатѣйшей странѣ, съ населеніемъ въ 38 милліоновъ жителей, только 11 милліоновъ живутъ въ достаткѣ, остальные 27 милліоновъ на краю голода. Особенно поразительны картины бѣдности въ Лондонѣ. Генералъ „Арміи Спасенія“ Бутсъ тщательно изслѣдовалъ восточный Лондонъ, въ которомъ 892 тысячи жителей. Онъ нашелъ здѣсь больше 11 тысячъ существъ почти не похожихъ на людей, дикихъ, отошальныхъ, озлобленныхъ. Жизнь ихъ, говоритъ Бутсъ, подобна жизни дикарей со страшными переходами отъ крайнихъ лишеній къ случайнымъ излишествамъ. Единственная ихъ

роскошь—пьянство. Жадные, голодные, эти дикари толпами рыщутъ изъ улицы въ улицу въ унизательной погонѣ за нѣсколькими попѣйками для ночлега, куска хлѣба и стакана одуряющаго алкоголя. Какъ они существуютъ, чѣмъ они живы, въ точности опредѣлить невозможно. Затѣмъ слѣдуютъ около ста тысячъ людей, существующихъ на грошовые заработки; но мучительная нищета не покидаетъ и этихъ. Наконецъ, идутъ бѣдные попримѣнѣе. Въ общемъ изъ жителей Восточнаго Лондона 77% погружены въ безпросвѣтную нужду. А каковы квартиры, какова пища Лондонскихъ рабочихъ, объ этомъ лучше не говорить. Смертность дѣтей въ рабочихъ кварталахъ ужасна¹⁾.

Таковы современныя картины богатства и бѣдности въ Лондонѣ, городѣ самой огромной, напряженной промышленности. Онѣ ярче, чѣмъ въ другихъ городахъ, но это потому, что Лондонъ по промышленности занимаетъ первое мѣсто изъ городовъ Европы. Однако это не значить, чтобы другіе города съ такими же фабриками и заводами являлись счастливымъ исключеніемъ. Вездѣ, гдѣ появились машины и развилось машинное производство, ходятъ толпы обнищалаго люда въ поискахъ работы и куска хлѣба. Благодаря машинамъ, промышленность въ минувшемъ столѣтіи шагнула необыкновенно далеко. Леонъ Леви высчиталъ, что для производства руками всей пряжи, выдѣлываемой теперь въ одинъ годъ самодѣйствующими станками, потребовалось бы больше 100 милліоновъ человѣкъ. Такъ работаютъ машины. Но горе въ томъ, что всѣ несмѣтныя богатства отъ ихъ работы идутъ въ карманъ богатыхъ людей, потому что самыя машины составляютъ собственность богатыхъ и находятся въ ихъ рукахъ. Прежде богачи считали свои капиталы тысячами рублей, а теперь сотнями милліоновъ. А бѣдность въ рабочемъ классѣ все растетъ. Каждая новая машина, берегающая трудъ и выбрасывающая на рынокъ тысячи дешевыхъ издѣлій, заставляетъ голодать многочисленныя семьи. Машина все дѣлаетъ и скорѣе и дешевле, а десятки тысячъ людей остаются безъ ра-

¹⁾ Джекъ А. Гобсонъ. Задачи бѣдности. Исслѣдованіе промышленнаго положенія бѣдныхъ въ Англіи. „Недѣля“ № 4-й 1901 г. „Прогрессъ и нищета“.

боты и хлѣба. Большимъ счастливецемъ считаетъ себя тотъ рабочій, котораго берутъ въ прислужники къ машинѣ, сдѣлавшей его благополучіе. Быть рабочимъ слѣпота гиганта машины, повертывать рычаги, смазывать стальные мускулы и вытирать ихъ грязной тряпкой—вотъ и все, что осталось на долю современнаго рабочаго. Но и такого труда ищутъ тысячи и считаютъ большимъ счастьемъ, если найдутъ. Прежде во времена господства ручного труда всѣ ремесленники жили или въ одиночку, или небольшими партіями. Условія ихъ жизни даже при небольшомъ заработкѣ были довольно сносны. Отъ самого рабочаго зависѣло увеличить производительность своего ремесла. Въ его распоряженіи было время и продолжительность работы. Продуктивность работы была въ полной зависимости отъ вниманія и прилежанія рабочаго, отъ его искусства, умѣнья, наконецъ творчества. Въ настоящее время машины сгоняютъ въ одну кучу множество рабочихъ, отрываютъ отъ семьи, родины, заставляютъ жить въ грязныхъ помѣщеніяхъ, дышать испорченнымъ воздухомъ, питаться дурной пищей. При этомъ самый трудъ потерялъ всю свою прелесть вслѣдствіе того, что рабочій не можетъ вложить въ него своихъ дарованій: соображенія, навыка, умѣнья, ловкости, словомъ всего, что дѣлаетъ всякую работу легкой и пріятной.

Итакъ причиной ненормальнаго экономическаго положенія народныхъ массъ и сосредоточенія капиталовъ въ рукахъ сравнительно небольшой части людей богатыхъ явилось усовершенствованіе орудій производства, изобрѣтеніе машинъ, сдѣлавшихъ излишнею работу множества человѣческихъ рукъ. Но не въ этомъ одномъ объясненіе современнаго экономическаго зла. Можно заводить сколько угодно машинъ и выдумывать какое угодно производство, все-же никакъ не обойдешься безъ помощи человѣческихъ рукъ и рабочей силы. Фабрики и заводы, какія-бы усовершенствованныя машины не имѣли, безъ рабочихъ никакъ обойтись не могутъ. На многихъ большихъ фабрикахъ работаютъ десятки тысячъ людей и всѣмъ находится дѣло. Что же заставляетъ свободныхъ рабочихъ, хлѣбопашцевъ и ремесленниковъ, оставлять свой домъ, семью, вѣковой привычный трудъ и спѣшить къ этимъ чудовищнымъ фабрич-

нымъ зданіямъ: съ высокими трубами, грохочущими машинами, вѣчнымъ дымомъ и пронзительными свистками? Что заманчиваго въ этой вѣчной человѣческой толпѣ, царящей какъ на самыхъ фабрикахъ, такъ и кругомъ ихъ?

Причина такого явленія въ томъ, что съ распространеніемъ просвѣщенія и развитіемъ техники измѣнились и условія экономической жизни. Къ концу XIX вѣка жизнь стала замѣтно дороже, чѣмъ раньше. Отовсюду стали слышаться жалобы на дороговизну и трудность добыванія необходимыхъ средствъ пропитанія. Вкусивши плодовъ просвѣщенія, люди стали терять прежнюю простоту и безыскусственность жизни. Прежняя простая пища, одежда, жилище не удовлетворяютъ. Стали желать пищи болѣе изысканной, одежды дорогой и непременно модной, домашней обстановки болѣе удобной и изящной. Появился тонкій вкусъ къ удовольствіямъ, развлеченіямъ, театрамъ, баламъ, маскарадамъ. Все это стоитъ дорого, но ко всему этому развился вкусъ, создалась привычка. Потребности духовныя и тѣлесныя людей XIX вѣка умножились и сдѣлались разнообразны. Безъ сомнѣнія, такія потребности развились сначала у богатаго класса, а затѣмъ переходили въ болѣе низшіе слои. „Плоды просвѣщенія“ пришлись одинаково по вкусу всѣмъ, но не всѣ получили одинаковую возможность вкушать ихъ. И вотъ бѣднякъ рабочій ремесленникъ, и земледѣлецъ, какъ мотылекъ къ свѣту, потянулся изъ сель и деревень въ города, на фабрики и заводы, куда манитъ его блескъ огней и гулъ народной толпы, и гдѣ онъ надѣется удовлетворить нарождающуюся потребность къ веселой, легкой и пріятной жизни. Плѣняетъ простаго человѣка и то, что трудъ его будетъ оплаченъ на заводѣ вдвое дороже противъ того, что онъ зарабатываетъ самъ. Стремленіе къ легкой наживѣ и желаніе отвѣдать удовольствій, получше пожить, заставляють все деревенское, молодое, свѣжее, полное силъ поколѣніе бѣжать въ городъ, или на фабрику. Такое стремленіе замѣчается во всѣхъ странахъ, не исключая Россіи. Многіе русскіе города и мѣстечки, гдѣ существуютъ фабрики и заводы, растутъ необычайно быстро. Городская жизнь успѣваетъ соблазнить не малую долю деревенскихъ жителей. Многіе деревенскіе рабочіе остаются въ городахъ на

вину, живутъ здѣсь годъ—другой и въ концѣ концовъ совсѣмъ покидаютъ деревню. Городъ засасываетъ людей какъ топкое болото. Между тѣмъ рѣдкія ожиданія оправдываются и надежды сбываются. Громадное большинство рабочихъ бѣднѣетъ до послѣдней степени. Приумноживъ своимъ трудомъ богатство хозяина, несчастные труженники часто дѣлаются неспособными къ работѣ, превращаются въ нищихъ, калѣкъ, пьяницъ, пролетаріевъ и семью свою оставляютъ безъ хлѣба.

Происшедшей перемѣнѣ въ экономической жизни немало способствовали и новыя нравственныя начала, проповѣдуемая наукой. Въ общество проникло убѣжденіе, что жизнь есть не что иное, какъ непрерывная борьба за существованіе и что въ этой борьбѣ побѣждаетъ сильный. Эгоизмъ, прежде смягчаемый христіанскимъ ученіемъ, восторжествовалъ въ людяхъ XIX вѣка, послѣ того какъ наука объявила его законнымъ чувствомъ. Все живое борется за свое благополучіе. И человѣкъ, забывая о своемъ высшемъ назначеніи, нисходитъ до активнаго участія въ этой общей борьбѣ за существованіе. „Мертвый во гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій“. Этотъ эгоистическій девизъ въ прошломъ вѣкѣ отлично усвоенъ людьми богатыми, и они не охотно поступаются въ пользу бѣдняковъ. Они одни желаютъ присутствовать на жизненномъ пиру. Любовь къ ближнему, милосердіе, состраданіе и другія сердечныя чувства считаются признакомъ слабости воли въ жизненной борьбѣ. Ихъ слѣдуетъ забыть, пренебречь ими, потому что они не ведутъ къ благополучію. Нельзя сомнѣваться, что такіе безотрадные нравственныя принципы въ массу обездоленныхъ еще вполнѣ не проникли и проникнуть не могли. Умственно масса осталась въ сторонѣ отъ выводовъ науки. Но на дѣлѣ ей пришлось испытать всю тяжесть новыхъ принциповъ. Жестокость, безсердечіе и жадность многихъ богачей сдѣлались слишкомъ ощутительными для обездоленной массы.

Таковы внѣшнія и внутреннія причины ненормальнаго общественнаго строя, унаслѣдованнаго двадцатымъ вѣкомъ отъ своего предшественника. Человѣчество никогда еще не стояло такъ далеко отъ идеала общаго экономического благополучія,

какъ теперь. Что-же будетъ дальше, если условія жизни не измѣнятся и не произойдетъ коренного переворота въ умахъ и сердцахъ людей? За судьбу капиталистовъ беспокоиться нечего. Они обезпечены и будущее сулитъ имъ еще большее благополучіе отъ приумноженія капитала. Но что будетъ дальше съ тѣми милліонами носителей труда, жизнь которыхъ уже теперь въ періодѣ остраго кризиса? Вотъ роковой вопросъ современности. Какъ смотрѣли и смотрятъ на этотъ вопросъ представители науки? Чѣмъ, по ихъ мнѣнію, должно разрѣшиться соціальное экономическое неравенство?

Мы были-бы несправедливы, если-бы сказали, что наука въ XIX столѣтіи осталась равнодушною къ судьбѣ народовъ и не занималась рѣшеніемъ указанной соціальной проблемы. Въ прошедшемъ вѣкѣ создались цѣлыя соціалистическія теоріи и системы, въ которыхъ ученые соціологи излагали свои соображенія и выводы касательно будущихъ экономическихъ судебъ человѣчества. Къ концу истекшаго вѣка всѣ указанныя теоріи объединились въ одну, извѣстную подъ именемъ „теоріи научнаго социализма“. Разсмотрѣніе этой теоріи при свѣтѣ Божественныхъ началъ христіанства и съ точки зрѣнія здраваго смысла—составляетъ задачу настоящей статьи.

II.

Основныя положенія теоріи научнаго социализма таковы ¹⁾.

Исторія человѣчества представляетъ непрерывный и постоянный антагонизмъ между отдѣльными лицами или группами лицъ (антагонизмъ соціальный) и цѣлыми народами (антагонизмъ національный). Каждая отдѣльная личность стремится завоевать себѣ особое положеніе въ кругу себѣ подобныхъ. То же дѣлаютъ и цѣлыя общества, стремясь къ господству, богатству, силѣ, вліянію. Совокупность всѣхъ стремленій любого общественнаго класса, направленныхъ на коренное измѣненіе существующаго строя въ интересахъ этого класса, составляетъ то, что принято называть соціальнымъ движеніемъ.

¹⁾ Зомбартъ. „Социализмъ и соціальныя движенія въ 19 вѣкѣ“. С.-Пб. 1900 г. перев. Лакіера.

емъ. Такъ какъ всѣ ненормальныя явленія современнаго общеннаго строя,—въ которомъ одни слишкомъ богаты, другіе слишкомъ бѣдны, одни пользуются избыткомъ всякихъ благъ, другіе отказываютъ себѣ въ самомъ необходимомъ,—зависятъ отъ господства частной собственности, то цѣль соціальнаго движенія въ томъ, чтобы на мѣсто нынѣшняго соціальнаго строя съ господствомъ частной собственности, создать такой, въ которомъ собственность принадлежала-бы не частнымъ лицамъ, а цѣлому обществу. Поэтому всѣ сторонники соціальнаго движенія носятъ названіе коммунистовъ, т. е., людей, проповѣдующихъ обладаніе собственностью на совмѣстныхъ коллективныхъ началахъ. Носителемъ современнаго соціальнаго движенія является пролетаріатъ, классъ рабочихъ, хотя и свободныхъ, но въ средствахъ содержанія вполнѣ зависящихъ отъ своихъ хозяевъ—работодателей. Скопляясь въ городахъ и крупныхъ центрахъ промышленности, на различныхъ фабрикахъ и заводахъ, отрываясь по необходимости отъ деревень и сель, родной семьи, нравовъ и обычаевъ, рабочій пролетаріатъ сплочивается въ общества и союзы, съ цѣлію оградить себя отъ произвола нанимателей—хозяевъ. Въ кругу рабочихъ возникаютъ коммунистическіе идеалы и зарождаются соціальныя движенія. Возникновенію среди рабочихъ соціальнаго движенія способствуютъ многія обстоятельства, изъ которыхъ главныя—бѣдность и невыносимыя условія труда. Трудъ рабочаго при 10—12 часовой работѣ въ сутки, въ удушающей атмосферѣ дыма, смрада и копоти, оплачивается въ большинствѣ случаевъ очень скудно. Рабочій отлично сознаетъ несообразность платы затрачиваемому труду. Сравнивая свое положеніе съ положеніемъ хозяевъ, роскошью ихъ жизни, рабочій начинаетъ завидовать имъ. Зависть переходитъ во вражду и ненависть къ хозяевамъ, когда послѣдніе отказываются удовлетворить законныя притязанія рабочихъ:—сократить рабочее время, облегчить условія трудовой жизни, увеличить заработную плату и проч. Рабочій приходитъ къ убѣжденію, что въ его бѣдственномъ положеніи виноваты не судьба или случай, а злая воля хозяевъ. Разъ возникло подобное убѣжденіе въ душѣ рабочихъ,—явилась твердая почва

для соціального движенія, направленаго съ одной стороны и прежде всего къ облегченію условій труда и увеличенію заработной платы, а затѣмъ и къ переустройству всего общественнаго организма на коммунистическихъ началахъ. Разумѣется, эта послѣдняя конечная цѣль соціального движенія вырабатывается въ представленіи рабочихъ не сразу. На первыхъ порахъ является одно лишь желаніе во что-бы то ни стало улучшить свое экономическое положеніе и облегчить тяжелыя условія труда. Но въ послѣдствіи, съ распространеніемъ просвѣщенія среди рабочихъ, коммунистическіе идеалы, безъ сомнѣнія, могутъ сдѣлаться цѣлію всякаго соціального движенія въ каждой странѣ.

Планъ объединенія всѣхъ соціальныхъ движеній, происходящихъ въ различныхъ странахъ, общими коммунистическими принципами принадлежитъ Карлу Марксу¹⁾. Указанными принципами Марксъ хотѣлъ объединить всѣ національныя теченія въ соціальномъ движеніи и свести ихъ къ единству, — въ одно русло, въ одинъ общій потокъ. Въ своихъ сочиненіяхъ²⁾ онъ изложилъ свою систему научнаго социализма. Руководящія положенія его системы таковы. Исторія современнаго человечества есть исторія борьбы классовъ, борьбы между буржуазіей и пролетаріатомъ. Отношенія этихъ классовъ, какъ представителей капитала и труда, дѣлаются все болѣе ненормальными, что должно неизбежно привести къ экономическому перевороту. Существующія въ средѣ пролетаріата соціальныя движенія стремятся сломить господство буржуазіи. Но они могутъ сдѣлать это лишь тогда, когда убѣдятся, что частную собственность имѣть не слѣдуетъ, а слѣдуетъ ввести собственность коммунистическую, однимъ словомъ, когда всѣ представители труда сдѣлаются коммунистами. Хотя до коммунистическаго идеала додумаются не всѣ и не сразу, но несомнѣнно, утверждаетъ онъ, что только этотъ идеалъ объединитъ различныя соціальныя движенія.

1) Карлъ Марксъ, сынъ крещенаго еврейскаго адвоката, родился въ 1818 г. въ Трирѣ. Въ Бонскомъ университетѣ изучалъ философію. Гонимый за свои крайніе соціальные взгляды, онъ жилъ нѣкоторое время въ Парижѣ (1844—1849 г.), затѣмъ въ Лондонѣ, гдѣ и умеръ въ 1883 году.

2) „Капиталъ“, „Коммунистическій Манифестъ“ и др.

Высказывая такое положеніе, Марксъ примѣняетъ къ соціальному движенію эволюціонную теорію. Послѣдняя, т. е., эволюціонная теорія, по мнѣнію К. Маркса, осуществляется въ человѣческой исторіи такъ-же, какъ и въ царствѣ неразумныхъ существъ. Сознаніе и пониманіе пролетаріатомъ своей исторической роли (общими соціальными движеніями подготавливать путь къ устройству коммуны) есть одинъ изъ моментовъ исторической эволюціи. Осуществить свою историческую задачу пролетаріатъ можетъ только чрезъ устраненіе капитализма, которое произойдетъ такимъ образомъ: крупное производство останется нетронутымъ, но будетъ уже не въ рукахъ частныхъ хозяевъ, а въ рукахъ общества, иначе сказать,—сдѣлается общественной собственностью.

По мнѣнію Маркса, достиженіе намѣченной цѣли нетрудно и облегчается существующей уже борьбою между различными классами въ обществѣ. Современное общество, распадаясь на отдѣльныя группы лицъ, съ различнымъ міросозерцаніемъ, задачами, интересами и т. п., находится въ состояніи постоянного антагонизма. Интересъ буржуа приходитъ въ столкновеніе съ интересомъ чиновника, фабриканта съ ремесленникомъ, капиталиста съ бѣднякомъ и т. п. Въ обществѣ постоянно происходятъ незаконные захваты чужихъ мѣстъ, должностей, привилегій. Всѣ и всякій преслѣдуетъ свою цѣль, свой интересъ, и кто не хочетъ быть преслѣдуемымъ—долженъ самъ преслѣдовать. Никакой общественный классъ, никакое сословіе никогда не отказывалось отъ своихъ привилегій ради челоѣколюбія, или по другимъ благороднымъ мотивамъ. Исторія не знаетъ ни одного примѣра добровольнаго отреченія отъ классовыхъ привилегій въ пользу ближнихъ, кромѣ отдѣльныхъ случаевъ. Никогда никакой классъ не дѣлалъ уступокъ другому въ альтруистическихъ мотивахъ, исключая единичныхъ личностей. Отсюда ясно, что и въ жизни разумныхъ существъ происходитъ вѣчная борьба за земное благополучіе, и только силѣ принадлежитъ побѣда. А если такая борьба постоянна и вѣчна, то она разумна и законна. Поэтому массовое движеніе социалистовъ всѣхъ странъ въ пользу коммунизма, утверждаетъ онъ, должно въ концѣ концовъ восторжествовать.

Такова система научнаго соціализма по ученію Карла Маркса. Въ наше время увлекаются его теорією потому, что Марксъ замѣнилъ идеалистическій взглядъ на исторію человѣчества реалистическимъ, подчинилъ ходъ человѣческой исторіи естественному закону эволюціи. Въ прежнее время господствовало мнѣніе, что любовь побѣждаетъ зло, что помощью простыхъ убѣжденій и нравственнаго вліянія можно устроить на землѣ рай, переселить человѣка изъ міра слезъ и страданій въ міръ безконечнаго счастья. Словомъ, была вѣра въ добрыя человѣческія чувства. Теперь не то. Увлеченные теорією К. Маркса вѣру въ доброту человѣка замѣнили убѣжденіемъ, что человѣкъ управляется преимущественно эгоистическими мотивами и что внутри человѣка живетъ звѣрь.

Отсюда, по теоріи, слѣдуетъ прямой выводъ: если пролетаріатъ хочетъ добиться чего нибудь въ смыслѣ измѣненія своего положенія, онъ долженъ дѣйствовать не любовью и убѣжденіемъ, а силѣ противопоставить силу и бороться. Для этого необходимо соединиться пролетаріямъ всѣхъ странъ въ одну общую ассоціацію ¹⁾).

Итакъ, путь къ достиженію соціалистическаго идеала есть классовая борьба. Такъ проповѣдуетъ теорія научнаго соціализма. Но въ виду того, что этотъ путь борьбы не всякому можетъ улыбаться, напротивъ, способенъ во многихъ возбудить безпокойство и страхъ за будущее, то соціалисты—теоретики, вслѣдъ за своимъ учителемъ Марксомъ, пытаются всѣми мѣрами оправдать самый принципъ борьбы, успокоить общество на счетъ будущей безопасности. Зачѣмъ, разсуждаютъ соціологи, бояться борьбы, если она существуетъ въ обществѣ, какъ нѣчто неотвратимое. Это не борьба кинжаломъ, динамитомъ, баррикадами. Научный соціализмъ не считаетъ революцію пригоднымъ средствомъ къ осуществленію намѣченнаго идеала. Рабочій союзъ, стачка, выборы—тоже борьба, но такая борьба не предосудительна. Еще Кантъ говорилъ: „Нужно благодарить природу за то, что она надѣлила людей тщеславіемъ вызывающимъ враждебное соревнованіе и ненасытной жаждой

¹⁾ Зомбартъ «Соціализмъ и соціальн. движенія въ 19 в.», стр. 71—73.

богатства и славы. Безъ этихъ свойствъ самыя лучшія стороны челоѳической природы остались бы навсегда неразвитыми. Челоѳкъ стремится къ миру: Но природа лучше знаетъ, что ему необходимо въ интересахъ рода: она хочетъ борьбы". За чѣмъ же намъ бояться борьбы въ соціальной жизни? Мы должны радоваться, что явилось міросозерцаніе, дѣлающее борьбу основнымъ и необходимымъ моментомъ жизни. Вѣдь борьба явится въ концѣ концовъ источникомъ добра, уравниваетъ всѣхъ людей въ пользованіи земными благами. Чтобы борьба не вела къ разрушенію, она должна быть легальною, основываться и опираться на законъ. Само собою разумѣется, для борьбы нужно избирать чистыя средства. Сущестующая борьба между пролетаріатомъ и капиталистами далека отъ той, которая законна и желательна. Хотя изъ борьбы трудно устранить за таенную злобу, лживость, ненависть однихъ, жестокость и насиліе другихъ, но это нужно сдѣлать. Во всякомъ противникѣ нужно уважать челоѳка. Всякому, кто видитъ борьбу въ основѣ историческихъ явленій, считаетъ ее закономъ челоѳической жизни, легко вести борьбу честными средствами ¹⁾.

Любопытенъ взглядъ позднѣйшихъ теоретиковъ соціализма на отношенія соціального движенія къ христіанской религіи. Оказывается, по теоріи соціализма, христіанство не можетъ и не должно быть окончательно отвергнуто. Но такъ какъ соціализмъ въ достиженіи своей цѣли въ христіанствѣ не нуждается, потому что вообще отвергаетъ всякое значеніе религіи въ естественномъ ходѣ соціальныхъ событій, то христіанству въ исторіи будущаго челоѳчества, по соціалистической теоріи, отводится довольно двусмысленная, если не совсѣмъ уни- зительная роль. Съ одной стороны, оно какъ-бы необходимо, съ другой—легко обойтись и безъ него. Во всякомъ случаѣ христіанство, по убѣжденію соціалистовъ, должно приспособиться къ новому порядку вещей въ соціальномъ прогрессѣ и служить уже не интересамъ буржуазіи, а интересамъ пролетаріата. Объ отношеніяхъ христіанской религіи къ современному соціальному движенію и значеніи ея въ будущихъ судь-

¹⁾ Зомбартъ. Указан. сочин. стр. 112—113.

бахъ челоѡвѣчества соціалисты разсуждаютъ такъ. Доселѣ пролетаріатъ или, вѣрнѣе, вожаки его, усвоивъ себѣ матеріалистическіе взгляды 60—70 годовъ, стали относиться враждебно и къ религіи. Въ матеріалистическомъ міросозерданіи они увидѣли дѣйствительный и могущественный элементъ, способный вытѣснить господствующіе авторитеты во всѣхъ областяхъ. Но матеріалистическіе догматы уже признаны несостоятельными, и въ настоящее время никакой серьезный представитель науки не станетъ утверждать, что наука требуетъ признанія атеизма и исключаетъ всякую религію. Поэтому данный мотивъ къ отрицанію христіанской религіи рано или поздно долженъ быть оставленъ. Пролетаріатъ считаетъ и будетъ считать христіанство религіею абсолютно враждебною себѣ до тѣхъ поръ, пока господствующіе классы будутъ считать себя подъ защитой христіанства, и пока будутъ пользоваться оффиціальнымъ христіанствомъ, какъ средствомъ борьбы противъ самостоятельнаго освободительнаго движенія пролетаріата. Соціалисты думаютъ, что пока въ Западной Европѣ монархія и капитализмъ именемъ христіанства объявляются учрежденіями существующими отъ Бога, всякое соціальное движеніе должно принимать антирелигіозный и антицерковный характеръ. Недовѣріе пролетаріата къ оффиціальнымъ представителямъ церкви, занявшимъ подозрительное положеніе въ соціальной борьбѣ, удалило его какъ отъ церкви, такъ и отъ религіи. Но какъ только это недовѣріе начнетъ исчезать, какъ только христіанство займетъ нейтральное положеніе въ соціальной борьбѣ, или будетъ истолковываться прямо въ соціаль-демократическомъ духѣ, какъ дѣлаетъ пасторъ Науманъ и даже самъ папа въ своихъ позднѣйшихъ энцикликахъ, обращенныхъ къ рабочимъ всѣхъ странъ,—то не будетъ и причины, почему бы соціальное движеніе продолжало имѣть антирелигіозный характеръ, тѣмъ болѣе, что теоретическая основа антирелигіозности, какъ сказано выше, давно уже оказалась несостоятельной. Но, безъ сомнѣнія, христіанская религія должна быть приспособлена къ условіямъ существованія пролетаріата. Вѣдь христіанство сумѣло же приспособиться и къ падавшему Риму, и къ полнымъ свѣжихъ силъ Германцамъ, сумѣло сдѣлаться религіей

феодаловъ, горожанъ и буржуазіи. Почему-же ему не сдѣлаться и религіей пролетаріата? При этомъ, само собою разумѣется, должны будутъ восторжествовать жизнерадостные элементы христіанства. Ибо христіанскій аскетизмъ мало улыбается классу, стремящемуся къ свѣту и воздуху, и необнаруживающему ни малѣйшей склонности отречься отъ наслажденій, которыми онъ можетъ воспользоваться на жизненномъ пиру еще здѣсь на землѣ ¹⁾).

Свящ. Іаковъ Галаховъ.

(Продолженіе булетъ).

¹⁾ Зомбартъ. Указ. сочлн. стр. 119—120.

Преосвященнѣйшій Иннокентій, Епископъ Нарвскій, Первый Ви-
карій С.-Петербургской Митрополіи, и его послѣдніе дни служе-
нія въ г. Харьковѣ.

27-го декабря п. г. Преосвященный Иннокентій, Епископъ Сумскій, бывшій викарій Харьковской епархіи, а нынѣ епископъ Нарвскій, первый викарій С.-Петербургской епархіи, простился съ г. Харьковомъ и отбылъ въ С.-Петербургъ. Преосвященный оставилъ по себѣ добрую и благодарную память въ Харьковской епархіи. Но съ особенною благодарностію воспоминаетъ о немъ редакція журнала „Вѣра и Разумъ“. Преосвященный всегда относился сочувственно и благожелательно къ нашему журналу. Состоя благосклоннымъ сотрудникомъ его и украшая страницы его своими словами, рѣчами и статьями, Преосвященный проявилъ особенную заботливость о немъ въ печальный періодъ для журнала, когда журналъ лишился своего основателя, покровителя и незабвеннаго сотрудника, приснопамятнаго Святителя Амвросія († 3 сент. 1901 г.). Получивъ полномочія на временное управленіе всей Харьковской епархіей, онъ съ просвѣщенной заботливостію отнесся въ тоже время и къ журналу „Вѣра и Разумъ“. Увѣренный, что преемникъ Архіепископа Амвросія не посѣчетъ начатое почившимъ Архіепископомъ дѣло, Преосвященный Иннокентій *благословилъ сдать объявленіе о продолженіи нашего изданія и въ 1902 году*. Въ тоже время онъ принялъ на себя главное руководство по веденію этого журнала, слѣдилъ за его направленіемъ, при чемъ нерѣдко принималъ на себя трудъ предварительнаго просмотра нѣкоторыхъ журнальныхъ

рукописей. Признательная редакція журнала „Вѣра и Разумъ“ считаетъ поэтому своимъ нравственнымъ долгомъ посвятить нѣсколько страницъ краткому біографическому очерку Пресвященнаго и рассказать о послѣднихъ дняхъ служенія его въ Харьковѣ.

Пресвященный Иннокентій, въ мѣрѣ Иванъ Васильевичъ Бѣляевъ, сынъ священника Владимірской епархіи, родился въ 1862 году. На девятомъ году отъ рожденія онъ лишился отца, оставившаго осиротѣлое семейство свое въ великой бѣдности и нуждѣ. Свое сиротство такъ описываетъ самъ Пресвященный.—„Не могу не вспомнить, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей, своего личнаго сиротства. Мнѣ судилъ Господь лишиться родителя—священника 8 лѣтъ отъ роду. Насъ осталось съ вдовой—матерью 6 человекъ, изъ которыхъ старшему было 16 лѣтъ, а младшему 3 года. Я былъ четвертымъ по старшинству въ семьѣ. Ясно помню грустныя, убитыя горемъ лица старшихъ братьевъ и сестры, свое собственное чувство сиротливой, обездоленной, какъ будто обиженной кѣмъ-то беззащитности,—помню слезы матери, такъ жалобно глядѣвшей на насъ, что и мы съ нею вмѣстѣ плакали о своемъ горькомъ, тяжеломъ положеніи. Припоминается, говоритъ далѣе Пресвященный, и то, какъ сердобольные прихожане покойнаго родителя несли намъ свои незатѣйливыя приношенія—хлѣбъ и холстъ для прокормленія и одѣянія „Божьихъ сиротокъ“¹⁾. Такое скудное въ матеріальномъ отношеніи положеніе будущаго Архипастыря лишало, повидимому, его возможности получить надлежащее образованіе. Но Господь устроилъ все во благо при отличныхъ дарованіяхъ и прекрасномъ направленіи осиротѣлаго мальчика, хотя родительница Ивана Васильевича, какъ истинная христіанка, употребляла одно голько воспитательное средство—*молитву*... „Свидѣтельствуюсь сердцемъ и совѣстью, говоритъ Архипастырь у гроба своей матери, мы не видали въ твоёмъ распоряженіи ни одного изъ земныхъ средствъ, такъ часто употребляемыхъ для воспитанія

¹⁾ Рѣчь по освященіи дома Епархіальнаго пріюта для вдовъ и сиротъ въ Харьковской епархіи. *Слова и Речи* Пресвященнаго Иннокентія, Епископа Сузскаго, Харьковъ 1901 г., стр. 265.

дѣтей, кромѣ одного—частой, продолжительной и слезной молитвы. И въ храмѣ, и въ домѣ мы, дѣти, часто видѣли тебя, мать нашу, колѣнопреклоненною, слезномолящейся и сердцемъ чуяли, что то была молитва о насъ, чтобы призрѣлъ Господь насъ, малыхъ сиротъ, воспиталь и устроилъ, ими же вѣдаетъ путями и судьбами. Это было твое единственное воспитательное средство, вліявшее на насъ несокрушимо и крѣпко. Мы знали его и старались, каждый въ мѣру Богомъ данныхъ силъ, быть скромными и прилежными, дабы разсѣянностью, лѣнностью или инымъ порокомъ не оскорбить святыни молитвеннаго чувства о насъ матери. Мы знали, что, кромѣ Бога и твоей молитвы, у насъ нѣтъ иной защиты... А въ то же время видѣли, что ради нашего воспитанія тобою безмолвно, безропотно, смиренно приносится жертва за жертвой: продается отцовскій домъ, это завѣтное гнѣздо, изъ коего, какъ птенцы, вылетѣли мы, и замѣняется квартирой въ селѣ, расходуются для насъ скудныя сбереженія отца, покидается мѣсто нашего дѣтства,... предпринимается ради нашего воспитанія... трудный переѣздъ... въ погостъ, въ виду близости его къ губернскому городу и учебнымъ заведеніямъ¹⁾. Поступивъ въ училище, а потомъ въ семинарію, сирота Бѣляевъ всюду обнаруживалъ, на ряду съ отличными успѣхами въ ученіи и образцовое поведеніе и уже за это болѣе, нежели по сиротству, пользовался казеннымъ содержаніемъ. Въ 1881 году, окончивъ курсъ въ семинаріи (Владимірской) вторымъ студентомъ, онъ, какъ лучшей и даровитѣйшей воспитанникъ, посланъ былъ семинарскимъ начальствомъ въ Казанскую Духовную Академію для полученія высшаго образованія. Здѣсь Ив. Вас. съ увлеченіемъ отдался изученію академической науки и скоро выдѣлился изъ ряда сотоварищей—своимъ трудолюбіемъ и талантливостью. Съ особенною любовію онъ изучалъ Св. Писаніе, этотъ первоисточникъ христіанскаго вѣдѣнія и христіанской жизни. На третьемъ ²⁾ году своего образованія въ Академіи Ив. Вас.

¹⁾ Тамъ-же, стр. 194.

²⁾ Двадцать шестой курсъ Казанской Академіи подвергся преобразованію по уставу 1884 г. на 4-мъ году. Три первыхъ года онъ былъ подѣленъ дѣйствию староваго устава.

долженъ былъ, какъ и другіе его товарищи, писать такъ называемое кандидатское сочиненіе для полученія ученой степени. Сочиненіе его написанное, съ полною научною добросовѣстностію, вмѣстѣ съ отличными отвѣтами на выпускныхъ экзаменахъ, доставило Ив. Вас., третье мѣсто въ ряду магистрантовъ ¹⁾.

По окончаніи курса въ Казанской Академіи, согласно заключенію учебнаго, при Святѣйшемъ Синодѣ, комитета, молодой магистрантъ Бѣляевъ получилъ (отъ 16 авг. 1885 г.) назначеніе на должность преподавателя словесности и исторіи русской литературы въ Тобольскую духовную семинарію ²⁾. Здѣсь Ив. Вас. заявилъ себя какъ талантливый и гуманный преподаватель, серьезно и разумно поставившій дѣло преподаванія. Въ то же время Иванъ Васильевичъ состоялъ преподавателемъ словесности и въ Тобольскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ. Живое, увлекательное изложеніе уроковъ и сердечное, соединенное съ достоинствомъ, обращеніе съ ученицами была причинами того, что Ив. Вас. заслужилъ себѣ всеобщее уваженіе. Въ 1887 году онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ Маріинскую женскую школу и инспекторомъ классовъ послѣдней. И здѣсь Ив. Вас. исполнялъ свои обязанности добросовѣстно и талантливо. А какъ инспекторъ классовъ онъ сумѣлъ поставить себя въ самыя лучшія отношенія не только къ воспитанницамъ, но и къ корпораціи, прекрасно сознавая, какую пользу приносить всякому дѣлу единеніе и дружба между начальствующими, учащими и учащимися. И высшее начальство вполнѣ оцѣнило энергичную и умѣлую дѣятельность молодого преподавателя и инспектора: уже въ ранніе годы своей службы онъ удостоился награжденія орденами Станислава 3 ст. и св. Анны 3 ст.

Въ это же время онъ испыталъ и тяжкое горе,—лишился жены, съ которою былъ въ супружествѣ всего только девять мѣсяцевъ. Усмотрѣвъ въ этомъ испытаніи персть Божій, ведущій его къ иному рода дѣятельности, Ив. Вас. смиренно

¹⁾ См. отчетъ о состояніи Казанской Духовн. Академіи за 1884—1885 учебн. годъ, стр. 58. Правосл. Собесѣдникъ, изд. Каз. Дух. Акад. 1885 г., ч. 3.

²⁾ Журналы Совѣта Казанской Дух. Акад. за 1885 г. стр. 242. Правосл. Собесѣдн. издаваем. Каз. Дух. Акад., 1886 г., июнь мѣс.

принялъ отъ руки Преосвящен. Агаѳангела, нынѣ епископа Рижскаго, въ 1895 г. монашество, надъ которымъ онъ задумывался еще во время пребыванія въ стѣнахъ Академіи. Нареченный въ монашествѣ *Иннокентіемъ* онъ скоро, черезъ 4 мѣсяца по постриженіи, былъ возведенъ въ санъ архимандрита, назначенъ настоятелемъ Свято-Троицкаго Виленскаго монастыря и тогда же призванъ къ административной дѣятельности,—назначенъ ректоромъ Виленской Духовной Семинаріи. Это назначеніе молодаго архимандрита, проникнутаго высокими идеалами и стремленіями духа для блага церкви и отечества, открывало болѣе широкое поле для его энергичной дѣятельности.—За четыре года своего ректорства онъ успѣлъ сдѣлать многое для семинаріи. Прежде всего онъ ввелъ въ ней образцовый порядокъ и благоустройство, какъ внутреннее, такъ и внѣшнее, которыми Виленская семинарія въ настоящее время выдѣляется изъ ряда многихъ другихъ семинарій. Овладевъ симпатіями своихъ сослуживцевъ и пріобрѣтя ихъ довѣріе къ себѣ, архимандритъ Иннокентій, исполненный любви къ воспитанникамъ, направилъ всѣ силы къ тому, чтобы воспитать изъ нихъ прежде всего истинныхъ христіанъ, затѣмъ добрыхъ пастырей и вообще людей полезныхъ для общества. Дѣйствуя всегда прямо и открыто, сохраняя постоянно ровный и благородный тонъ, онъ невольно подчинилъ всѣхъ своему начальническому вліянію и тому строю, который твердо держалъ въ своихъ рукахъ. Съ должностью ректора семинаріи, архимандритъ Иннокентій, какъ сказано, соединялъ и званіе настоятеля Свято-Троицкаго Виленскаго монастыря. При немъ возведены были новыя монастырскія постройки и благолѣпно украшена монастырская церковь, какъ снаружи, такъ и внутри. На внутреннее украшеніе храма было исходатайствовано у Св. Синода 3½ т. рублей. Будучи ректоромъ и настоятелемъ монастыря, онъ исполнялъ по порученію высшаго начальства и другія обязанности. Такъ, онъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ Архіепископа Литовскаго и Виленскаго Геронима (нынѣ здравствующаго Архіепископа Холмскаго и Варшавскаго) по управленію свято-духовскимъ виленскимъ Братствомъ. Это Братство, состоящее подъ Высочайшимъ покро-

вительствомъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и имѣющее свою цѣлю—содѣйствовать укрѣпленію и преуспѣванію православія въ западномъ краѣ и бороться съ латино-польскою пропагандой, проявляетъ свою дѣятельность, между прочимъ, чрезъ оказаніе помощи бѣднѣйшимъ церквамъ епархіи, чрезъ постройку новыхъ церквей, вспомошествованіе безпомощнымъ бѣднымъ, преимущественно вдовамъ и сиротамъ, выдачу пособій крестившимся изъ іудейства и присоединившимся изъ иновѣрія, и чрезъ устройство народныхъ чтеній и распространеніе книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго содержания, а также сочиненій, имѣющихъ мѣстный интересъ и направленныхъ къ опроверженію заблужденій, сложившихся во время уни и поддерживаемыхъ іезуитами. Какъ человекъ наблюдательный, архимандритъ Иннокентій скоро ознакомился съ запросами церковной жизни въ Западномъ краѣ. Онъ наглядно убѣдился въ томъ, насколько сильна католическая пропаганда въ этомъ краѣ, какія злоухищренія предпринимаютъ ксеядзы и вообще сторонники католичества, чтобы разрушить единеніе нетвердыхъ въ православіи съ православною церковію. Видя всѣ эти печальныя явленія, онъ какъ предсѣдатель комиссіи при упомянутомъ Братствѣ и членъ послѣдняго, усиленно старался бороться съ іезуитскою пропагандой изданіемъ брошюръ и книгъ религіозно-нравственнаго содержания. Къ составленію подобныхъ брошюръ онъ старался расположить также и преподавателей вѣренной ему семинаріи и учителей виленскихъ гимназій. Благодаря заботамъ и трудамъ архимандрита Иннокентія былъ изданъ не одинъ десятокъ брошюръ, расходившихся ежегодно въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ ¹⁾. Въ то же время онъ, въ противовѣсъ іезуитамъ, фанатично относившимся къ русской народности и православію, старался и въ живомъ проповѣдническомъ словѣ высказывать свои искреннѣйшія патріотическія убѣжденія и

¹⁾ Вотъ названія нѣкоторыхъ брошюръ: „Поученіе о крестномъ знаменіи, объ отличіи православнаго отъ латискаго и объ отсутствіи онаго у лютеранъ“, „Богъ наказалъ“ (разсказъ), „Вилепскій Свято-Духовскій монастырь“, „Соборъ святого архистратига Мухаила и прочихъ безплотныхъ силъ небесныхъ“, „Чѣмъ вызвано сооруженіе въ городѣ Вильнѣ въ 1597 году храма во имя Святаго Духа“ и друг.

высоко держать знамя православія, самодержавія и русской народности. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ постоянно проводилъ тѣ мысли, что „въ Россіи есть свои вѣковые обычаи, своя особенная исторія, свои исключительныя завѣты, какъ и у сыновъ ея—свой русскій духъ, свой русскій укладъ жизни, свои понятія, идеалы и стремленія“ ¹⁾.

Въ это же время много заботъ и трудовъ положилъ архимандритъ Иннокентій и для церковно-приходскаго дѣла. Будучи искренно русскимъ патріотомъ, онъ всею душою радовался развитію церковно-приходскаго дѣла, въ которомъ справедливо видѣлъ единственное и могучее средство воспитать народъ въ здоровомъ духѣ русскаго человѣка, въ любви къ церкви и отечеству. Какъ предсѣдатель комитета Братства, онъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы были оказываемы пособія учительницамъ и учителямъ церковно-приходскихъ школъ,—чтобы школы Литовской епархіи были снабжаемы библіотеками для чтенія; много также потрудился онъ въ дѣлѣ открытія при Братствѣ школы церковно-пѣвческой для учителей и исаломщиковъ. Къ этимъ заботамъ о развитіи школьнаго дѣла побуждала архимандрита Иннокентія и почетная должность предсѣдателя епархіальнаго училищнаго совѣта, на каковую онъ назначенъ былъ въ 1896 г. Какъ предсѣдатель училищнаго совѣта, онъ отзывчиво относился ко всѣмъ школьнымъ нуждамъ, матеріальнымъ и духовнымъ. Любилъ онъ присутствовать при открытіи школъ, при чемъ всегда обращался къ дѣтямъ съ простымъ и кроткимъ, трогательно-поучительнымъ словомъ. За время его предсѣдательства и благодаря его стараніямъ открыто было до 90 (см. Всепод. отч. Оберъ-Прок. за 1897—98 г.) церковно-приходскихъ школъ и почти столько же школъ грамоты. Кроме того, архимандритъ Иннокентій по порученію Св. Синода, обозрѣвалъ мѣстныя духовно-учебныя заведенія, въ качествѣ ревизора.

Не мало онъ потрудился и на литературномъ поприщѣ.—Помимо словъ и рѣчей, напечатанныхъ имъ въ „Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, „Виленскомъ Вѣ-

¹⁾ Иннокентій, Епископъ Сумскій, Слова и Рѣчи, Харьковъ 1901 г., стр. 4, 6 и ин. друг.

стникъ“ и др. поврежденныхъ органахъ печати, его перу за это время принадлежитъ капитальный трудъ подъ заглавіемъ: „Постриженіе въ монашество. — Опытъ историко-литургическаго изслѣдованія обрядовъ и чинопослѣдованій постриженія въ монашество въ греческой и русской церквахъ до XVII вѣка включительно“. Это обширное изслѣдованіе архимандрита Иннокентія распадается на двѣ части, изъ коихъ въ первой излагается судьба обрядовъ и чинопослѣдованій постриженія въ монашество въ церкви Греческой до X вѣка, когда это чинопослѣдованіе переходитъ изъ греческой церкви и въ русскую, — во второй излагается состояніе тѣхъ же чинопослѣдованій въ русской церкви съ X по XVII вв., когда движеніе литургическое, благодаря включенію разсматриваемыхъ чиновъ въ печатныя богослужебныя книги, почти совсѣмъ прекратилось. Свои изслѣдованія въ этомъ сочиненіи о. архимандритъ основываетъ главнымъ образомъ на свѣдѣніяхъ первоисточниковъ — святоотеческихъ преданій, монашескихъ уставовъ и наиболѣе выдающихся литургическихъ памятниковъ, наприм., Евхологіяхъ Севастьяновскаго, Гейтлера, Гоара, Евхологіи, издан. Обществомъ любит. древн. письм. и др. Кроме того, подъ его руками находились неизданныя еще рукописи богатой литургическими памятниками Соловецкой библіотеки, что сопряжено было съ немалыми и матеріальными издержками и требовало большаго навыка разбираться въ сыромъ матеріалѣ и кропотливаго труда. Представленное въ рукописи (102 листа), въ качествѣ магистерской диссертациі, въ Совѣтъ Казанской Духовной Академіи, это сочиненіе удостоилось лестныхъ отзывовъ со стороны рецензентовъ: Преосвященнаго ректора академіи Антонія (нынѣ здравствующаго еп. Уфимскаго) и профес. акад. Вас. Нарбекова, при чемъ авторъ его былъ признанъ „вполнѣ заслуживающимъ искомой имъ степени магистра богословія“. По напечатаніи этого труда и по соблюденіи другихъ необходимыхъ формальностей, архимандритъ Иннокентій допущенъ былъ 13 іюня 1899 г. до магистерскаго коллоквиума. Коллоквиумъ почтилъ своимъ присутствіемъ Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Казанскій и Свіязскій, и мн. др. высоко-

поставленные лица. Въ своей рѣчи предъ защитой диссертациі о. архимандритъ остановилъ вниманіе присутствовавшихъ на постепенномъ видоизмѣненіи анахоретства и отшельничества въ великосхимничество. Сказавъ о томъ, какъ святые отцы Церкви, руководясь правилами 6 вселенскаго и друг. соборовъ упорядочивали внутреннюю жизнь общежительнаго и уединеннаго монашества, какъ подъ вліяніемъ этихъ правилъ усложнялся чинъ постриженія въ монашество и какъ этотъ чинъ въ IX в. раздвоился на малую схиму и великосхимничество, архимандритъ Иннокентій провель, наконецъ, тѣ мысли, что основу чинослѣдованія дали иноческіе уставы св. Макарія Египетскаго, св. Пахомія и св. Василия Великаго. Предпославъ нѣсколько лестныхъ для диспутанта отзывовъ о содержаніи и характерѣ его труда, оппоненты сдѣлали нѣсколько возраженій, на которыя о. архимандритомъ представлены надлежащія объясненія, обнаружившія въ немъ какъ богатая богословскія познанія, такъ и достаточную эрудицію. Защита диссертациі была признана вполне удовлетворительной и, согласно ходатайству Совѣта Академіи, архимандритъ Иннокентій былъ утвержденъ Святѣйшимъ Синодомъ (отъ 6 іюля 1899 г.) въ степени магистра богословія ¹⁾.

Ревностное исполненіе архимандритомъ Иннокентіемъ всѣхъ возложенныхъ на него должностей и порученій, а также и его личныя достоинства, его педагогическій талантъ—обратили на него вниманіе высшаго начальства и снискали ему въ обществѣ любовь и глубокое уваженіе. Награжденный орденомъ св. Анны 2 степ., онъ въ 1899 г. удостоился, наконецъ, и почести высшаго званія—епископскаго. 2-го іюля 1899 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о бытіи архимандриту Иннокентію епископомъ Сумскимъ, викаріемъ Харьковской епархіи. Нареченіе его во епископа Сумскаго происходило въ зданіи Святѣйшаго Синода 29 іюля. Нареченіе совершалъ Высокопреосвященный Антоній, митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій, бывшій наставникъ и начальникъ о. архимандрита Иннокентія по Казанской Духовн. Академіи,—съ присутство-

¹⁾ Отчетъ о состояніи Казанской Духовн. Академіи за 1898—1899 учебн. г. Казань 1899 г., стр. 27. Правосл. Собесѣдн. изд. Каз. Дух. Академ. 1900 г., ч. I.

вавшими въ Святѣйшемъ Синодѣ епископами Гуріемъ (нынѣ Архіепископъ Новгородскій и Старорусскій) и епископомъ Маркелломъ. При нареченіи архимандритъ Иннокентій произнесъ рѣчь, въ которой прекрасно указалъ на трудности епископскаго служенія въ настоящее время. Онъ, между прочимъ, говорилъ: „Не грозятъ Церкви“ теперь „враги внѣшніе, за то растутъ и усиливаются враги внутренніе... Громче, увлекательнѣе гѣлоса православнаго пастыря раздаются иногда вопли другихъ ученій, зазывающіе паству на инья пажити. Тамъ звучитъ многшумный органъ, увлекающій въ сѣти латинства; въ другомъ мѣстѣ дѣйствуетъ тайный призывъ въ тѣсную семью штунды, призывъ, ласкающій обманомъ простоты вѣры и обрядовъ; индѣ—скрытое увѣщаніе къ переходу въ яко-бы древлее благочестіе, укрывающееся въ самочинныхъ сходбищахъ съ самозванной іерархіей, а здѣсь ведутъ овецъ пажити Христовой къ кладенцамъ сокрушеннымъ человѣческихъ мудрованій о предметахъ вѣры и нравственности... Мнѣ судилъ Господь, говоритъ далѣе архим. Иннокентій, 4 года служить въ краѣ, гдѣ храмъ и костель—сосѣди, видѣть и убѣдиться, какъ... воинствующій костель обуреждаетъ многострадальную православную Церковь, какъ умѣетъ онъ, точно ядовитый паукъ, широко раскинувшій сѣти, искусно и хитро захватывать въ нихъ чадъ Церкви—довелось убѣдиться, какъ много потребно отъ предстоятеля паствы силы ума, воли, почина, предусмотрительности и осторожности, чтобы зорко стоять на стражѣ опасности“... Въ заключеніе своей рѣчи онъ между прочимъ, высказалъ, что „въ притрепетномъ и смущенномъ состояніи духа“ служить для него отрадой сознаніе, что онъ становится помощникомъ такого великаго архипастыря, какимъ былъ нашъ почившій святитель Амвросій ¹⁾). Хиротонія архимандрита Иннокентія во епископа Сумскаго была совершена 1-го августа въ Исакіевскомъ соборѣ. Рукоположеніе совершали: Высокопреосвященный Митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій Антоній, преосвященный епископъ

¹⁾ Эта рѣчь въ полномъ ея видѣ напечатана въ прибавленіяхъ къ Церковн. Вѣд., изд. при Св. Синодѣ за 1899 г., стр. 1272—1273 и въ вышеупомянутомъ собраніи проповѣдей Преосвященнаго Иннокентія, стр. 241—245.

Гурій, преосвященный Борисъ, епископъ Ямбургскій († 1901 г.) и преосвященный епископъ Нарвскій Никонъ (нынѣ епископъ Вятскій и Слободскій) въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. Въ Харьковъ, къ мѣсту своего новаго жительства, Преосвященный Иннокентій прибылъ 11 августа 1899 г., а 15 августа совершилъ первую литургію въ Харьковскомъ Каѳедральномъ соборѣ.

Съ назначеніемъ во епископа Сумскаго, викарія Харьковской епархіи, для Преосвященнаго начинается новый періодъ его дѣятельности. Харьковская епархія, обширная по своимъ размѣрамъ, потребовала отъ него прежде всего особенной энергіи въ борьбѣ съ различными сектантами. Въ Харьковской епархіи встрѣчаются села, гдѣ почти половина населенія заражены этими болѣзнями. Особенно сектанство пустило глубокіе корни въ Сумскомъ уѣздѣ, гдѣ однимъ изъ главныхъ пропагандистовъ лжеученія гр. Л. Толстаго былъ извѣстный кн. Д. А. Хилковъ. Живо интересуясь дѣлами миссіи, Преосвященный Иннокентій, не упускалъ ни одного случая для ближайшаго ознакомленія съ состояніемъ сектантства въ епархіи, собиралъ свѣдѣнія отъ мѣстнаго духовенства, предпринималъ нарочитыя поѣздки въ зараженныя сектантствомъ мѣста и затѣмъ представлялъ свои соображенія на благоусмотрѣніе Высокопреосвященнаго Амвросія.

Знакомясь, такъ сказать, на мѣстѣ съ положеніемъ сектантства въ епархіи, Преосвященный Иннокентій пользовался этими поѣздками кромѣ того и какъ прекраснымъ средствомъ для ознакомленія вообще съ состояніемъ Харьковской паствы въ религіозно-нравственномъ отношеніи.

Трудясь на пользу Харьковской епархіи, подъ непосредственнымъ руководствомъ почившаго Архіепископа Амвросія, пользуясь его любовію и довѣріемъ, Преосвященный Иннокентій не менѣе дѣятельное участіе принималъ и въ дѣлахъ по управленію Куряжскимъ монастыремъ, въ которомъ состоялъ настоятелемъ.—Расположенный въ шести верстахъ отъ г. Харькова, въ прекрасной мѣстности, этотъ монастырь бываетъ въ лѣтнее время посѣщаемъ многочисленными богомольцами. Какъ настоятель монастыря, Преосвященный Иннокентій прилагалъ

всѣ усилія, прежде всего, къ благоукрашенію обители. Преосвященнымъ были изысканы необходимыя средства—до 20-ти тысячъ рублей—на благоукрашеніе внутри и благоустройство извнѣ монастырскаго храма Спасо-Преображенскаго. Его же заботами были возведены многія монастырскія постройки, а раннѣйшимъ постройкамъ приданъ новый видъ. Въ то же время Преосвященнымъ былъ поднятъ и религіозно-нравственный духъ обитателей этого монастыря. Не забыты были Преосвященнымъ въ бытность его епископомъ Сумскимъ, и любимы имъ церковно-приходскія школы. Представляя Владыкѣ Амвросію свои соображенія о необходимости открытія въ Сумскомъ уѣздѣ новыхъ школъ, заботясь вообще о преусиленіи школьнаго дѣла, Преосвященный неоднократно присутствовалъ при открытіи этихъ школъ и всегда при этомъ обращался къ слушателямъ съ архиастырскимъ наставленіемъ.

Мы не станемъ много распространяться о благоговѣйномъ совершеніи Преосвященнымъ богослуженій и въ особенности объ умиленномъ чтеніи имъ акаѳистовъ Божіей Матери въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ.—Его богослуженія и чтенія акаѳистовъ всегда собирали въ храмъ тысячи молящихся. Слава Преосвященнаго Иннокентія въ Харьковѣ, какъ благоговѣйнаго совершителя церковныхъ богослуженій, была по истинѣ велика.

Не мало потрудился Преосвященный и на литературномъ и въ особенности на проповѣдническомъ поприщѣ ¹⁾. Его перу принадлежатъ экзегетическій очеркъ *книга Руевъ*, помѣщенный въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ ²⁾. Въ этомъ же журналѣ Владыка неоднократно помѣщалъ, какъ сказано выше, и свои слова и рѣчи ³⁾.

Со смертью Высокопреосвященнаго Амвросія, Преосвященный Иннокентій, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода,

¹⁾ Библиографическая замѣтка о словахъ и рѣчахъ Преосвященнаго Иннокентія, изданныхъ въ минувшемъ году отдѣльнымъ томомъ, сдѣлана нами въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“, № 21, за 1901 г., стр. 625—636.

²⁾ 1900 г., № 6, стр. 315—334 и № 7, стр. 371—384.

³⁾ Наприм., 1900 г., стр. 63—71; кн. 18, I—VIII; 1901 г., стр. 107—110; кн. 9, I—VI; 387—396; кн. 22, I—IV.

вступилъ во временное управленіе Харьковскою епархією и съ честію выполнялъ эту нелегкую задачу до прибытія въ Харьковъ Высокопреосвященнаго Флавіана. Нельзя при этомъ пройти молчаніемъ того такта и своевременнаго распоряженія, какія были обнаружены Преосвященнымъ Иннокентіемъ въ сентябрѣ минувшаго года, когда въ епархіи произошелъ всѣмъ извѣстный инцидентъ въ сл. Павловкахъ, Сумскаго уѣзда ¹⁾. Получивъ прискорбное извѣстіе о случившемся, Преосвященный первый немедленно телеграфировалъ о происшествіи Г. Оберъ Прокурору Святѣйшаго Синода, К. П. Побѣдоносцеву; и затѣмъ—назначилъ тщательное слѣдствіе, которое было подробно доложено имъ Св. Синоду. Преосвященнымъ были затѣмъ приняты возможныя съ его стороны мѣры къ предупрежденію подобныхъ явленій.

Пользуясь общимъ расположеніемъ духовенства и паствы, Преосвященный Иннокентій удостоился за свои труды и Высочайшей награды.—Въ 1900 г. ему пожалованъ былъ орденъ Св. Владиміра 3 степени. Въ декабрѣ же минувшаго года онъ назначенъ, какъ сказано, быть первымъ Высокопреосвященнаго Митрополита Антонія помощникомъ по управленію С.-Петербургской епархіей въ званіи епископа Нарвскаго.

Въ заключеніе скажемъ нѣскольکو словъ о прощаніи Харьковцевъ съ Преосвященнымъ Иннокентіемъ. Въ этомъ прощаніи приняли живѣйшее участіе представители разныхъ слоевъ общества. Здѣсь ясно высказалось, съ одной стороны, то, какъ высоко цѣнили духовенство и горожане своего, оставлявшаго ихъ, энергичнаго и талантливаго Преосвященнаго, а съ другой—то, какъ дорожилъ самъ Преосвященный Иннокентій своими добрыми отношеніями съ сопастырями и пасомыми.

¹⁾ Правда и живо этотъ случай описанъ, между проч., извѣстнымъ Харьковскимъ Епархіальнымъ миссіонеромъ Д. И. Боголюбовымъ въ „Мис. Обзор.“ за 1901 г., окт. кн., 486—489 стр.

Сдѣлавъ прощальные визиты въ нѣкоторыя учебныя заведенія, Преосвященный 23 декабря прощался съ братіею Куряжскаго монастыря. Братіею монастыря, во главѣ съ о. казначеемъ, іеромонахомъ Арсеніемъ, Преосвященному поднесена была въ молитвенное воспоминаніе икона Озерянской Божіей Матери въ дорогомъ окладѣ и были высказаны самыя лучшія пожеланія. На 26 декабря было назначено Преосвященнымъ послѣднее служеніе его въ Харьковѣ. Въ этотъ день, въ концѣ литургіи, онъ обратился къ переполнявшимъ Каѳедральный Соборъ молящимся со слѣдующимъ прекраснымъ словомъ:

„Дѣва днесъ Пресущественнаго рождаетъ...
Ангеля съ пастырьми славословять.

(Кондакъ праздника).

Этими словами церковной пѣсни опредѣляется время, переживаемое нынѣ Церковію. Она ликуетъ и празднуетъ великій день въ жизни своей—рожденія и явленія на землю Господа во плоти. Новорожденнымъ младенцемъ вступаетъ въ міръ Имѣющій подъять грѣхи всего міра. Безначальный отъ вѣковъ получаетъ жизнь и начало въ матерней утробѣ Приснодѣвы. Предвѣчный Богъ—Слово становится плотію, зовется „отроча млеко“. Единосущный Отцу рождается на землѣ, полагается въ ясляхъ и повивается пеленами. Сошелъ къ намъ въ міръ, на землю, по неложному обѣтованію Своему, Творецъ земли, Спаситель міра, Искупитель человѣчества. Вотъ откуда—ликваніе Церкви, этотъ радостный кликъ ея: *Дѣва днесъ Пресущественнаго рождаетъ.*

Но посмотрите, въ какомъ смиреніи и убожествѣ, въ какой скромности и простотѣ совершается это великое чудо любви Божіей къ человѣку. Ему, этому таинству безсѣменнаго рожденія, суждено стать началомъ вѣковъ въ счисленіи человѣческомъ, основой возрожденія людей и спасенія ихъ, краеугольнымъ камнемъ ихъ новой жизни,—и тѣмъ не менѣе, совершается это чудо не при шумныхъ восторгахъ, а въ безмолвіи и тишинѣ, не среди многолюдства окружающихъ, а

при свидѣтельствѣ лишь немногихъ, не въ пышной обстановкѣ, а среди нищеты и бѣдности: убогая пещера, ясли съ сѣномъ, недалеко пасущійся скотъ съ своими пастухами, темнота и тишина глубокой восточной ночи... Кто могъ бы думать, что въ эту ночь и въ этой пещерѣ совершится не только чудо Божія милосердія, но и великое чудо всей жизни народовъ и исторіи ихъ? Кто могъ бы заранѣе знать, что среди мрака ночи, въ неизвѣстномъ мѣстѣ воссіяетъ свѣтъ во откровеніе всего рода человѣческаго? Лишь ангелы Божіи возвѣстили о немъ, нарушивъ безмолвіе ночи и удививши своимъ пѣніемъ пастуховъ:—*„Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ“*... пѣли они, слетая къ убогой пещерѣ,—да среди сонма прочихъ звѣздъ, этихъ лампадъ ночныхъ,—ярче другихъ блистала особая звѣзда съ востока. Она вела за собой тогдашнихъ наблюдателей неба—волхвовъ Египта, изумленныхъ необычайностью блеска звѣзды и опредѣленностью ея движенія въ направленіи все къ той же пещерѣ съ *Предвѣчнымъ Младенцемъ*.

Вотъ вся торжественность момента и обстановки рожденія Сына Божія, тихая, скромная, ограниченная мѣстомъ пустыннымъ, полями и пастбищами для скота. И не люди первые привѣтствовали Его, хотя и совершалось оно для людей, а то же небо. Воля Господня, пославшая на землю Единороднаго Сына Божія, послала и вѣстниковъ Его сошествія и воплощенія. Вдохновленные голосами ангеловъ, пастухи начали, подражая имъ, прославлять благодать Божію, а къ нимъ откуда то издалека, увлекаемые движеніемъ звѣзды, тянулись медленно волхвы востока.

А между тѣмъ, въ пещерѣ, среди этого смиренія и убожества, дѣялась великая тайна жизни народовъ: Богъ явился во плоти. Снизшла на землю сама Божественная любовь съ ея милосердіемъ и прощеніемъ. Божіе слово поселилось среди людей. Слава Единороднаго Сына Божія оказалась среди ихъ, полнота благодати Божіей, всемогущества Божія, милости и истины Его сошла къ людямъ и пожила съ ними. Начался великій актъ жизни Христа на землѣ и начала христіанства.

Святое Евангеліе повѣдало намъ, какъ родившимся Хри-

стомъ устроилось спасеніе людей, какъ полагались Имъ новыя времена и лѣта жизни народовъ. Изъ него мы знаемъ, что Онъ, Господь нашъ, ходилъ и училъ, исцѣлялъ и благоотворилъ, милосердовалъ и прощалъ, насыщалъ тысячи алчущихъ, утѣшалъ страждущихъ, воскрешалъ мертвыхъ. Оно сказала намъ далѣе, какъ Онъ, по исполненіи временъ, долженъ былъ претерпѣть вольныя страданія и претерпѣлъ ихъ, умеръ, будучи распятъ, и воскресъ, являлся ученикамъ по воскресеніи и вознесся на небо, пославъ имъ Духа—Утѣшителя. Исторія сохранила до насъ и слѣдующія времена жизни поваго ученія. Она подробно сообщила намъ, какъ св. апостолы разнесли сѣмена Христова ученія по всѣмъ народамъ, какъ и при страданіяхъ и гоненіяхъ они неустанно и мужественно шли съ проповѣдью о Христѣ, родившемся, учившемъ, страдавшемъ и воскресшемъ. Она, эта историческая нить разказа, повѣствуетъ далѣе, что кровью мучениковъ поливались эти первые всходы сѣмянъ христіанскаго ученія, что сонмы страстотерпцевъ и страдальцевъ воздвигла сила Господня въ защиту первыхъ христіанскихъ обществъ, чтобы не умирало, а расширялось это дѣло Божіе. Прошли съ тѣхъ поръ тысячелѣтія; міръ позналъ Христа и увѣровалъ въ Него. На Его ученіи онъ основалъ свои законы и правила общежитія, заповѣдями Христа онъ перестроилъ свои нравы и понятія, ими обновилъ и улучшилъ свою общественную и частную жизнь. Изъ этого Божественнаго источника онъ и нынѣ почерпаетъ силы для своего развѣтвля, усовершенствованія во всѣхъ областяхъ жизни, начиная, разумѣется, съ своего духа и его настроеній. Теперь мы убѣждены и знаемъ, что только Христосъ—наша сила, Богъ и Господь, что въ Его ученіи—указанъ намъ путь жизни, что въ Немъ—истина, и другой нѣтъ, что въ Его таинствахъ—залогъ здоровья нашей духовной и тѣлесной природы, что только въ Церкви, Имъ основанной,—наше спасеніе. Нѣтъ иныхъ началъ для жизни, кромѣ христіанскихъ, какъ нельзя думать объ исполненіи этихъ началъ, не любя въ то же время Творца ихъ—Иисуса Христа и не стремясь къ Нему всѣми силами души человѣческой.

Вотъ почему св. Церковь вмѣстѣ съ нами такъ радостно привѣтствуетъ рожденіе Христа во плоти, ибо это рожденіе—есть начало христіанскаго ученія, начало нашей вѣры, нашего упованія на милость и любовь Божію, начало нашего спасенія, оправданія и жизни вѣчной. Какъ же не радоваться и намъ вмѣстѣ съ Церковью обрѣтенію столь великихъ, истинныхъ и неизмѣнныхъ благъ Божественныхъ, принесенныхъ на землю самимъ Сыномъ Божіимъ?

Ангелы съ пастырѣми славословятъ... Небо ликуетъ и земля съ челоѣвки веселится, мы же непрестанно вопіемъ: слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ. Такъ изображаетъ эту радость пѣснь церковная.

Въ продолженіе 2-хъ слишкомъ лѣтъ, съ этимъ сонмомъ сослужителей, въ этомъ храмѣ, среди этихъ величественныхъ стѣнъ я, недостойный преемникъ св. апостоловъ, славилъ Христа родшагося, благодарилъ Его распятаго, превозносилъ Его воскресшаго и поклонялся Ему вознесшемуся. Но нынѣ долженъ прервать и окончить это славословіе Господу здѣсь и идти отъ васъ, возлюбленные, въ иную область и страну все для того же служенія Ему, Богу моему, къ которому поставленъ Его благодатію. Воля Божія свела на землю Сына Божія, воля Божія положила ему вольныя страданія и воскресеніе... воля Божія привела и меня, недостойнаго, къ вамъ, она же и ведетъ меня на дальнѣйшее мое служеніе. Не желалъ бы я, ради святыхъ дней радости о родившемся Господѣ, омрачать настроеній вашихъ разлукою со мною. Объ одномъ прошу и молю: съ миромъ пришелъ я къ вамъ, въ этотъ первый городъ моего епископскаго служенія, съ миромъ и благословеніемъ и отпустите меня въ дальнѣйшій путь. И св. апостолы не подолгу оставались со своими учениками, а, по довольномъ времени научивъ ихъ, уходили отъ нихъ, напутствованные ихъ благословеніемъ и молитвами. И я прошу у всѣхъ васъ себѣ на предстоящій путь благословенія и молитвы. Благодарю за любовь вашу, коей окружали вы мое пастырское дѣланіе. Вамъ же да будетъ утѣшителемъ Христосъ,

насъ ради родившійся и во яслѣхъ возлегиий нашего ради спасенія. Воспоемъ Ему и въ этой разлукѣ нашей, вмѣстѣ съ небожителями: слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ въ челоустныхъ благоволеніе. Аминь“.

Слово это произвело неизгладимое впечатлѣніе на слушателей,—многіе при послѣднихъ словахъ Преосвященнаго не могли удержаться отъ слезъ. По окончаніи Божественной литургіи происходило прощаніе его съ причтомъ Каедральнаго Собора, горожанами и городскими старостами. Отъ лица соборнаго причта произнесъ прочувствованную рѣчь заслуженный каедральный протоіерей, первенствующій членъ Харьк. Дух. Консистеріи С. Любичкій и просилъ его принять „въ знакъ искренней любви и преданности“ икону Елецкой Божіей Матери. Сдѣлавъ земной поклонъ св. иконѣ, Преосвященный принялъ ее въ молитвенную память. Отъ горожанъ и городскихъ старостъ во главѣ съ соборнымъ старостой Кон. П. Уткинымъ подвесена была цѣнная панагія, при чемъ Преосвященный былъ напутствованъ слѣдующей рѣчью:

„Ваше Преосвященство, Преосвященнѣйшій Владыка!

Граждане города Харькова поручили мнѣ поднести Вашему Преосвященству панагію съ изображеніемъ Знаменія Божіей Матери, какъ символъ архіерейскаго сана. Просимъ Васъ, Ваше Преосвященство, принять подношеніе въ знакъ нашей къ вамъ благодарности за благолѣпное Ваше служеніе въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ въ Харьковской епархіи. Исполняя возложенное на мевя порученіе, я польщенъ тѣмъ, что такая честь выпала мнѣ на долю. Но въ то же время я испытываю и большое сожалѣніе оттого, что расстаюсь съ вами. Вамъ суждено было многократно служить въ святомъ храмѣ семъ, а мнѣ, по обязанности, присутствовать и наслаждаться вашимъ благолѣпнымъ служеніемъ. Въ настоящее время Вы, по волѣ Божіей, назначены на новую каедру. Желаемъ Вамъ благополучнаго путешествія, да хранитъ Васъ Господь во всѣхъ путяхъ вашихъ. За все ваше къ намъ благо-

воленіе приносимъ Вамъ низкій поклонъ и просимъ Васъ, Ваше Преосвященство, не забывать насъ въ своихъ святыхъ молитвахъ“.

Облобызавъ пречистый образъ Богородицы, Преосвященный возложилъ его на себя и въ краткой, но глубокопрочувствованной рѣчи, благодарилъ старость и горожанъ за ту любовь и признательность, какую они явили въ отношеніи къ нему. Затѣмъ послѣ многолѣтія, онъ отбылъ въ свои покои. Къ этому времени, въ его покояхъ собрались семинарская корпорація, во главѣ съ о. ректоромъ семинаріи, прот. І. П. Знаменскимъ и многіе изъ представителей Харьковскаго высшаго общества. Выслушавъ привѣтственную рѣчь отъ о. ректора семинаріи, Его Преосвященство милостиво обратился къ членамъ корпораціи, высказалъ свою радость по поводу прекрасной постановки учебнаго и воспитательнаго дѣла въ Харьковской Духовной Семинаріи и затѣмъ каждого благословилъ и облобызалъ.

Отъѣздъ Его Преосвященства изъ Харькова въ С.-Петербургъ, къ мѣсту своего новаго служенія, назначенъ былъ Преосвященнымъ на 27 декабря. Въ этотъ же день онъ принималъ городское духовенство, поднесшее ему на прощаніе икону Господа Вседержителя въ сребро-позлащенной изящной ризѣ. Принявъ св. икону, Преосвященный благодарилъ духовенство и пожелалъ ему въ будущемъ еще съ большимъ успѣхомъ бороться съ врагами Церкви и вообще быть на высотѣ своего призванія. Кромѣ этого, Преосвященный принялъ поднесенную ему икону Божіей Матери въ драгоценномъ окладѣ и прекрасномъ футлярѣ отъ лицъ, занимающихъ видныя общественныя положенія въ г. Харьковѣ,—отъ своихъ земляковъ. Были и другія подношенія ему отъ искренно уважавшихъ его жителей г. Харькова.

Съ вечернимъ поѣздомъ Преосвященный Иннокентій отбылъ въ С.-Петербургъ. Ко времени отхода поѣзда въ парадныхъ комнатахъ вокзала собрались: высшее духовенство Харьковской епархіи, представители Харьковскихъ гражданъ и учебныхъ заведеній, много высокопоставленныхъ лицъ различныхъ вѣдомствъ и искренніе почитатели Преосвященнаго.

Не много спустя послѣ прибытія на вокзалъ Преосвящен-

наго Иннокентія, сюда же для проводовъ прибылъ и Харьковскій Архипастырь, Членъ Святѣйшаго Синода, Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ. Послѣ встрѣчи Его Высокопреосвященства, протодіакономъ кафедральнаго собора В. Вербицкимъ было провозглашено многолѣтіе отъѣзжавшему Преосвященному Иннокентію, епископу Нарвскому. Архіерейскій хоръ и присутствовавшія при проводахъ лица пропѣли ему нѣсколько разъ „многая лѣта“. Простившись затѣмъ со всѣми провожавшими, Преосвященный Иннокентій направился въ специально приготовленное для него въ вагонѣ купѣ и въ 7 ч. 40 мин. вечера отбылъ въ Петербургъ, напутствуемый самыми благими пожеланіями со стороны многочисленной публики, переполнявшей дебаркадеръ.

Леонидъ Багрецовъ.

ЭТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НОВѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ЕГО ИСТОРИЯ И УЧЕНИЕ.

I.

Реакція противъ анархіи духа.

Современный анархизмъ духа, котораго генесисъ и выдающіяся проявленія съ такъ называемой „философіей“ Ницше во главѣ я старался представить въ трудѣ: „Современная анархія души и ея философъ Фридрихъ Ницше“¹⁾, до такой степени подкапываетъ правильное развитіе какъ индивидуальныхъ людей, такъ и цѣлыхъ обществъ, что реакція противъ него должна была наступить раньше или позже. Поэтому на всѣхъ поприщахъ жизни, практической и умственной, вновь пробуждаются временно приостановленныя положительныя стремленія и противодѣйствуютъ энергично этимъ отрицательнымъ стремленіямъ, разстраивающимъ самые драгоценныя подвиги цивилизаціи и нравственнаго развитія человѣчества. Совмѣстно съ дѣятельностью правительствъ на этомъ поприщѣ, стремящихся устранить ужасающія проявленія кровожадныхъ инстинктовъ анархизма, духовенство всѣхъ странъ принимаетъ живое участіе въ борьбѣ съ этимъ зломъ и при помощи нравственныхъ вліяній, которыми оно пользуется, поддерживаетъ религіозное чувство и вѣру, какъ въ народѣ, такъ и въ высшихъ сословіяхъ общества, надѣясь, что своимъ оживо-

¹⁾ См. ж. „В. и Р.“ 1900 г. № 3, 4 и 5.

творяющимъ вліаніемъ на умы, ему удастся преодолѣть скептическое невѣріе и атеизмъ, какъ главную причину зла. Съ другой стороны и противники вѣры, отрицающіе возможность подавленія анархизма какимъ либо внѣшнимъ авторитетомъ, требуютъ, чтобы общество самостоятельно исцѣлилось отъ своихъ нравственныхъ недуговъ; они слѣдовательно ищутъ спасенія въ общественной самопомощи, именно въ образованіи возможно большаго числа этическихъ обществъ, имѣющихъ въ виду подъемъ нравственности своихъ членовъ. Далѣе, воспитатели, родители и путеводители молодежи, все глубже и глубже изучаютъ вопросъ, какъ слѣдуетъ въ подрастающемъ поколѣніи выработать прежде всего твердый нравственный характеръ, безъ котораго и самое богатое знаніе не противодействуетъ злу, но напротивъ, становится лишь новымъ средствомъ къ удовлетворенію произвольныхъ влеченій. Даже наука, имѣющая въ виду истину ради истины, слѣдовательно свободная отъ морализующихъ тенденцій, значительно подкрѣпила въ послѣднее время реакцію противъ отрицательныхъ стремленій, доказывая всю поверхность матеріализма, который въ своемъ примѣненіи къ жизни главнымъ образомъ вызвалъ анархическое востроеніе умовъ. Само по себѣ разумѣется, что реакція, о которой мы говоримъ, принимая самыя разнообразныя формы, сама очень часто сворачиваетъ съ прямого пути правильнаго прогресса къ лучшему. Этотъ путь, какъ извѣстно, не есть широкая дорога, по которой вожаки толпы, вмѣстѣ со своими приверженцами, могли бы безпрепятственно опережать, другъ друга въ бѣгѣ къ далекой цѣли—общественнаго блага. Напротивъ, это путь узкій, весьма узкій, похожій на перекладину, ведущую черезъ пропасть, которая съ обѣихъ сторонъ угрожаетъ путнику. Путь можно пройти лишь по одиночкѣ, подавая другъ другу руку; для противняковъ тутъ мѣста нѣтъ. Если же они борются другъ съ другомъ, то одинъ стремится низвергнуть въ пропасть другого, и часто оба въ нее падаютъ.

Такой печальный конецъ часто случается съ борющимися съ анархіей изъ-за общественныхъ благъ. Одни насильно перетягиваютъ противника къ себѣ; но не будучи въ состояніи

удержаться на узкой перекладинѣ истины, они вмѣстѣ съ нимъ сваливаются, правда, на свою сторону, которую они называютъ правою, но это не уменьшаетъ грозныхъ послѣдствій паденія и не приводитъ къ цѣли. Другіе приближаются къ противнику съ его собственной, лѣвой стороны; они желали-бы бросить его внизъ, оставаясь на мѣстѣ; между тѣмъ онъ ихъ въ рѣшительный моментъ хватаетъ за полы и вмѣстѣ съ собою тянетъ въ пропасть. Выйти изъ такой борьбы безъ поврежденія, удержать равновѣсіе, не уступить ни на шагъ съ занятого поста, и все таки побѣдить,—это задача весьма трудная, почти сверхчеловѣческая. Не смотря на все это—отъ этой цѣли отречься нельзя, но слѣдуетъ стремиться къ ней неизмѣнно, такъ какъ этого требуетъ истина, отъ которой мы не имѣемъ права отступать—ни направо, ни налево.

Среди упомянутыхъ многочисленныхъ проявленій реакцій противъ анархіи, мы въ настоящее время желаемъ обратить вниманіе на одно изъ нихъ, весьма важное, какъ по поводу обширной сферы его дѣятельности, такъ и вслѣдствіе началъ, которыми оно руководится. Я имѣю въ виду явленіе, указанное мною выше и состоящее въ общественной самопомощи противъ анархіи. Представители этой самопомощи убѣждены въ томъ, что положительныя начала человѣческаго развитія можно спасти единственно на основаніи подъема нравственности самыхъ широкихъ слоевъ общества, на основаніи такъ называемой *этической культуры*. По этому, именно, направленію они широко развили свою общественную дѣятельность, съ необычайною энергіей и настойчивостью, вызывая сперва въ Америкѣ, а затѣмъ въ Англій, Германіи, Австріи, Италіи и Швейцаріи весьма сильное движеніе, сегодня уже общеизвѣстное, подъ названіемъ *этическаго движенія въ пользу нравственной культуры* обществъ (Ethical movement, ethical culture). Объ этомъ-то этическомъ движеніи мы желаемъ въ настоящей статьѣ дать отчетъ, слѣдовательно отмѣтить въ общихъ чертахъ его зачатки и развитіе, представить его основныя начала и подвергнуть ихъ разбору во имя общей съ представителями этого движенія, возвышенной цѣли: спасенія человѣчества отъ грозныхъ послѣдствій анархіи духа.

Къ самымъ важнымъ проявленіямъ этого движенія на поприщѣ литературы слѣдуетъ причислить слѣдующія книги: *Юрія Гижницкаго*: „Grundzüge der Moral“, Лейпцигъ, 1883; *И. Каруса*: „The ethical problem“, Чикаго, 1890; *М. Браша*: „Die Ziele der ethischen Bewegung“, Лейпцигъ, 1893, и *В. Л. Шельдона*: „An ethical movement“, Лондонъ, 1896. Эти книги довольно подробно представляютъ какъ начало, такъ и постепенное развитіе этического движенія; слѣдовательно, что касается фактическихъ данныхъ, мы ихъ можемъ принимать, дополняя ихъ однако, ради полноты, данными, почерпаемыми изъ работъ другихъ представителей этого направленія.

II.

Начало и развитіе этического движенія.

ЭТИЧЕСКІЯ ОБЩЕСТВА.

Уже издавна раздаются, все болѣе и болѣе усиливаясь, жалобы на увлеченіе матеріализмомъ широкихъ слоевъ общества и на вытекающую отсюда почти всеобщую деморализацію. Притомъ, эти жалобы раздавались и раздаются не изъ одного только консервативнаго лагеря, негодующаго на паденіе столькихъ прекрасныхъ традицій, столькихъ идеальныхъ вѣрованій, поддерживающихъ нравственную энергію въ народѣ, въ молодежи, во всѣхъ, имѣющихъ въ виду истинное благо общества. Въмѣстѣ съ консерваторами и представители либерализма разныхъ оттѣнковъ, не исключая крайнихъ либераловъ, негодуютъ въ послѣднее время на значительное пониженіе нравственнаго уровня большинства людей, не смотря на выдающіеся успѣхи на поприщѣ науки, промышленности и техники. Основательность этихъ жалобъ подтверждалась на каждомъ шагу, какъ фактами ежедневной жизни, такъ и тщательными изслѣдованія нравственной статистики. Возрастающій значительный процентъ всякаго рода преступленій сравнительно съ числомъ населенія; гораздо болѣе, сравнительно съ прошлымъ, процентъ самоубійствъ; далѣе одичаніе нравовъ, вкрадывающееся даже въ парламентарныя корпораціи, какъ пред-

ставителей народа; капиталистическія Панама почти во всѣхъ странахъ, наконецъ, мерзкія убійства анархистовъ, вотъ, къ сожалѣнію, данныя, передъ которыми даже самые прогрессивныя умы надолго не могли закрыть глазъ.

Всѣ эти печальные и часто въ высшей степени возмутительные факты обнаружили всю поверхностность и ошибочность стариннаго принципа поборниковъ прогресса, будто-бы знаніе и добро въ сущности одно и то же, будто-бы просвѣщеніе само по себѣ увеличиваетъ подъемъ нравственности народа. Просвѣщеніе, въ этомъ нельзя было сомнѣваться, расширилось среди народовъ; училища распространяли знаніе, вносили его въ самые отдаленные уголки цивилизованнаго міра; число неграмотныхъ вездѣ уменьшалось съ каждымъ годомъ; число журналовъ и ихъ читателей возрастало непрерывно. А все-таки, нравственность не шла въ уровнѣ съ этимъ прогрессомъ просвѣщенія! Напротивъ, не смотря на распространеніе просвѣщенія, нравственность падала ужасающимъ образомъ. Это должно было привести къ размышленію и тѣхъ, которые со знаменемъ просвѣщенія въ рукѣ были убѣждены въ томъ, что ведутъ человѣчество по пути къ земному раю, къ высшему, доступному для человѣка совершенству.

Оказалось, что это былъ обманчивый лозунгъ, что просвѣщеніе само по себѣ недостаточно для достиженія указанной цѣли. Оно имѣетъ безъ всякаго сомнѣнія громадное значеніе для умственной культуры человѣка. Но оно не можетъ быть отождествляемо съ этой культурой. Для ея надлежащаго развитія необходимо пополнить просвѣщеніе другими, не менѣе важными началами умственной жизни, а именно самостоятельными началами нравственнаго развитія. Слѣдовательно пришлось по необходимости искать другихъ лозунговъ, проложить новыя дороги прогресса. Нужно было разсмотрѣть нравственную проблему, какъ самостоятельную проблему, найти средства нравственнаго прогресса, вытекающія не изъ постороннихъ началъ, но изъ самой сущности нравственности, и примѣнить эти средства къ жизни.

Этотъ именно поворотъ наборниковъ прогресса къ само-бытнымъ факторамъ нравственности съ цѣлью способствовать

ихъ жизненному развитію,—составляетъ сущность того этического движенія, о которомъ мы говоримъ, той нравственной культуры, которую имѣетъ въ виду это движеніе.

Итакъ, рассмотримъ ближе зачатки и развитіе этого движенія.

Первые зачатки этого явленія относятся къ 1867 году и проявляются въ основанномъ *Ф. Э. Абботомъ* въ Сѣверной Америкѣ свободномъ религіозномъ обществѣ (Freereligion Assotiation). Это общество возникло среди секты унитаріянцевъ, противниковъ ученія о Св. Троицѣ. Преданные своимъ рационалистическимъ традиціямъ, на основаніи которыхъ они энергично выступали противъ ученія о Св. Троицѣ, и слѣдуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, примѣру ихъ извѣстнаго теолога *В. Э. Ченнинга* († 1842), американскіе унитаріянцы утверждали, что вѣра въ единого Бога есть гораздо болѣе могущественный факторъ подъема нравственности среди народа, чѣмъ обыкновенная догматическая вѣра христіанства. Желая доказать это мнѣніе, они именно основали это общество съ явною тенденціею къ жизненному выясненію взаимнаго отношенія религіи и нравственности. Первоначально руководители этого общества утверждали, что религія, рационально понимаемая, въ смыслѣ унитаріянцевъ, есть самое естественное основаніе нравственности. Вскорѣ однако въ этомъ же свободномъ религіозномъ обществѣ высказано было мнѣніе, что вѣра въ Бога, хотя-бы единого, вообще религія, вовсе не необходима для нравственности, что нравственность есть явленіе совершенно обособленное отъ религіи и можетъ развиваться самобытно безъ всякаго участія съ ея стороны. Мнѣніе это расходилось однако принципиально съ религіозною, во всякомъ случаѣ, традиціею секты, и по этому оно привело естественнымъ способомъ къ внутреннему разладу среди членовъ помянутаго общества.

Главнымъ поборникомъ принципа независимости нравственности отъ религіи былъ въ это время *Феликсъ Адлеръ*, лекторъ университета Корнелля, въ г. Итакѣ, штата Нью-Йоркъ. Характеръ этого университета, основаннаго въ 1868 г., былъ насквозь прогрессивный. Основатель этого университета, *Эзра Корнель*, поставилъ условіемъ, чтобы выборъ преподава-

телей былъ совершенно независимъ отъ ихъ политическихъ убѣжденій и религіозныхъ вѣрованій. Въ этомъ, именно, духѣ Адлеръ читалъ свои лекціи о необходимости распространенія нравственныхъ стремленій среди людей всѣхъ партій и всякихъ вѣрованій, слѣдовательно совершенно независимо отъ этихъ началъ, не имѣющихъ, по его мнѣнію, ничего общаго съ нравственностью. Когда онъ впослѣдствіи встрѣтилъ сочувствіе нѣкоторыхъ членовъ упомянутаго общества, но и негодованіе другихъ, онъ убѣдилъ своихъ друзей выступить изъ общества и основать новое, имѣющее цѣлью—распространять *этическую культуру* совершенно независимо отъ религій (Society for ethical culture). Первое такое общество возникло подъ руководствомъ Адлера въ Нью-Йоркѣ, въ 1875 году, съ ясно отмѣченнымъ стремленіемъ къ распространенію нравственности, независимой какъ отъ христіанской вѣры, такъ и вообще отъ всякой вѣры въ Бога.

Съ цѣлью доказать жизненность такъ понимаемой нравственности, Адлеръ, при содѣйствіи многочисленныхъ богатыхъ и вліятельныхъ приверженцевъ, развилъ обширную общественную дѣятельность этого перваго этическаго общества. Среди него начался прежде всего энергичный трудъ на поприщѣ благотворительности. Члены общества дѣйствовали какъ въ пользу реформы квартиръ для рабочихъ, такъ и въ пользу кормленія бѣдняковъ по домамъ, они основали училища и устроили сады для дѣтей низшихъ классовъ, далѣе, воскресныя училища, училища для будущихъ рабочихъ (Workingmens School), клубы, образовали общества взаимной помощи и содѣйствовали устройству многочисленныхъ благотворительныхъ заведеній. Кромѣ того, съ цѣлью совершеннаго упраздненія Церкви и удовлетворенія извѣстнымъ религіознымъ потребностямъ членовъ общества, они устроили утреннія лекціи по воскресеніямъ о предметахъ изъ предѣловъ этики. Эти лекціи, читаемыя преимущественно самимъ Адлеромъ, разъясняли разные этическіе вопросы съ выше указанной точки зрѣнія, возбуждали общественное чувство слушателей, поощряли ихъ къ благотворительности и къ добросовѣстному исполненію обязанностей; однимъ словомъ, онѣ принимали извѣстный характеръ этиче-

скаго богослуженія, замѣняя церковное богослуженіе, особенно же проповѣдь. Поэтому представители этого движенія часто говорили, что мѣсто предшествовавшей догматической религіи должна занять новая *этическая религія*, что клерикальную Церковь слѣдуетъ замѣнить *этической*.

По примѣру этического общества въ Нью-Йоркѣ и благодаря его вліянію въ Соединенныхъ Штатахъ возникъ цѣлый рядъ такихъ же обществъ и въ другихъ городахъ, среди которыхъ самое выдающееся мѣсто занимаютъ общества: въ Чикаго, основанное въ 1883 году, въ Филадельфіи въ 1884 году, въ Ст. Луи въ 1886 году и т. д. Изъ всѣхъ этихъ обществъ вскорѣ образовался общій союзъ этическихъ обществъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Съ цѣлью возможно широкой пропаганды, этическія общества позаботились и объ основаніи соотвѣтственныхъ періодическихъ изданій, распространяющихъ основы этического движенія среди обществъ. Прежде всего возникла въ Чикаго компанія издателей подъ названіемъ: „The open court publishing Company“. Члены публиковали работы въ обозначенномъ направленіи, объединяли ихъ въ возможно широкихъ размѣрахъ и содѣйствовали всему этому движенію при помощи двухъ журналовъ; „*The Open Court*“, съ 1887 года, еженедѣльнаго изданія, а затѣмъ ежемѣсячнаго, „посвященнаго научной религіи (religion of science)“ и „*The Monist*“, философскаго журнала, появляющагося 4 раза въ годъ, и издаваемаго съ 1890 года подъ редакціей упомянутаго выше П. Каруса. Затѣмъ, въ томъ же году въ Филадельфіи подъ руководствомъ С. Б. Уэстона начало появляться международное изданіе; „*International journal of Ethics*“, служащее до извѣстной степени оффиціальнымъ органомъ этическихъ обществъ.

Въ редакціонномъ комитетѣ этого изданія участвуютъ представители этической науки во всѣхъ странахъ, какъ напри- мѣръ, кромѣ Ф. Адлера: Г. Барцелогитти въ Неаполѣ, Альфрсъ Фулле въ Парижѣ, Х. Гейдинъ въ Копенгагенѣ, Фр. Лодль въ Прагѣ, Дус. Г. Мюрэдъ въ Лондонѣ и другіе. Всѣ они печатаютъ въ этомъ журналѣ работы, касающіяся этического движенія и тѣсно связанныхъ съ нимъ вопросовъ. Кромѣ того,

тутъ помѣщаютъ свои статьи и другіе извѣстные писатели на этомъ поприщѣ, какъ С. Александръ, Б. Бозанке, П. Карусъ, Стэнтонъ Койтъ, Д. Дж. Ритшиѳъ, Дус. Ройсъ, В. М. Сальтеръ, Дж. Сэсъ, В. Л. Шельдонъ, Г. Симмель, Л. Ф. Уордъ и много другихъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1895 г., упомянутый Сальтеръ, основатель этического общества въ Чикаго, основалъ въ этомъ городѣ популярный этический журналъ подъ заглавіемъ: „*The Cause*“. А съ начала 1900 года Парсиваль Чейббъ началъ въ Нью-Йоркѣ изданіе журнала подъ заглавіемъ: „*Ethical Record*“, съ цѣлью болѣе тѣснаго соединенія этическихъ обществъ всего міра.

Наконецъ, всѣ эти энергическія усилія въ избранномъ разѣ направленіи увѣнчаны были открытіемъ высшаго училища прикладной этики (School of applied Ethica). Конгрессъ этическихъ обществъ Соединенныхъ Штатовъ нашелъ средства для этого училища и обработалъ программу лекцій, опубликованную впоследствии въ 1891 году въ упомянутомъ международномъ журналѣ. Науки раздѣлены были на три главные отдѣла: научной религіи, политической экономіи и прикладной этики. Каждый отдѣлъ находится подъ управленіемъ особаго руководителя, который занимается организаціей соотвѣтственныхъ лекцій, приглашая съ этою цѣлью знаменитыхъ ученыхъ мыслителей всего міра къ чтенію ряда лекцій въ теченіе лѣта. Училище это не имѣетъ до сихъ поръ постояннаго мѣсто-пребыванія, но измѣняетъ мѣста, соотвѣтственно потребностямъ и обстоятельствамъ. Въ теченіе нѣсколькихъ начальныхъ лѣтъ, оно находилось въ Плимутѣ, въ Штатѣ Массачузетъ. Руководителемъ отдѣла прикладной этики является главный инициаторъ всего движенія, Феликсъ Адлеръ.

Начавшееся такимъ образомъ въ Америкѣ этическое движеніе перешло вскорѣ и въ Европу, особенно же въ Англию, Германію, Австрію, Италію и Швейцарію.

Въ Англии американское этическое движеніе нашло почву настолько подготовленную, что тамъ уже раньше въ Лондонѣ и Кембриджѣ образовались этическія общества, которыя хотя и не выступали прямо съ враждебными тенденціями ни

противъ церкви, ни противъ религіи вообще, тѣмъ не менѣе однако имѣли въ виду свободный трудъ надъ подъемомъ нравственнаго уровня общества, независимо отъ дѣятельности Церкви въ этомъ направленіи. Рядомъ съ благотворительною дѣятельностью эти общества устраивали также этическія лекціи по воскресеньямъ для многочисленной публики, но не въ утренніе, а въ вечерніе часы, отмѣчая этимъ ясно, что не хотятъ разорвать совершенно связи съ церковною традиціей. Къ числу главныхъ представителей этихъ специфически англійскихъ этическихъ обществъ, принадлежали извѣстные англійскіе мыслители и ученые, какъ то: „*Б. Базанке, Д. Дж. Рит-шиэ*, умершій недавно *Н. Сиджвикъ, В. Балласъ* и другіе.

Американское этическое движеніе перенесено было въ Англію главнымъ образомъ упомянутымъ уже *Стентономъ Койтомъ*, сотрудникомъ Адлера въ Нью-Йоркѣ, и авторомъ книги объ этическомъ движеніи въ религіи. Въ 1888 г. Койтъ былъ приглашенъ въ Лондонъ въ качествѣ проповѣдника свободно мыслящаго прихода Gouth Place Chappel. Этотъ приходъ по предложенію Койта принялъ названіе этическаго общества (South Place Ethical Society). Кромѣ того Койтъ основалъ Западно-Лондонское этическое общество (West London Ethical Society). Вскорѣ послѣ этого возникли два подобныхъ общества тоже въ Лондонѣ, а вслѣдъ за ними въ Оксфордѣ, Кембриджѣ, Единбургѣ, Глазговѣ и другихъ городахъ. Изъ нихъ въ 1896 году образовался союзъ этическихъ обществъ Великой Британіи (Union of Ethical Societies), который развилъ широкую общественную и воспитательную дѣятельность, особенно среди низшихъ слоевъ населенія. Благодаря этимъ энергичнымъ усилямъ, этическое движеніе заняло уже теперь весьма видное мѣсто среди столь многочисленныхъ, умѣло руководимыхъ общественныхъ стремленій Англіи. Въ послѣднее время Койтъ издаетъ въ Лондонѣ журналъ, распространяющій этическое движеніе подъ названіемъ: „Ethical World“.

Выѣстъ съ выше упомянутыми англійскими авторами, которые, несмотря на извѣстное различіе во взглядахъ, особенно по вопросу объ отношеніи этическаго движенія къ Церкви, встрѣчали однако симпатію при появленіи этихъ новыхъ явленій

на нравственномъ поприщѣ, заслуживаютъ здѣсь нашего вниманія и другіе поборники этическаго движенія въ Англіи и Шотландіи въ особенности: *Е. Александръ*, *Эд. К. Эрдъ*, *Дж. Э. Керпентеръ*, *Дж. С. Мэкензіе*, *Дж. Х. Муірхэдъ*, *В. Сандерсъ*, *Дж. Сэлли* и друг.

Въ Германіи развилъ миссіонерскую дѣятельность въ пользу этическаго движенія самъ *Феликсъ Адлеръ*. Въ 1892 году онъ посѣтилъ Европу и пребывалъ довольно долгое время въ Германіи, особенно въ Берлинѣ, гдѣ онъ читалъ лекціи, поощряющія къ основанію этическихъ обществъ.

Среда для распространенія этическаго движенія въ Германіи издавна уже была подготовлена. Вѣдь тутъ уже *Краузе* въ началѣ 19-го вѣка мечталъ о нравственномъ общечеловѣческомъ союзѣ (*Menschheitsbund*), имѣющемъ цѣлью пополнить неудовлетворительные религіозные союзы среди людей; тутъ развился раціонализмъ на поприщѣ теологіи, изъ котораго, начиная съ 1841 года, возникли союзы „друзей свѣта“ (*Lichtfreunde*), а затѣмъ особые „свободные приходы“ (*freie Gemeinden*), существующіе до сихъ поръ. Эти приходы сначала опирались на вѣрѣ въ Бога; но уже въ 1859 году представители этихъ приходо́въ порѣшили и въ этомъ отношеніи не стѣснять своихъ членовъ, и приняли въ основу совершенную свободу религіозныхъ убѣжденій. Оттого-то въ духѣ этой свободы *Давидъ Страуссъ*, въ своей извѣстной книгѣ: „*Старая и новая вѣра*“, изданной въ 1872 году, на вопросъ: „Христіане ли мы еще?“ отвѣчаетъ безъ колебанія отрицательно; а относительно вопроса: „Имѣемъ-ли мы еще религію?“ доказываетъ, что утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма сомнителенъ, такъ какъ зависитъ отъ того, можемъ-ли мы чувство восторга по поводу порядка и законовъ природы назвать религіей.

Поэтому не удивительно, что американское этическое движеніе нашло въ Германіи непосредственно многихъ послѣдователей, которые содѣйствовали его широкому распространенію. Подъ вліяніемъ этого движенія вольнодумный союзъ *Лессинга* (*Lessing—Verein*) въ 1882 году объявилъ премію за составленіе общедоступнаго изложенія нравственныхъ началъ, „опирающагося исключительно, какъ этого требовали условія

конкурса, на несомнѣнныхъ фактическихъ данныхъ естествознанія“, слѣдовательно, совершенно независимо отъ религіи. Среди шестидесяти пяти присланныхъ работъ признана была достойной преміи работа *Юрія Гижницкаго*, профессора берлинскаго университета, подъ заглавіемъ: *Grundzüge der Moral*“.

Гижницкій уже раньше былъ извѣстенъ своимъ изслѣдованіемъ объ этикѣ Юма (1878), которой онъ совершенно сочувствовалъ, и сдѣлался теперь однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ поборниковъ этического движенія въ Германіи. Кромѣ изданія собственныхъ „Основъ нравственности“ и „Нравственной философіи“ (*Moralphilosophie*, 1888), онъ занялся обнародованіемъ ряда переведенныхъ имъ работъ американскихъ представителей этического движенія, какъ то: *В. М. Сальтера*: „Религія нравственности“, его-же: „Нравственные рчи“, а также лекцію „Объ этическомъ воззрѣніи на жизнь“, прочитанную *С. Эльтеромъ* въ Берлинѣ, далѣе *Стэнтона Койта*: „Этическое движеніе въ религіи“, *Ф. Адлера*: „Объ обученіи дѣтей нравственности“, и т. п. Кромѣ того Гижницкій съ 1893 года издавалъ еженедѣльный журналъ „*Ethische Kultur*“, который послѣ его смерти († въ 1895 году) далѣе выходилъ подъ редакціей *Ф. В. Ферстера*, а нынѣ издается *Р. Пенцигомъ*, такъ какъ *Ф. В. Ферстеръ* переселился въ Цюрихъ. Въ этомъ журналѣ, кромѣ многихъ біографій и другихъ статей съ этическимъ направленіемъ, опубликованы были и болѣе важныя работы какъ напримѣръ *Ф. Адлера* объ отношеніи американскаго этическаго движенія къ религіи; *Г. Геддингса* о философіи искусства съ этической точки зрѣнія; *Ф. Гаррисона* о позитивной нравственности; *Ф. В. Ферстера* о задачахъ этического социальнаго движенія, *А. Толстого* написанную для этого журнала статью о религіи въ отношеніи къ нравственности и т. п.

Вслѣдствіе пребыванія Адлера въ Берлинѣ, Гижницкій вмѣстѣ съ извѣстнымъ профессоромъ астрономіи *Вильгельмомъ Ферстеромъ*, отцомъ только что упомянутаго *Ф. В. Ферстера*, основалъ въ октябрѣ 1892 года въ Берлинѣ первое нѣмецкое общество для распространенія этической культуры (*Deutsche*

Gesellschaft für ethische Kultur). Благодаря вліянію и дѣятельности основателей, общество вскорѣ приобрѣло весьма многочисленныхъ приверженцевъ и содѣйствовало основанію такихъ же обществъ во всей Германіи. Теперь въ Германіи существуетъ уже болѣе двадцати этическихъ обществъ, развивающихъ свою дѣятельность по образцу американскихъ.

Лѣтомъ 1893 года берлинское общество созвало конгрессъ приверженцевъ этического движенія въ Эйзенахъ, въ которомъ приняли весьма живое участіе широкіе слои интеллигенціи. На немъ делегаты этическихъ обществъ въ Лондонѣ произносили рѣчи, равно какъ и инициаторы конгресса, извѣстные на поприщѣ этики нѣмецкіе писатели, какъ-то: *А. Дэрингъ*, *Бруно Мейеръ*, *Эмиль Рейхъ*, *Ферд. Тэннисъ* и другіе. Замѣтимъ еще, что кромѣ упомянутыхъ и такіе громкіе представители современной этики въ Германіи, какъ: *Фр. Лодль*, *Т. Липсъ*, *Фр. Паульсенъ*, *Теобальдъ Циллеръ* и другіе принадлежатъ къ числу усердныхъ поборниковъ этического движенія. Къ нему присоединился, хотя и не безъ предварительной оппозиціи, не задолго до своей смерти, извѣстный авторъ „Серьезныхъ мыслей“ (*Ernste Gedanken*, 1890), *Л. Энди*, который въ этомъ пресловутомъ сочиненіи требовалъ освобожденія христіанства отъ догматическихъ добавленій и признанія его чистой религіею любви.

Вслѣдствіе постановленія конгресса въ Эйзенахъ, еще въ томъ же 1893 году началось изданіе оффиціального органа подъ заглавіемъ: „*Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für ethische Kultur*“ подъ редакціей *В. Ферстера* въ Берлинѣ. Большинство упомянутыхъ нѣмецкихъ авторовъ помѣщаютъ въ этомъ журналѣ статьи, имѣющія въ виду разъясненіе основныхъ началъ этического движенія и его распространеніе. На этомъ же конгрессѣ *В. Ферстеръ* представилъ проектъ основанія международной академіи для распространенія этической культуры. Задачей этой академіи по образцу этического училища въ Соединенныхъ Штатахъ, должно быть сближеніе научныхъ этическихъ теорій съ практикой нравственной жизни.

Изъ Германіи этическое движеніе перешло преимущественно

въ Австрію, Венгрію Италію и Швейцарію. Въ настоящее время существуютъ уже этическія общества въ Вѣнѣ, Будапештѣ, Венеціи, Цюрихѣ и въ другихъ городахъ этихъ странъ. Въ Вѣнѣ по этому направленію особенно дѣятеленъ доцентъ университета *Эмиль Рейхъ*. Вѣнское этическое общество тоже издаетъ свой собственный органъ. Основателемъ этико-соціального общества въ Венеціи (*Circolo etico—sociala*) былъ *Леви Мореносъ*; а однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ поборниковъ этического движенія въ Италиі является *Джіакомо Барцелотти*, профессоръ нравственной философіи и педагогики въ Неаполѣ, извѣстный критикъ пессимизма Шопенгауэра. Въ Швейцаріи содѣйствуютъ распространенію этического движенія главнымъ образомъ упомянутый *Ф. Ферстеръ*, который своею инициативою положилъ основаніе этическихъ обществъ въ Цюрихѣ, Бернѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ швейцарскихъ городахъ.

Во Франціи специфическія стремленія новѣйшаго этического движенія вообще не встрѣтили живого сочувствія. Основанное въ 1891 году въ Парижѣ *Денсарденомъ* и *Ланьіо* этическое общество (*Union pour l'action morale*), издающее свои „*Bulletins*“, до сихъ поръ не имѣло какого-либо значительнаго вліянія на общество. Этотъ фактъ отмѣтили сами члены общества на философскомъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1900 году. Главною причиною этого явленія служить, какъ кажется, то обстоятельство, что французскій народъ, а въ особенности выдающіеся труженики его на поприщѣ нравственныхъ наукъ, были всегда болѣе заинтересованы политическими и социальными вопросами, чѣмъ этическими, въ строгомъ смыслѣ. Слѣдуя примѣру *Огюста Конта*, который замѣнилъ этику соціологіей, а съ другой стороны, убѣдившись опытно въ томъ, что нравственный суррогатъ, предлагаемый Контомъ подъ видомъ позитивной религіи, не обладаетъ необходимой жизненностью, чтобы подѣйствовать на болѣе широкіе слои общества, эти французскіе труженики сосредоточили свое вниманіе почти исключительно на общественныхъ вопросахъ. Въмѣсто изслѣдованія этического характера общественнаго строя при помощи психологическихъ и нравственныхъ началъ, проявляю-

щихся въ отдѣльныхъ личностяхъ, и въ сложныхъ элементахъ общества, они искали генезиса нравственности въ готовомъ уже общественномъ строѣ, и занялись прежде всего построениемъ соціальныхъ доктринъ, будто-бы эмпирическихъ или позитивныхъ, согласныхъ съ новѣйшими результатами естествознанія, а въ сущности зависимыхъ отъ предвзятыхъ политическихъ и соціальныхъ тенденцій. Оттого-то они и заботились болѣе объ основаніи Соціологическаго Института (въ 1893 году), чѣмъ этическихъ обществъ. Въ виду этого этика, какъ теорія прежде всего индивидуальной нравственности, а тѣмъ болѣе практическія стремленія къ жизненному осуществленію ея требованій, отошли на задній планъ и не пашли себѣ болѣе широкаго вліянія на духъ вышеуказаннаго этического движенія.

Кромѣ этихъ соціологическихъ тенденцій, препятствіемъ къ развитію этического движенія во Франціи служило господство радикальнаго атеизма, лишеннаго глубокаго нравственнаго чувства. Объ этомъ свидѣлствуютъ довольно многочисленныя общества вольнодумцевъ (*libres penseurs*), органомъ которыхъ стала „*La libre Pensée*“, съ лозунгомъ: „*Atheisme et matérialisme*“.

Самымъ выдающимся явленіемъ французской литературы, отмѣчающимъ извѣстную духовную связь съ этическимъ движеніемъ, являются труды Ж. М. Гюйо. „*Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction*“, 1885; „*L'irreligion de l'avenir*“, 1887, равно какъ: „*L'art au point de vue sociologique*“, 1889. Въ послѣднее время и Фулэ, сочувствуя этическому движенію, переходитъ отъ соціологическихъ вопросовъ къ чисто нравственнымъ и возбуждаетъ этимъ во французскомъ обществѣ болѣе глубокой интересъ къ этимъ вопросамъ, служащимъ не результатомъ, но, напротивъ, основаніемъ нравственнаго развитія соціальныхъ отношеній. Въ этомъ отношеніи особенно интересно сочиненіе Фулэ: „*La morale, l'art et la religion d'après Giguau*“ 1889.

Главнымъ образомъ и Г. Сепаль, вмѣстѣ съ упомянутымъ Дежарденомъ и другими, все болѣе и болѣе вводятъ этическія начала во французскую соціологію, доказывая, что натурали-

стической борьбы за существованіе нельзя признать факторомъ, создающимъ общество, или способствующимъ его развитію. Напротивъ, это факторъ разстройства;—между тѣмъ какъ сущность общества состоитъ въ соединеніи индивидовъ, въ сознаниі общихъ задачъ и цѣлей жизни. А это именно и есть самостоятельное этическое начало, указывающее на несостоятельность натуралистической социологіи.

По инициативѣ конгресса нѣмецкихъ этическихъ обществъ въ Эйзенахѣ наконецъ былъ созванъ общій конгрессъ этическихъ обществъ всего міра. Такой конгрессъ состоялся въ Бернѣ, въ Швейцаріи, въ сентябрѣ 1896 года, при участіи делегатовъ этическихъ обществъ Соединенныхъ Штатовъ, Англіи, Германіи, Австріи, Италіи и Швейцаріи. *Геральдъ Гефдингъ*, знаменитый датскій мыслитель, изложилъ на этомъ конгрессѣ передъ большимъ собраніемъ слушателей главныя основы независимой этики, а многочисленные другіе ораторы развили и выяснили подробно тенденціи и стремленія этического движенія. На этомъ конгрессѣ возникла тоже мысль основанія союза этическихъ обществъ всѣхъ странъ міра и возобновленъ былъ проектъ основанія этической академіи въ Цюрихѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что этическое движеніе приняло уже теперь форму учрежденія, распространившагося по всему цивилизованному міру, и стало могущественнымъ общественнымъ явленіемъ, заслуживающимъ, безъ сомнѣнія, ближайшаго разсмотрѣнія.

Профессоръ Варшавскаго Университета Генрихъ Струве.

(Продолженіе будетъ).

Что такое нравственность, какъ общечеловѣческое явленіе?

Если у насъ спросятъ о томъ, что нравственно и что безнравственно, то каждый изъ насъ отвѣтитъ безъ затрудненія: помогать людямъ, любить ихъ, говорить правду, быть цѣломудреннымъ—это нравственно; напротивъ, обижать другихъ, обманывать ихъ, распутничать—безнравственно. Не нужно однако думать, что этимъ рѣшается вопросъ о томъ, что такое нравственность. На самомъ дѣлѣ, если бы у насъ спросили: что такое религія?—Мы бы не имѣли права отвѣтить, что религія—это вѣра въ Бога, Единого по существу и троичнаго въ лицахъ, въ воплощеніе Сына Божія, въ наше искупленіе и т. д., по той простой причинѣ, что такое опредѣленіе не обнимало бы всѣхъ явленій, которымъ справедливо принято давать названіе религіи. Итакъ, вопросъ о религіи нужно отличать отъ вопроса о томъ, во что слѣдуетъ вѣровать православному христіанину. Такимъ же образомъ вопросъ о томъ, что такое наука,—нужно отличать отъ вопроса о томъ, что мы должны признавать научною истиною: положимъ, что мы признаемъ истиною ученіе о шарообразности земли и о движеніи ея вокругъ солнца, но вѣдь астрономическая наука началась какъ разъ съ обратныхъ представленій; точно также ученіе о четырехъ стихіяхъ (огонь, воздухъ, вода и земля), положенное древними въ основу естественнаго міробъясненія, мы не можемъ признать истиннымъ, но вѣдь оно принадлежало именно наукѣ, а не какой-либо другой области.

Подобно тому, какъ религія вообще не совпадаетъ съ православно-христіанскимъ исповѣданіемъ, или какъ наука вообще гораздо шире того, что должно быть признано научною истинною съ нашей точки зрѣнія, такъ точно и понятіе о нравственности вообще не нужно смѣшивать съ правильными на нашъ взглядъ нравственными убѣжденіями. Правда, что въ нравственныхъ воззрѣніяхъ различныхъ народовъ и различныхъ эпохъ культурнаго развитія гораздо больше единства, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, однако остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что эти воззрѣнія часто разнообразны до противоположности. Нравственность дикаря совсѣмъ не то, что нравственность цивилизованнаго грека и римлянина, послѣдняя, въ свою очередь, весьма отличается отъ морали еврея талмудиста, а мораль христіанина не похожа ни на ту, ни на другую, ни на третью. Для одного самая священная обязанность снять скальпъ съ головы убитаго врага,—иначе онъ не можетъ считаться во многихъ мѣстахъ полноправнымъ членомъ общества и ни одна дѣвушка не пойдетъ за него замужъ ¹⁾),—другой ставитъ своимъ девизомъ „здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ“, третій не знаетъ ничего важнѣе обрѣзанія и закона о субботнемъ покоѣ, четвертый считаетъ высшимъ своимъ долгомъ—„полагать душу свою за други своя“. Различія въ убѣжденіяхъ здѣсь простираются до неспособности понимать другъ друга: дикарь на увѣщанія миссіонера, что очень дурно употреблять въ пищу человѣческое мясо, начинаетъ увѣрять, что это, наоборотъ, очень хорошо ²⁾), іудей хотятъ убить Христа за то, что Онъ совершаетъ дѣла любви въ субботу, а язычникамъ греко-римскаго міра проповѣдь самоотверженной любви кажется юродствомъ.

На извѣстной ступени культурнаго развитія всякій народъ признаетъ такіа нравственныя обязанности, которыя потомъ

¹⁾ *Тайлоръ*, Антропология, 407: „не было необходимости добывать этотъ трофей непременно съ врага; его можно было достать при помощи самаго низкаго предательства, только бы жертва не принадлежала къ собственному племени убійцы“.

²⁾ *O. Flügel*, Ueber die Entwicklung der sittlichen Ideen. Zeitschrift für Völker—Psychologie und Sprachwissenschaft, B. XII, S. 31.

онъ будетъ разсматривать, какъ преступленія. Таковъ напр. обычай мести, всюду ¹⁾ предшествующій уголовной карѣ за преступленія. На низшихъ ступеняхъ гражданственности мечь не звѣрскій инстинктъ, какимъ она является въ нашихъ глазахъ, а самая святая обязанность. Кровавая мечь, говоритъ Вайтцъ, казалась индѣйцу *нравственною необходимостью*: ближайшій родственникъ убитаго навлекалъ на себя несмыслимый позоръ, если уклонялся отъ мести. Бѣлые часто вызывали къ себѣ презрѣніе со стороны индѣйцевъ тѣмъ, что индифферентно смотрѣли на военные потери и не обнаруживали страстной жажды отомстить за смерть своихъ убитыхъ ²⁾. Строгое возмездіе (*talio*), говоритъ тотъ же ученый въ другомъ мѣстѣ объ индѣйцахъ, служило у нихъ высшимъ и неоспоримымъ принципомъ поведенія ³⁾. По словамъ Гроссе, „обязанность кровной мести, быть можетъ, самая возвышенная и святая, какую только вообще знаетъ первобытный человѣкъ“ ⁴⁾. Того, кто не выполнитъ этой обязанности, ждетъ всеобщее презрѣніе. „Надъ нимъ въ этомъ случаѣ будетъ издѣваться всякая старуха; если онъ не женатъ, ни одна дѣвушка не станетъ съ нимъ даже разговаривать; если у него есть жены, онѣ бросятъ его, его мать будетъ стонать и плакать, что родила такого выродка сына, его отецъ будетъ обращаться съ нимъ презрительно, и онъ сдѣлается предметомъ всеобщаго презрѣнія“ ⁵⁾. Не нужно однако думать, что дикарю приходится въ этомъ случаѣ считаться только съ общественнымъ мнѣніемъ; противъ него возстанетъ и его собственная совѣсть. Объ этомъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующій рассказъ, приведенный у Дарвина. Д-ръ Лавдоръ, занимавшій въ западной Австраліи постъ судьи, рассказываетъ, что одинъ изъ туземцевъ на его фермѣ, потерявъ одну изъ женъ, которая

¹⁾ I. George. Humanität und Kriminalstrafen. Iena. 1898. SS. 3, 5.

²⁾ Waitz, Antropologie der Naturvölker. Th. III, Sp. 132. Lafitau, Moeurs des sauvages americains. Paris. MDCCXXIV. T. II, 291.

³⁾ Waitz, III, 161.

⁴⁾ Формы семьи и формы хозяйства. Москва. 1898. Стр. 56.

⁵⁾ Тайлоръ, Антропология, 409—410. Слова Джорджа Грел, приведенныя здѣсь, относятся къ австралійцамъ, но въ той же ипой мѣрѣ они сохраняютъ свою силу и по отношенію къ другимъ племенамъ.

умерла отъ болѣзни, пришелъ къ нему и объявилъ, что пойдетъ къ такому-то отдаленному племени и убьетъ тамъ женщину, чтобы выполнить долгъ по отношенію къ своей женѣ ¹⁾). Я сказалъ ему, что если онъ поступитъ такимъ образомъ, то я посажу его въ тюрьму на всю жизнь. Онъ оставался еще нѣкоторое время при фермѣ, но страшно исхудалъ и жаловался, что не можетъ ни спать, ни ѣсть, и что душа его жены преслѣдуетъ его за то, что онъ не взялъ жизни взаменъ ея жизни. Но я былъ неумолимъ и сказалъ ему, что ему нѣтъ спасенія, если онъ поступитъ такимъ образомъ. Тѣмъ не менѣе этотъ человѣкъ исчезъ болѣе чѣмъ на годъ и возвратился назадъ въ превосходномъ настроеніи духа; другая его жена сказала д-ру Ландору, что ея мужъ убилъ женщину изъ отдаленнаго племени ²⁾). Изъ этого факта мы можемъ понять, что родовая месть является обязанностію не только, такъ сказать, гражданскою, налагаемою обществомъ, а обязанностію, въ собственномъ смыслѣ, нравственною, за неисполненіе которой приходится отвѣчать предъ своею совѣстію. Такою обязанностію она остается надолго послѣ того, какъ народъ уже пережилъ примитивную ступень—гражданственности. Кунфуцій, напримѣръ, нравственныя возрѣнія котораго достигаютъ подчасъ христіанской высоты, обязываетъ сына не слагать оружія до тѣхъ поръ, пока онъ не настигнетъ убійцы своего отца и не убьетъ его.—Нѣкоторымъ извиненіемъ родовой мести съ нашей этической точки зрѣнія, можетъ служить, развѣ то обстоятельство, что человѣкъ здѣсь совершаетъ убійство ближ-

¹⁾ Нужно замѣтить, что дикари не вѣрять въ естественную смерть и потому приписываютъ факты ся коловству враждебно настроенныхъ лицъ своего или чужого племени (Ср. *Waitz Anthropologie*. Th. III, 132—133 и др. *Михайловскій*, Шаманство, вып. I, стр. 26; *Миклуха-Маклаи*, Острова Андра. Сѣверн. Вѣсти. 1868. 1, 214; *Дю-Шалью*, Путешествіе въ экваторіальную Африку. Рус. пер. 1871. ч. 2, стр. 139, 192 слл. *Дюмонъ д'Юрвилъ*, Всеобщее путешествіе. Рус. пер. 1837. т. 9, стр. 196 и др.). Въ данномъ случаѣ мужъ, очевидно, желалъ отомстить племени, на которое падало его подозрѣніе; при этомъ, согласно первобытнымъ родовымъ обычаямъ, повсе не требовалось, чтобы пострадало попремѣнно вповное лицо; достаточно, чтобы жертва принадлежала къ одному племени съ виновнымъ.

²⁾ *Дарвинъ*, Происхожденіе человека и половой подборъ. Рус. пер. Флиппова. Стр. 105—106.

няго изъ-за любви къ существамъ болѣе близкимъ—роднымъ. Но, во-первыхъ, подобнаго рода мотивы едва ли играютъ въ родовой мести выдающуюся роль: одно то обстоятельство, что на извѣстной ступени культуры кровопролитіе замѣняется денежною вирой, причѣмъ въ высшей степени послѣдовательно проводится возрѣніе на убійство и увѣчье, какъ на экономическій ущербъ для извѣстнаго рода или лица,—уже одно это показываетъ, что мотивы безкорыстнаго альтруизма едва ли могли имѣть большую силу при выполненіи актовъ кровавой мести. Во вторыхъ, нужно обратить вниманіе на то, что обычай требуетъ, кромѣ мести за смерть родственника, также возмездія за всякую пролитую каплю крови, за всякое поврежденіе ¹⁾ и даже иногда за самое ничтожное покушеніе на права данной личности ²⁾, и понятно, что въ этомъ случаѣ потерпѣвшій является первымъ за себя мстителемъ ³⁾.—Итакъ, мы видимъ, что на извѣстной ступени развитія всѣ народы признаютъ нравственною обязанностію то, что мы признаемъ нравственнымъ преступленіемъ. Но есть вещи еще болѣе ужасныя, которыя, если не всѣ, то очень многіе народы на низшихъ ступеняхъ культурной жизни совершаютъ не только какъ вполнѣ позволительныя, а даже похвальныя. Таково, напр., людоедство, появляющееся въ большинствѣ случаевъ подъ вліяніемъ крайняго недостатка въ пищѣ ⁴⁾, но потомъ получающее

1) *Пешель*, Народовѣдѣніе, 243.

2) *Гельвальдъ*, Естественная исторія племенъ и народовъ, т. 1, 513 *George*, Humanität und Kriminalstrafen, 6.

3) Ср. *Миклуха-Маклай*, Островокъ Андра. Сѣверн. Вѣсти. 1888, 1, 224. *Waitz—Gerfand*, Antropologie d. Natur-Volker, Th. V, H. 1. Leipzig. 1865. S. 158.

4) Это утверждаетъ рѣшительно *Метурно* (Соціологія, основанная на этнографіи, выш. 2, стр. 99). Напротивъ, другіе изслѣдователи не менѣе рѣшительно это отрицаютъ. „Голодъ, пишетъ, напр., *Гельвальдъ* (Естественная исторія племенъ и народовъ. Т. 1, стр. 37), только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ понудительною причиною къ людоедству; основаніемъ его скорѣе служатъ суевѣрныя представленія, или крайне своеобразно направленное благочестіе, а также вкусъ къ человѣческому мясу. Докторъ *Юнгъ* рассказываетъ, что туземцы Австраліи ѣдятъ жиръ и внутренности прославленныхъ воиновъ и сильныхъ бѣлыхъ людей, въ томъ убѣжденіи, что сила, которой тѣ обладали, перейдетъ къ нимъ (ibid. 38). Одинъ путешественникъ спросилъ у австралийцевъ, вкусно ли дѣтское мясо; они не задумываясь отвѣтили, прицѣлнувъ даже языкомъ отъ пріятнаго

силу обычая, не только не предосудительнаго, а даже почтеннаго. Въ большинствѣ случаевъ дикарь не въ состояніи разсматривать это дѣло съ какой-либо иной точки зрѣнія, кромѣ вкусовой. Жители острова Св. Духа (въ Меланезіи) высказывали, не стѣсняясь, свое пристрастіе къ человѣческому мясу офицерамъ корабля „Kosario“, состоявшаго на якорѣ у ихъ береговъ (въ 1871 г.); одинъ изъ дикарей подошелъ къ хорошо упитанному лейтенанту и, ощутивъ его руки и ноги, объявилъ, что его мясо годилось бы для ѣды ¹⁾. Подъ вліяніемъ голода или страсти къ человѣческому мясу, или, наконецъ, суевѣрныхъ убѣжденій—дикари совершенно утрачиваютъ чувство нравственнаго отвращенія къ людоедству и не въ состояніи понять его преступности. „Почему же и не ѣсть людей, спрашивали ново-зеландцы: ѣдятъ же большія рыбы маленькихъ, иногда одного съ ними вида; въ свою очередь маленькія рыбы ѣдятъ меньшихъ животныхъ; птицы пожираютъ другъ друга; люди ѣдятъ собакъ, а собаки ѣдятъ людей. Что же худого въ томъ, чтобы ѣсть непріятелей, убитыхъ на полѣ сраженія, которые съ своей стороны поступили бы съ нами такъ же, еслибы могли?“ ²⁾ Даже болѣе того, извращеніе нравственныхъ понятій простирается до такой степени, что

вспоминанія: «да очень вкусно» (ibid. 37). Точно также Пешель отрицаетъ связь между людоедствомъ и скудостью пищи, ссылаясь, во-первыхъ, на то, что благосостояніе нашего организма не требуетъ съ необходимостію мясной пищи (довольствуются же въ Индіи, по его словамъ, болѣе 100 милліоновъ населенія исключительно почти растительною пищей); во-вторыхъ, на то, что антропофагіей запятнали себя многіи племена, вовсе не имѣющія права жаловаться на отсутствіе мясной пищи, какъ напр., жителѣ о.о. Марквизскихъ, Гавайскихъ и Таитя; нѣкоторыя скотоводческія племена Южной Африки и даже народы, достигшіе высокой степени культуры, такъ Мексиканцы. (Народовѣдніе, 157—9). Но, не отрицая того, что антропофагія могла имѣть различныя причины для своего происхожденія у разныхъ народовъ, нужно считать недостатокъ въ пищѣ самою главною изъ этихъ причинъ. Достаточно обратить вниманіе, напр., на крайнюю скудость животнаго царства въ Австраліи и прилегающихъ островахъ, гдѣ преимущественно процвѣтало людоедство. Почти всю фауну здѣсь составляютъ свиньи, собаки, крысы и куры, къ которымъ нужно прибавить нѣсколько видовъ пресмыкающихся, во многихъ мѣстахъ безъ разбора употребляемыхъ въ пищу; въ очень многихъ мѣстахъ млекопитающія совсѣмъ отсутствуютъ.

¹⁾ Гельвальдт, ibid., 140.

²⁾ Letourneau, L'évolution de la morale, p. 92—93.

многіе людоеды начинаютъ считать антропофагію не только дѣломъ позволительнымъ, а прямо чѣмъ-то почетнымъ и похвальнымъ. На оо. Фиджи людоедство разсматривается какъ предметъ гордости. Одинъ предводитель своимъ людоедствомъ заслужилъ особенное уваженіе и приобрѣлъ почетное прозвище „черепашій трудъ“, съ которымъ сравнивали его ненасыт- ный желудокъ. Онъ одинъ съѣдалъ по цѣлому человѣку, и каждая новая жертва его прожорливости отмѣчалась особымъ камнемъ; благодаря этому его слава перешла въ потомство, и его сынъ показывалъ англійскому духовному лицу 872 камня, предназначенныхъ для увѣковѣченія несбычайныхъ подвиговъ родителя ¹⁾. Другой начальникъ хвалился тѣмъ, что онъ съѣлъ единолично, безъ всякаго участія постороннихъ, 500 чело- вѣкъ ²⁾. Такія дикія на нашъ взглядъ воззрѣнія объясняется радикальною противоположностію общей этической точки зрѣ- нія у насъ и первобытнаго человѣка. Для насъ самымъ цѣн- нымъ въ нравственномъ смыслѣ качествомъ человѣка явля- ются симпатія, состраданіе, любовь; соотвѣтственно съ этимъ жестокость самый главный порокъ. Совершенно иначе смот- рить на дѣло первобытный человѣкъ: онъ помѣщаетъ жесто- кость на почетномъ мѣстѣ въ списокѣ добродѣтелей—рядомъ съ мужествомъ и твердостію духа, которыя цѣнятъ выше всего. Когда въ немъ борются два чувства—состраданія и мстительной жестокости ко врагу, то его совѣсть оказывается въ союзѣ не съ первымъ чувствомъ, какъ должно бы быть по нашему представленію, а со вторымъ. Часто случается, что во время битвы женщины, простирая руки къ побѣдителямъ, съ воплемъ обращаются къ ихъ чувству состраданія, умоляя о по- щадѣ во имя ихъ собственныхъ женъ, дочерей, сестеръ: на однихъ эти мольбы не производятъ никакого впечатлѣнія; напротивъ другіе, видимо объятые жалостію, но не желая ей поддаваться вполнѣ, приказываютъ несчастнымъ закрыть глаза и убиваютъ ихъ ³⁾. Поступая такъ, побѣдители исполняютъ долгъ совѣсти

¹⁾ *Кристманъ и Оберлендеръ*, Новая Зеландія и Океанія или острова юж- наго моря, стр. 378.

²⁾ *Letourneau*, L'évolution de la morale, p. 84.

³⁾ *Letourneau*, L'évolution de la morale, p. 110.

и религіи, требующихъ безпощадной мести ко врагу. Вотъ почему жестокость ко врагамъ, убійство и пожирание ихъ считаются добродѣтелями, за которыя послѣдуетъ награда въ будущей жизни. Бразильскіе тупинамбы вѣрили, что души тѣхъ, которые добродѣтельно жили на землѣ, т. е., которые аккуратно исполняли требованія родовой мести и поѣли много враговъ, будутъ жить въ прекрасныхъ садахъ и будутъ танцовать тамъ вмѣстѣ съ душами ихъ отцовъ. По мнѣнію маррисовъ Новой Зеландіи загробное положеніе ихъ должно быть тѣмъ выше, чѣмъ больше они съѣли труповъ ¹⁾. У фиджійцевъ число убитыхъ и съѣденныхъ враговъ считается главнымъ запасомъ добрыхъ дѣлъ, съ которыми они должны предстать на томъ свѣтѣ на судъ своихъ боговъ; боги, жадные любители крови, ожидаютъ тѣни мертвыхъ и сурово спрашиваютъ ихъ, сколько людей онѣ убили въ продолженіе своей жизни. При жизни тотъ, кто не убилъ и не съѣлъ ни одного врага, былъ преслѣдуемъ всеобщимъ презрѣніемъ; его даже подвергали иногда позорному наказанію ²⁾. Но понятно само собой, что для того, чтобы быть жестокимъ ко врагамъ, нужно отличаться жестокостью вообще, и потому это качество души само по себѣ дѣлалось предметомъ уваженія. Вилльямсъ рассказываетъ за достовѣрное, что на оо. Фиджи „одинъ мужъ, живя въ согласіи съ женой, сунулъ ее однажды въ печь, поджарилъ и съѣлъ, съ единственною цѣлію заслужить славу страшнаго и жестокаго человѣка“ ³⁾. Одинъ начальникъ, приписывавшій своему только что умершему сыну всѣ добродѣтели, которыя могутъ имѣть значеніе въ глазахъ фиджійцевъ, закончилъ указаніемъ на его крайнюю жестокость, вслѣдствіе которой онъ могъ убивать и потомъ ѣсть своихъ собственныхъ женъ, если онѣ его оскорбляли ⁴⁾. По разсказу Ливингстона, одинъ бушменъ, описывалъ, сидя у огня, свои первыя похождения; въ числѣ ихъ фигурировало убійство пяти другихъ

¹⁾ P. Rée, Die Entstehung des Gewissens, S. 17.

²⁾ Letourneau, ibid. 85.

³⁾ Гельвальдъ, Естеств. истор. плем. и нар. Т. 1. стр. 130.

⁴⁾ Rée, Entstehung des Gewissens, S. 16.

бушменовъ... Тамъ было двѣ женщины, одинъ мужчина и двое дѣтей, говорилъ онъ, перечисляя по пальцамъ... Какой ты негодяй—воскликнулъ Ливингстонъ.—Какъ ты смѣешь хвастаться убійствомъ женщинъ и дѣтей своей собственной паціи? Что скажетъ твой богъ, когда ты предстанешь предъ нимъ?... Онъ скажетъ, возразилъ тотъ, что я былъ ловкимъ человѣкомъ ¹⁾. По словамъ Бёртона, у жителей восточной Африки разбой считается дѣломъ почетнымъ, а убійство дѣлаетъ человѣка героемъ, считаясь тѣмъ лучше, чѣмъ оно ужаснѣе. По словамъ Буркхардта, у арабскихъ жителей Вагаби имя разбойника считается самымъ лестнымъ названіемъ ²⁾. Чтобы подняться надъ подобнаго рода нравственными воззрѣніями каждому народу требуется продолжительное историческое развитіе. Еще въ индійской Магабгаратѣ рекомендуются такіе поступки: „нужно дать врагу серьезное основаніе для довѣрія и разить его въ удобный моментъ, когда скользнетъ его нога... Человѣкъ не можетъ быть счастливъ до тѣхъ поръ, пока онъ не пронзитъ своего врага до мозга костей, не слѣдуетъ ему чего-нибудь ужаснаго, не умертвить его, какъ рыбу. Если сынъ, братъ, отецъ, или другъ является препятствіемъ для вашихъ интересовъ—убейте его ³⁾. Герои народнаго эпоса по той же причинѣ почти всегда отличаются пристрастіемъ къ кровопролитію и жестокой мстительности.

Итакъ, мы видимъ, что люди другихъ культуръ признаютъ обязательными или почтенными многія такія вещи, отъ которыхъ съ ужасомъ отворачивается наше нравственное чувство. Съ другой стороны можно привести не мало примѣровъ, что нравственное чувство людей, иначе, чѣмъ мы воспитанныхъ, осуждаетъ многія вещи, на нашъ взглядъ, совершенно безразличныя. Изъ числа подобнаго рода своеобразныхъ нравственныхъ оцѣнокъ можно указать весьма распространенный даже на высокихъ ступеняхъ культуры предрассудокъ, будто актив-

1) *H. Spencer, La morale des differents peuples et la morale personnelle. Paris. 1896. p. 59.*

2) *Paul Rée Die Entstehung des Gewissens, SS. 14—15.*

3) *H. Spencer, La morale des differents peuples, 62.*

ное воздѣйствіе человѣка на природу съ цѣлію измѣненія ея естественнаго состоянія—дѣло грѣховное ¹⁾. На этомъ основаніи нѣкоторые пекультурныя племена считаютъ воздѣлываніе почвы дѣломъ предосудительнымъ ²⁾. По этой же причинѣ Ксерксъ встрѣтилъ всеобщее осужденіе за то, что онъ соединилъ плавучимъ мостомъ берега Геллеспонта; греческіе писатели единодушно порицаютъ этотъ поступокъ, усматривая въ немъ пренебреженіе къ установленному божественными силами порядку вещей ³⁾. Тацитъ рассказываетъ, что рѣшеніе римскаго сената отвести воды рѣчекъ, впадавшихъ въ Тибръ, встрѣтило между прочимъ то возражаніе, что такое дѣяніе было бы противоестественно ⁴⁾. Въ средніе вѣка кастильскій совѣтъ отвѣчалъ одному голландскому обществу, предложившему провести судоходный каналъ изъ Таго въ Мансанаресъ: „еслибъ Богу угодно было, чтобы обѣ эти рѣки были судоходными, то Онъ бы такъ и устроилъ ихъ; слѣдовательно, пытаться сдѣлать ихъ такими было бы противно Божьему Промыслу и грѣшно“ ⁵⁾. Въ моральныхъ воззрѣніяхъ cadaго народа мы найдемъ подобныя нравственныя предразсудки. Въ законахъ Ману и въ Зендѣ Авестѣ на ряду съ самыми важными нравственными правилами мы встрѣчаемся съ множествомъ предписаній, смыслъ которыхъ совершенно непонятенъ съ точки зрѣнія нашей морали. На ряду съ предписаніями относительно правдивости, цѣломудрія, миролюбія, благожелательности и т. п., ⁶⁾ законы Ману на каждой страницѣ трактуютъ объ оскверненіяхъ, очищеніяхъ, не имѣющихъ въ нашихъ глазахъ никакого значенія; здѣсь мы узнаемъ также, что подниматься на спину коровы или быка есть предосудительная

¹⁾ Ср. *L. Schmidt*, Die Ethik der alten Griechen, Berlin. 1882 г. В. II, 82 sq. Жулишскъ, Очерки сравнительной этнографіи и культуры, СПб. 1887, стр. 13.

²⁾ Ср. Ва. Короленко. Маруся. Сборн. Русск. Богат. 1900 г. ч. I, 189—190.

³⁾ *Schmidt*, op. c. В. II, S. 83.

⁴⁾ *Bastian*, Der Mensch in d. Geschichte. Leipzig. 1860. В. III, S. 209.

⁵⁾ Бэръ. Исторія торговли. Русск. пер., т. 2-й 42.

⁶⁾ *The Laws of Manu*, translated by Bühler. Въ изд. М. Müller'a „The sacred books of the East. Oxford. 1886. V. XXV. Chapt. IV, 138, 139, 170 sqq.

вещь во всѣхъ обстоятельствахъ ¹⁾, или, что „тотъ, кто разбираетъ глыбы земли, рветъ траву, или грызетъ свои погги, быстро направляется въ своей гибели“ ²⁾ и т. п. Совершенно аналогичное явленіе представляетъ Зендъ-Авеста, которая преступленія противъ собаки или противъ рѣчной выдры считаетъ болѣе важными, чѣмъ преступленія противъ человѣческой личности: между тѣмъ какъ за убійство человѣка полагается наказаніе въ 90 ударовъ кнудомъ ³⁾, за убійство собаки полагается отъ 500 до 700 ударовъ ⁴⁾, за убійство ежа 1000 ударовъ ⁵⁾, а за убійство выдры 10,000 ⁶⁾; всякій грѣхъ, по представленію Зендъ-Авесты, можетъ быть искупленъ наказаниями, очищеніями или убійствомъ нечистыхъ животныхъ,— за исключеніемъ трехъ смертныхъ грѣховъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ между прочимъ погребеніе труповъ человѣка и собаки ⁷⁾. Въ Талмудѣ мы нерѣдко найдемъ, что ничтожнѣйшіе вопросы житейской практики трактуются съ серіозностію, подобающей лишь самымъ важнымъ вопросамъ жизни. Іудеи время Христа считали преступленіемъ—ѣсть неумытыми руками (Мѡ. 15, 2) и совершать какія бы то ни было, даже добрыя, дѣла въ субботу (Іоан. 9, 16). У современныхъ некультурныхъ народовъ въ понятіе грѣха всегда входитъ множество такихъ дѣйствій, которымъ никому изъ насъ не можетъ придти въ голову приписывать нравственное значеніе. Такъ, по мнѣнію камчадаловъ, грѣхъ соскабливать ножомъ снѣгъ съ обуви, втыкать ножъ въ горячій уголь для закуриванія трубки, точить ножъ или топоръ въ дорогѣ, выходить босикомъ зимою изъ жилища и т. д. ⁸⁾; многіе дикари считаютъ тяжкимъ

1) *The Laws of Manu*, ch. IV, 72.

2) *Ibid.* 71.

3) *Zend-Avesta Vendidad*, Fargard IV, 40. Пользуемся французскимъ переводомъ Darmesteler'a. Paris. 1892. Т. II (*Annales du musée Guimet*. Т. 22).

4) *Ibid.* Vendid. Farg; XIII, 12—15.

5) *Ibid.* Vendid. Farg. XII, 4.

6) *Ibid.* Vendid. Farg, XIV, 2.

7) Ср. Vendid. Farg. I, 13; Farg. III, 38—39.

8) *Крашенинниковъ*. Описаніе Камчатки. С.П.Б. 1755. Ч. III, 80. *Klemm*. *Allgemeine Kulturgeschichte*, B. II, 328—329.

преступленіемъ бракъ между лицами, носящими одну и ту же фамилію; а бипоны считаютъ грѣхомъ произносить свое собственное имя ¹⁾).

Приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы убѣдиться, что, задаваясь вопросомъ о существенныхъ и общихъ признакахъ нравственнаго, мы впали бы въ ошибку, если бы стали рѣшать этотъ вопросъ на основаніи того, что должно быть признано нравственнымъ съ нашей точки зрѣнія. Какимъ же образомъ возможно тогда установить общее понятіе о нравственности? Не смотря на разнообразіе нравственныхъ воззрѣній различныхъ культуръ и народовъ, можно, повидимому, предпринять попытку открыть въ этомъ разнообразіи нѣчто общее по содержанію и отсюда вывести отвѣтъ на вопросъ, что такое нравственность. Такая попытка можетъ имѣть значительный успѣхъ: всѣ народы въ той или иной степени признаютъ нравственную цѣнность благожелательныхъ склонностей и чувствъ. Не можемъ ли мы на этомъ основаніи опредѣлить нравственность, какъ предпочтеніе альтруистическихъ наклонностей противоположнымъ? Но мы знаемъ, что въ нравственномъ сознаніи многихъ народовъ это предпочтеніе не стоитъ на первомъ планѣ; напротивъ первенствующую роль среди обязанностей здѣсь часто занимаютъ дѣйствія, противныя альтруизму. Слѣдовательно, тогда при опредѣленіи понятія нравственности пришлось бы игнорировать то, что многіе народы признаютъ хорошимъ или дурнымъ, т. е., пришлось бы игнорировать рядъ явленій, въ которыхъ нравственная оцѣнка входитъ, какъ одинъ изъ элементовъ. Имѣемъ ли мы на это право? Если да, то, говоря о нравственности того или иного народа, мы были бы вправѣ оставлять безъ вниманія все то, что не совпадаетъ съ нашею нравственностію, обращая вниманіе только на то, что хотя и не очень существенно съ точки зрѣнія этого народа, зато существенно по нашему убѣжденію. Но ясно, что такимъ путемъ гораздо скорѣе можно

¹⁾ Ср. *Roskoff*, Das Religionswesen der rohesten Naturvölker. Leipzig. 1880, S. 150 и др.

придти къ извращенію, чѣмъ къ правильному опредѣленію понятія о нравственности: послѣднимъ критеріемъ для опредѣленія нравственности оставалась бы наша собственная мораль, такъ что обращеніе къ моральнымъ воззрѣніямъ другихъ народовъ представляло бы пустую формальность. Въ то же время легко видѣть, что благожелательныя склонности сами по себѣ еще не составляютъ нравственности. Извѣстно прежде всего, что симпатія, доходящая до самопожертвованія, свойственна не только людямъ, но и животнымъ. Здѣсь нѣтъ нужды говорить о всѣмъ извѣстныхъ фактахъ, доказывающихъ глубину материнскаго инстинкта у животныхъ. Могутъ сказать, что этотъ инстинктъ представляетъ просто фізіологическое влеченіе, имѣющее столько же эгоистическій, сколько и альтруистическій характеръ. Но есть факты, показывающіе, что животнымъ свойственна совершенно безкорыстная взаимная привязанность, имѣющая съ фізіологіей не болѣе общаго, чѣмъ и у человѣка. По рассказамъ различныхъ наблюдателей, птицы часто кормятъ своихъ оstarѣвшихъ и ослѣпшихъ товарищей¹⁾. Вороны, грачи и попугая обнаруживаютъ живѣйшую жалость къ раненымъ и убитымъ товарищамъ, нерѣдко сами дѣлаясь жертвою состраданія²⁾. У Франклина въ его „*Vie des animaux*“ рассказанъ такой фактъ. Во время одной охоты въ Индіи два слона; преслѣдуемые охотниками, упали въ ровъ. Одному изъ нихъ удалось вылѣзти. Послѣ этого вмѣсто того, чтобы самому спасать жизнь или свободу, онъ протягиваетъ лапу своему менѣе ловкому сотоварищу, чтобы помочь ему выбраться изъ рва. Фактъ произошелъ въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей³⁾. У обезьянъ взаимная симпатія и тѣсная солидарность проявляются во всемъ, начиная съ самыхъ мелкихъ услугъ и кончая геройскимъ самопожертвованіемъ для другихъ⁴⁾. Не смотря на все это, только немногіе, слишкомъ

¹⁾ *Letourneau*, *L'évol. mor.* 60—61.

²⁾ *Дарвинъ*, Происхожденіе человѣка и половой подборъ, 94, *Жиро*, Общества у животныхъ. М. 1896. 21, 23.

³⁾ *Letourneau*, l. c. 60.

⁴⁾ Ср. *Брэма*, Жизнь на сѣверѣ и югѣ, стр. 220. *Эстимаса*, Соціальная жизнь

послѣдныя на выводы изслѣдователи, какъ Летурно, рѣшаются говорить о нравственности животныхъ ¹⁾. Въ дѣйствительности, до тѣхъ поръ, пока мы не видимъ сознательнаго предпочтенія однѣхъ склонностей другимъ, мы имѣемъ право говорить только о нравахъ, но не о нравственности. Но такого именно предпочтенія мы не находимъ у животныхъ. Самое высшее изъ нихъ—обезьяна обнаруживаетъ иной разъ удивительную въ животномъ глубину альтрустической склонности, но здѣсь же безъ всякаго видимаго колебанія и внутренняго смущенія позволяетъ оказывать надъ ними верхъ самой грубой алчности ²⁾. Конечно, подобныя явленія возможны и у человѣка, но только съ тѣмъ различіемъ, что они сопровождаются сознаніемъ, что въ одномъ случаѣ онъ совершаетъ добро, а въ другомъ зло, между тѣмъ какъ у животныхъ мы напрасно стали бы искать проявленій этого сознанія, или чего либо похожаго на нравственное раскаяніе. Впрочемъ не только въ животномъ мірѣ, а и въ человѣческихъ обществахъ мы должны относить проявленія симпатіи часто не столько къ области нравственнаго, сколько къ области нравовъ—и это самое главное, что нужно сказать противъ отождествленія симпатіи и нравственности въ человѣчествѣ. Это сказывается именно въ томъ, что на низшихъ ступеняхъ культуры человѣкъ отдаетъ часто видимое предпочтеніе жестокимъ свойствамъ своей природы передъ благожелательными. Житель Маркизскихъ острововъ, подавляющій въ себѣ чувство жалости къ безпомощной женщинѣ враждебнаго племени и убивающій ее во имя долга, фиджіецъ, конечно не чуждый человѣческихъ чувствъ по отношенію къ женѣ, но тѣмъ не менѣе съѣдающій ее въ доказательство своей жестокости—даютъ наилучшія свидѣтельства, что нравственность многихъ людей

животныхъ, стр. 420; *Дарвина*, Происхожденіе человѣка, 93 и сл.; *Роменса*, Умъ животных, стр. 479 и сл.

¹⁾ Даже Дарвинъ пишетъ: „тотъ фактъ, что человѣкъ есть единственное существо, несомнѣнно заслуживающее названіе моральнаго, составляетъ величайшее изъ всѣхъ различій между нимъ и низшими животными“. *Проис. чело. и полов. подборъ*, 558.

²⁾ Ср. *Брэма*, *ор. с.* стр. 213.

мы не имѣемъ права отождествлять съ присущими имъ благожелательными чувствованіями. Вотъ почему ихъ добрыя чувства очень часто отличаются такою непрочною и почему эти люди такъ легко переходятъ отъ симпатіи и вѣжности къ звѣрству. Всякій, кто читалъ описанія путешествій въ страны, населенныя дикарями, знаетъ, какъ опасно полагаться на ихъ, повидимому, самую глубокую и искреннюю привязанность, и какъ быстро ихъ преданность смѣняется открытою враждою или низкимъ предательствомъ. Несправедливо было бы однако думать, какъ нѣкоторые ¹⁾, что подобные факты свидѣтельствуютъ о полномъ отсутствіи нравственныхъ принциповъ у тѣхъ людей, которыхъ принято называть дикарями. Напротивъ, въ другихъ случаяхъ они обнаруживаютъ удивительное самообладаніе при осуществленіи такихъ требованій, которыя не стоятъ въ связи съ личнымъ благополучіемъ, и даже смыслъ которыхъ не всегда для нихъ понятенъ. Иногда, говоритъ Тайлоръ, дикарямъ приходится отрѣзать себѣ суставы пальцевъ или подвергать себя такимъ продолжительнымъ и суровымъ постамъ, что многіе изъ нихъ умираютъ; но часто единственною причиною, которую они могутъ привести для объясненія нанесенія себѣ страданій, служитъ тотъ фактъ, что таковъ былъ обычай ихъ предковъ ²⁾. При различнаго рода болѣзненныхъ операціяхъ, испытаніяхъ, мученіяхъ со стороны враговъ—побѣдителей дикари обнаруживаютъ удивительное самообладаніе и терпѣніе. Нерѣдко приходится встрѣчать опредѣленныя заявленія путешественниковъ и наблюдателей, что дикари слѣдуютъ предписаніямъ своей морали не менѣе строго, чѣмъ мы—нашей ³⁾. Въ виду всего этого смотрѣть на дикаря, какъ на трость, туда и сюда колеблемую вѣтромъ, какъ на жертву естественныхъ влеченій, власти которыхъ онъ не можетъ противостоятъ, было бы крайне несправедливо. У него есть свои принципы, можетъ быть не уступающіе нашимъ по своей прочности, хотя и не совпадающіе

¹⁾ См. *Олестникова*, Исторія нравственности, т. 1, 378—9.

²⁾ *Антропология*, 404.

³⁾ *Roskoff*, *Das Religionsw. d. rohesten Naturvölker*, S. 151.

съ ними по содержанію. Поэтому-то альтруизмъ, являющійся у насъ всеобщимъ нравственнымъ принципомъ, у него еще остается во многихъ случаяхъ на степени естественнаго влеченія, относясь болѣе къ области нравовъ, чѣмъ нравственности въ собственномъ смыслѣ слова; чувство долга направлено у него въ другую сторону, оно во всякомъ случаѣ не связано съ симпатіей вообще, хотя и даетъ свою санкцію нѣкоторымъ частнымъ ея проявленіямъ, какъ, напримѣръ, гостепріимство, взаимопомощь и т. д. На ряду съ этимъ месть, жестокость къ плѣннымъ, дѣтоубійство, убійство престарѣлыхъ родителей являются часто непреложными принципами поведенія. Для насъ не можетъ быть дѣла болѣе высокаго и святаго, какъ броситься въ воду для спасенія утопающаго, а по мнѣнію камчадала, это наоборотъ смертный грѣхъ ¹⁾. Но, скажутъ, вѣдь все это не болѣе, какъ нравственныя заблужденія: стоитъ ли принимать ихъ въ расчетъ при опредѣленіи понятія нравственности? Совершенно справедливо, что это заблужденія. Но вѣдь и фетишизмъ, и шаманство, и вѣра въ чародѣйство или предсказанія жрецовъ не болѣе, какъ религіозныя заблужденія, однако если бы мы исключили ихъ изъ понятія о религіи, то пришлось бы признать безрелигіозными значительную часть народовъ земного шара. Это однако было бы несправедливо, потому что религіозная жизнь, по единогласному признанію новѣйшихъ изслѣдователей самыхъ противоположныхъ направленій, является отличительнымъ признакомъ всего человѣческаго рода ²⁾. Религіозное чувство и религіозная потребность могутъ проявляться и въ фетишизмѣ и въ самомъ грубомъ суевѣріи. Точно также нравственная потребность и нравственное чувство могутъ сказываться въ заблужденіяхъ и предрасудкахъ. Мы можемъ тогда сказать, что имѣемъ дѣло съ ложною, извращенною нравственностію, но не можемъ сказать, что здѣсь нѣтъ совсѣмъ нравственности.

1) *Крашенинниковъ*, Описаніе Камчатки, ч. 3, 79.

2) *M. Müller*. Vorlesungen über den Ursprung und die Entwicklung der Religion. 2 Aufl., 88 - 89. *Ратцель*, Народовѣдѣніе, русск. пер., т. I, 39. *Roskoff*, Das Religionswesen der rohesten Naturvölker; *Лешель*, Народовѣдѣніе, 267; *Гельманъ*, оп. с. Т. 1, 114—115; *Schneider*, Die Naturvölker, Th. II, S. 347 sqq.

Итакъ, мы видимъ, что въ самомъ содержаніи нравственныхъ явленій мы не найдемъ общихъ признаковъ, на основаніи которыхъ мы могли бы опредѣлить, что такое нравственность, какъ фактъ человѣческаго сознанія и жизни. Но такіе общіе признаки несомнѣнно существуютъ, потому что если бы ихъ не было, то мы вообще не могли бы сказать, въ чемъ заключается нравственность даннаго народа или человѣка. Между тѣмъ мы всегда можемъ опредѣлить это болѣе или менѣе безошибочно. Мы руководствуемся въ этомъ случаѣ наблюденіемъ, какія дѣйствія народъ или человѣкъ совершаетъ по сознанію того, что эти дѣйствія хороши и обязательны для него, и какихъ избѣгаетъ по сознанію того, что они дурны, непозволительны. Такимъ образомъ, общимъ признакомъ нравственныхъ явленій служитъ та или другая—положительная или отрицательная—нравственная оцѣнка дѣйствій. Если извѣстный человѣкъ лжетъ, или обижаетъ другого и воруетъ, то эти поступки могутъ свидѣтельствовать о его нравственномъ состояніи, или давать основаніе для оцѣнки его личности съ той нравственной точки зрѣнія, которую мы, цѣнители, признаемъ правильною. Мы однако еще не можемъ на основаніи этого сказать, что мораль даннаго лица позволяетъ или предписываетъ обижать другихъ и красть. Для того, чтобы на основаніи извѣстныхъ поступковъ заключать, въ чемъ состоитъ нравственность даннаго лица, необходимо знать его собственное отношеніе къ этимъ поступкамъ: признаетъ ли онъ ихъ дурными, или безразличными, или даже хорошими. Точно также, чтобы судить о нравственности какихъ-нибудь дикарей—еще недостаточно сказать, что они людоѣды, убійцы своихъ отцовъ и дѣтей и т. д.,—можетъ быть это грубые нравы, осуждаемые ихъ собственнымъ сознаніемъ: нужно очевидно знать, какъ они сами смотрятъ на эти поступки. Въ противномъ случаѣ понятіе о нравственности теряетъ всякое право на самостоятельное существованіе, и мы тогда, не отличая нравственности отъ права, можемъ безразлично говорить о нравственности животныхъ или людей, и даже о нравственномъ превосходствѣ многихъ

животныхъ надъ многими изъ людей и цѣлыхъ народовъ.— Итакъ общимъ признакомъ нравственныхъ явленій нужно признать нравственную оцѣнку, нравственное одобреніе или неодобреніе известнаго рода дѣйствій. Поэтому нравственность вообще мы можемъ опредѣлить, какъ родъ поведенія, стоящій въ томъ или другомъ отношеніи къ нравственной оцѣнкѣ, или какъ сумму понятій о добрѣ и злѣ, стремящихся осуществиться въ поведеніи.

Мы видѣли, что, если обращать вниманіе на содержаніе нравственныхъ воззрѣній, то трудно установить единство нравственности въ человѣчествѣ; напротивъ, если мы остановимся на самой нравственной оцѣнкѣ, то искомое единство достигается тотчасъ же. Различать дѣйствія добрыя отъ злыхъ свойственно всѣмъ людямъ, насколько послѣдніе известны исторіи и этнографіи. Нѣтъ никакой нужды, конечно, доказывать это относительно культурныхъ націй. Но, насколько известно, и среди некультурныхъ народовъ нѣтъ такихъ, которымъ бы было чуждо понятіе о добрѣ и злѣ и сознаніе различія между тѣмъ и другимъ. Люди, жившіе долгое время среди дикарей, даютъ на этотъ счетъ самыя рѣшительныя свидѣтельства. Миссіонеръ Коллеръ, проведеншій среди негровъ Конго семь лѣтъ, пишетъ: „Я не могу сказать, что негры не имѣютъ своихъ пороковъ, даже большихъ пороковъ; но должно признать то, что даже самымъ дикимъ народамъ присуще нравственное чувство, что они имѣютъ понятіе о добрѣ и злѣ“¹⁾. Оскаръ Ленчъ говоритъ о неграхъ восточной Африки, что они хорошо различаютъ добро отъ зла²⁾. Коллиансъ говоритъ объ австралійцахъ, что они хорошо знаютъ различіе между добромъ и зломъ въ нашемъ смыслѣ этихъ понятій³⁾. Дейзенгаммеръ говоритъ о нихъ же: „какъ бы сильно ихъ нравы и привычки, ихъ воззрѣнія на долгъ и общественную жизнь ни отличались отъ европейскихъ, все же они имѣютъ свою мо-

1) *W. Schneider*, *Allgemeinheit und Einheit des sittlichen Bewusstseins* Köln. 1895. S. 36.

2) *W. Schneider*, *ibidem*.

3) *Ibid*, S. 37.

ралья, которая пользуется у нихъ высокимъ почетомъ“¹⁾). Понятно, что когда тѣ же наблюдатели хотятъ сказать, что понятія дикарей о добрѣ и злѣ не отличаются отъ нашихъ по самому содержанію, то они впадаютъ въ явное преувеличеніе. Но несомнѣннымъ нужно признать самый фактъ существованія нравственной оцѣнки, способность—правильно или неправильно, вопросъ другой—различать добро и зло—не по непосредственнымъ мотивамъ удовольствія и неудовольствія, а по соображеніямъ принципиально—этического характера. Последнее обстоятельство предполагаетъ извѣстную внутреннюю нравственную борьбу, которая не чужда представителямъ низшихъ расъ. Мы уже приводили раньше рассказъ объ австралійцѣ, испытывавшемъ внутренній разладъ подъ вліяніемъ борьбы эгоистическихъ мотивовъ—боязни быть наказаннымъ—съ чувствомъ нравственной обязательности отомстить за смерть жены. Нѣсколько иного рода, хотя того же самаго значенія факты приводятся относительно южно-африканскихъ негровъ. „Дѣлать добро, говорилъ одинъ начальникъ базутовъ, такъ же трудно, какъ катить камень на гору; напротивъ зло происходитъ само собой—такъ же, какъ камень скатывается самъ собою съ обрыва“²⁾). Въ какой мѣрѣ людямъ, стоящимъ на низшихъ ступеняхъ культуры, присуще то, что мы называемъ угрызеніями совѣсти, можетъ дать понятіе слѣдующій фактъ. Извѣстныя всѣмъ іезуитскія колоніи въ Парагваѣ представляли собою образчикъ крайняго порабощенія туземцевъ—какъ физическаго, такъ и нравственнаго. Воспользовавшись коммунистическимъ характеромъ общественнаго строя туземцевъ въ качествѣ естественнаго прецедента, іезуиты основали принудительную коммуну съ обязательными работами, общественными продовольственными магазинами и даже съ принудительнымъ воспроизведеніемъ: для исполненія этой обязанности жена-тыхъ людей будили нѣскольکو раньше общаго для всѣхъ времени вставанія. Рабская покорность подерживалась, правда,

1) *Deisenhammer*, *Meine Reise um die Welt*. Wien. 1882. S. 304.

2) *Schneider*, *ibid.*, 39.

преимущественно при помощи плетки, которая пускалась въ ходъ въ случаяхъ нарушенія порядка. Замѣчательно однако то, что даже здѣсь іезуиты съумѣли завладѣть не только внѣшнею свободою человѣка, но и совѣстью. Часто случалось, рассказываетъ Бугенвиль, что индѣйцы, повинуваясь голосу совѣсти, сами сознавались въ своихъ тайныхъ проступкахъ и вымаливали себѣ наказаніе ¹⁾. Конечно, эти индѣйцы были уже обращены въ христіанство. Но вѣдь совѣсть не такое свойство, которое могло быть приобрѣтено въ нѣсколько лѣтъ. Слѣдовательно, мы должны признать, что она была природнымъ свойствомъ индѣйцевъ гораздо раньше обращенія ихъ въ христіанство. Буала (Boilat) рассказываетъ объ одномъ негрѣ, который, убивъ въ припадкѣ гнѣва свою жену, почувствовалъ такія угрызения совѣсти, что не могъ отъ нихъ отдѣлаться никакими средствами; наконецъ, ему помогъ одинъ бѣлый магометанинъ, посоветовавшій ему ежедневно поститься и жить милостынею правовѣрныхъ; исполненіе этого совѣта успокоило совѣсть негра ²⁾. Тонганцы такъ объясняли Маринеру мотивъ нравственнаго поведенія: „послѣ совершенія хорошаго поступка является прекрасное чудное чувство; поэтому мы и поступаемъ хорошо“ ³⁾. По словамъ Кука, „у таитянъ познаніе добра и зла имѣетъ единственнымъ своимъ источникомъ предписанія естественной совѣсти“ ⁴⁾. Нужно однако прибавить, что нравственное чувство у дикихъ находится еще какъ бы въ зачаточномъ состояніи, будучи развито очень слабо. Этимъ въ значительной мѣрѣ объясняются ихъ нравственныя заблужденія: ихъ нравственное чувство плохо ориентировано въ фактахъ и склонно смѣшивать нравственно доброе съ пріятнымъ, полезнымъ, необходимымъ для самосохраненія племени и т. п.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что нравственная оцѣнка даетъ намъ право говорить о нравственности, какъ общечело-

¹⁾ *Летуно*, Эволюція собственности, 46—47.

²⁾ *Waitz*, *Antropologie d. Naturvölker*, Th. II, 5. 211.

³⁾ *Waitz-Gerland*, *Antropologie*, Th. VI, S. 116.

⁴⁾ *H. Spencer*, *La morale des differents peuples*, 26.

вѣческомъ фактѣ, чего мы не могли достигнуть, обращаясь къ содержанію морали. Съ другой стороны мы видѣли, что, руководствуясь однимъ содержаніемъ морали, даже истиннымъ съ высшей нравственной точки зрѣнія, мы лишаемся возможности установить предѣлы нравственнаго міра, потому что тѣ свойства, которыя служатъ объектами нравственной оцѣнки, мы можемъ встрѣтить даже тамъ, гдѣ было бы рискованно говорить о нравственности въ настоящемъ значеніи этого слова. И въ этомъ случаѣ опредѣленнымъ признакомъ, отмѣчающимъ точно границу нравственнаго, является та же нравственная оцѣнка. На основаніи ея мы можемъ опредѣлить нравственность, какъ явленіе не только общечеловѣческое, но и исключительно человѣческое. На самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что животнымъ свойственны тѣ чувствованія, которыя даютъ содержаніе человѣческой нравственности, но еще никому не удалось доказать, что у нихъ есть сознаніе добра и зла, чувство долга, совѣсть и т. д. Если оставить въ сторонѣ романическіе рассказы Роменса, судя по которымъ у животныхъ можно найти гораздо болѣе развитыя нравственныя чувствованія, чѣмъ у многихъ изъ людей, то мы не имѣемъ совсѣмъ никакихъ доказательствъ существованія у животныхъ нравственнаго сознанія. Всѣ доказательства подобнаго рода, фигурирующія въ нѣкоторыхъ курсахъ психологіи и этико-психологическихъ изслѣдованіяхъ, сводятся къ тому, какъ собака, укравшая котлету, потомъ раскаялась въ своемъ проступкѣ и съ провинившимся видомъ положила украденную котлету къ ногамъ хозяина ¹⁾. Легко видѣть, что когда въ этомъ фактѣ усматриваютъ проявленіе угрызеній совѣсти, то вносятъ въ психологію животнаго слишкомъ много антропоморфизма. Всякое явленіе нужно объяснять изъ простѣйшихъ факторовъ и условій, и только тогда, когда это требованіе оказывается безусловно непримѣнимымъ, позволительно обращаться къ усло-

¹⁾ Ср. *Letourneau*, *L'évolution de la morale*, 51—52, 175; Ср. *Sully*, *The human mind*. London. 1892. V. II, 161.

вѣямъ болышей сложности и высшаго порядка ¹⁾. Въ данномъ случаѣ совершенно незаконно обращеніе къ высшимъ формамъ человѣческой психики для объясненія факта, который очень легко можетъ быть понятъ помимо ихъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло не болѣе какъ съ простою дрессировкою. Когда кошку или собаку нѣсколько разъ крѣпко накажутъ за воровство, то у нея образуется прочная ассоціація между представленіемъ удовлетворенной воровской наклонности и послѣдующимъ наказаніемъ. Это есть простѣйшее понятіе вины, доступное животному. Теперь представимъ, что собака украла котлету въ отсутствіе хозяина. Она по прежнему опыту знаетъ, что покража ей не пройдетъ безнаказанно. Эта мысль, явившись въ ея сознаніи, удерживаетъ ее въ тотъ моментъ, когда она уже была готова съѣсть котлету, и она, съ одной стороны не смѣя съѣсть, а съ другой, будучи не въ силахъ отказать себѣ въ этомъ удовольствіи, подходитъ къ хозяину; ея видъ и умоляющій, потому что извѣстно, что собака можетъ выражать просьбу, и виноватый, потому что она не вполне увѣрена, что ее не побьютъ. Итакъ, весь психологическій процессъ, происходящій въ головѣ собаки, можно описать, не прибѣгая къ такимъ чисто человѣческимъ явленіямъ, какъ чувство долга, угрызенія совѣсти. Конечно, поскольку нравственность есть дѣло воспитанія и привычки, она имѣетъ много общаго съ дрессировкою. Но все дѣло именно въ томъ, что если бы у человѣка не было природныхъ данныхъ для образованія морали, послѣдняя не могла бы быть привита никакимъ воспитаніемъ. Поэтому нужно считать слишкомъ легкомысленнымъ заявленіе Летурно, который, приведя нѣсколько фактовъ относительно дрессированныхъ собакъ, утверждаетъ, что эти факты „освѣщаютъ весь вопросъ“ относительно моральной эволюціи у человѣка ²⁾. Аналогія, которая кажется французскому социологу настолько цѣнною именно въ виду будто бы ея близости къ полному тождеству, далеко не такъ велика даже и въ томъ случаѣ,

¹⁾ *Wundt*, Vorlesungen über die Menschen—und Thierseele. 3 Aufl. 23-^{ste} Vorlesung.

²⁾ *Letourneau*, L'évolution de la morale, 44.

если мы примемъ во вниманіе, что дрессировка можетъ создавать извѣстныя наследственныя предрасположенія. Благодаря послушанію, обратившемуся въ наследственную привычку, животное совершаетъ неизмѣнно такія дѣйствія, которыя первоначально, и сами по себѣ, не имѣли никакой связи ни съ удовольствіемъ, ни съ пользою. Есть французская пословица: *bon chien chasse de gace* (буквально: хорошая собака охотится по природѣ). Это несомнѣнная истина. Собаки хорошей охотничьей природы, помимо всякаго личнаго опыта, участвуя на охотѣ въ первый разъ, уже умѣютъ до извѣстной степени выполнять свои обязанности ¹⁾. Первоначально посредствующимъ звеномъ между представленіемъ извѣстнаго дѣйствія и совершеніемъ его стояла мысль о побояхъ, которыя ее ожидаютъ въ противномъ случаѣ. Но когда привычка сдѣлалась наследственною, то этотъ посредствующій членъ, конечно, выпалъ; остался только извѣстный механическій импульсъ къ совершенію дѣйствія, заключающійся въ самой нервной структурѣ животнаго. Но мы рѣшительно не имѣемъ права говорить и предполагать, что за этимъ механическимъ импульсомъ скрывается психологическое содержаніе, сколько-нибудь похожее на нравственныя чувствованія человѣка. Очень возможно, что съ механическимъ импульсомъ соединяется чувство удовольствія и неудовольствія, присутствіе которыхъ нужно предполагать въ каждомъ инстинктѣ ²⁾, можетъ быть даже, что въ наследственной передачѣ сохранился какой-нибудь намекъ на то чувство страха, которое первоначально участвовало въ образованіи прибрѣтеннаго дрессировкой свойства. Но во всякомъ случаѣ психологическіе мотивы поведенія при томъ и другомъ предположеніи лежатъ внѣ области нравственнаго.

Нѣкоторые изслѣдователи находятъ у животныхъ задатки понятій о правѣ и справедливости. Эти понятія во всякомъ случаѣ стоятъ близко къ формальной сторонѣ морали, если не

¹⁾ Ср. *Дарвинъ*, Происхожд. чelов., 96. *Letourneau*, *ibid.*, 41 sqq.

²⁾ Ср. *Дарвинъ*, Происхожденіе чelовѣка, 96. Дарвинъ находитъ возможнымъ признать, что „во многихъ случаяхъ... животное упорно слѣдуетъ инстинктамъ просто въ силу наследственности, безъ стимуловъ удовольствій или страданій“.

входятъ въ нее. Но предполагать присутствіе ихъ у животныхъ можно также только, выводя изъ фактовъ больше, чѣмъ они содержатъ. Такъ, напр., указываютъ, что у животныхъ есть чувство собственности, на томъ основаніи, что хищныя животныя оберегаютъ свою добычу и имѣютъ опредѣленныя области для добыванія себѣ пищи, такъ что каждое изъ нихъ въ этомъ случаѣ до извѣстной степени уважаетъ права другого. Но чувство собственности въ своемъ простѣйшемъ видѣ можетъ существовать помимо правоваго сознанія. Животное бережетъ свою добычу потому, что съ нею связанъ расчетъ на извѣстное количество удовольствія, не посягаетъ на добычу другого, потому что знаетъ, что другой не уступитъ безъ борьбы, или, наконецъ, (самое большее, что можно предположить) потому, что питаетъ къ нему извѣстную долю сочувствія и не хочетъ причинять ему страданій, когда можетъ добыть себѣ пищу иначе. Распредѣленіе районовъ для добыванія пищи, наблюдаемое у хищныхъ животныхъ, отчасти, можетъ быть, дѣло случая, отчасти зависитъ отъ болѣе или менѣе смутнаго сознанія удобства, которое заключается въ мирномъ размежеваніи владѣній, и наконецъ, отчасти объясняется нежеланіемъ вступать въ опасную борьбу съ сильнымъ противникомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ никакого намека на человѣческое правовое сознаніе съ присущимъ ему интеллектуальнымъ элементомъ необходимости. Точка зрѣнія права совершенно отсутствуетъ, а есть только то, что можетъ быть безъ труда сведено къ привычкѣ, извѣстнаго рода потребностямъ и влеченіямъ и къ болѣе или менѣе смутному сознанію выгоды. Одинъ слѣдующій фактъ можетъ показать, до какой степени разсужденія о присутствіи у животныхъ чувства справедливости зависятъ отъ неумѣренной фантазіи наблюдателей. Если хозяинъ обращается съ своими собаками неровно, говоритъ Роменсъ, онѣ сейчасъ же замѣчаютъ и глубоко чувствуютъ несправедливость. Типично въ этомъ отношеніи извѣстное наблюденіе великаго Араго. Задержанный бурей въ деревенской гостинницѣ, Араго заказалъ себѣ къ обѣду цыпленка и сталъ грѣться на кухнѣ у огня. Хозяинъ гостинницы надѣлъ птицу на вертелъ и хотѣлъ за-

ставить лежавшую въ кухнѣ барсучью собаку вертѣть колесо. Но собака спряталась подъ столъ и стала огрызаться, отказываясь войти въ колесо. На вопросъ Араго, отъ чего зависитъ странное поведеніе собаки, хозяинъ объяснилъ, что очередь вертѣть не ея, а ея товарища, котораго въ эту минуту не случилось въ кухнѣ. Послали за другой собакой, и та добровольно вошла въ колесо и стала вертѣть. Когда цыпленокъ изжарился на половину, Араго вывелъ собаку изъ колеса, и тогда другая собака, не страдавшая больше отъ чувства несправедливости, заняла ея мѣсто безъ малѣйшаго сопротивленія ¹⁾. Но здѣсь прежде всего можно усомниться въ томъ объясненіи, которое далъ хозяинъ поведенію собаки. Можетъ быть, ей просто не хотѣлось заниматься тѣмъ дѣломъ, которое на нее хотѣли возложить. Потомъ настроеніе ея перемѣнилось подъ вліяніемъ примѣра ея товарища, и она принялась за дѣло. Очень часто бываетъ, что норовистая лошадь совсѣмъ отказывается везти, когда ее погоняютъ; но если ее оставить въ покоѣ, то она черезъ нѣсколько времени можетъ пойти хорошо, особенно если впереди ѣдетъ другая лошадь. Объяснять эту перемѣнчивость настроенія, приписывая животнымъ высшіе мотивы человѣческаго поведенія, по меньшей мѣрѣ неосновательно и позволительно развѣ только невѣжественному хозяину деревенскаго постоялаго двора. Но предположимъ даже большее, что только можно предположить въ данномъ случаѣ, именно, что собака не хотѣла войти въ колесо потому, что была не ея очередь вертѣть его. Нужно ли видѣть здѣсь проявленіе чувства справедливости? Это будетъ во всякомъ случаѣ излишнимъ. Положимъ, что собака путемъ многократнаго опыта твердо усвоила, что ей приходится вертѣть колесо по очереди съ товарищемъ, и понимала въ данномъ случаѣ, что должна вертѣть не она. Даже помимо чувства несправедливости, естественно, что она была противъ нарушенія очереди: работа была ей непріятна, а всякому живот-

¹⁾ *Роменсъ, Умъ животныхъ. Рус. пер. подъ ред. проф. Холодковского. С.П.Б. 1888. Стр. 450—451.*

норму естественно избѣгать непріятности, и когда собака представилось испытать эту непріятность неожиданно и вопреки установившейся привычкѣ, она обнаружила сопротивленіе. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы ее отучить отъ очереди, какъ она была приучена, то мнимое чувство несправедливости исчезло бы скоро и безслѣдно. Итакъ, мы не находимъ основаній признать у животныхъ существованіе нравственной оцѣнки и чувствованій, стоящихъ въ близкомъ родствѣ съ этою оцѣнкою.

И. Городенскій.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Января № 1. 1902 года.

Содержаніе. Высочайшая награда.—Списокъ лицъ, кои Всемилостивѣйше пожалованы къ 6-му декабря сего года, за заслуги по духовному вѣдомству, медалями.—Высочайшая отмѣтка.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 5-й день текущаго декабря, на награжденіе, за 50 ти лѣтнюю службу, золотою медалью съ надписью «за усердіе», для ношенія на *Аннинской лентѣ* псаломщика Васильевской церкви въ слободѣ Еппфановкѣ, Старобѣльскаго уѣзда, Николая Ильешева.

Списокъ лицъ, кои Всемилостивѣйше пожалованы, къ 6-му числу декабря 1901 года, за заслуги по духовному вѣдомству, медалями, съ надписью «за усердіе».

а) для ношенія на шеѣ золотыми:

на *Владимірской лентѣ*: попечитель церковно-приходской школы при Покровской церкви г. Сумъ, 1-й гильдіи купецъ Прокопій Гриценко; на *Аннинской лентѣ*: староста Харьковской Дмитріевской церкви, 2-й гильдіи купецъ Григорій Бочаровъ; староста Воскресенской г. Сумъ церкви, 2-й гильдіи купецъ Лука Харченко.

б) для ношенія на шеѣ серебряными:

на *Станиславской лентѣ*—старосты церквей: слободы Юнаковки Сумскаго уѣзда, крестьянинъ Кириллъ Смѣянь; слободы Верхней Сыроватки того же уѣзда, крестьянинъ Василій Руденко; села Кальченкова, того же уѣзда, крестьянинъ Василій Рыбалка; слободы Оль-

шаной, Харьковскаго уѣзда, крестьянинъ Павелъ Дудникъ; села Бабаевъ, того же уѣзда, крестьянинъ Гавриилъ Фоменко.

п в) для ношенія на груди серебряными:

на *Александровской лентѣ*: младшій учитель Славянской второ-классной церковно-приходской школы мѣщанинъ Владиміръ Войтенко; на *Станиславской лентѣ*: попечитель церковно-приходской школы слободы Лмной, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ Александръ Гетманъ.

Высочайшая отмѣтна.

Отъ Харьковскаго Преосвященнаго въ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода поступило сообщеніе о томъ, что въ память п ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ прихожане Цокровской церкви, слободы Спѣваковки, Старобѣльскаго уѣзда, Харьковской епархіи, устроили на собственные средства прв названной церкви новую желѣзную ограду, употребивъ на это 3,000 рублей.—На всеподданнѣйшемъ докладѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника К. Побѣдоносцева о такихъ выраженіяхъ вѣрноподданническихъ и религіозно-патріотическихъ чувствъ Его Императорскому Величеству, въ 23 день ноября 1901 года, благоугодно было Собственноручно начертить: «Прочелъ съ удовольствіемъ».

Епархіальныя извѣщенія.

Состоящій на псаломщицкой вакансіи при Владимірско-Богородичной церкви слободы Казпновой, Купянскаго уѣзда, діаконъ Евгений *Никитскій* 5 декабря 1901 года опредѣленъ штатнымъ діакономъ къ Преображенской церкви, слободы Преображенной, Купянскаго уѣзда.

— На праздное псаломщицкое мѣсто при Александро-Невской церкви, слободы Бѣлоцерковки, Купянскаго уѣзда, 21 декабря 1901 года допущенъ въ исправленію должности учитель мѣстной церковно-приходской школы Николай *Веретельникъ*.

— На праздное псаломщицкое мѣсто при Владимірско-Богородичной церкви, слободы Казпновой, Купянскаго уѣзда, 21 декабря 1901 года, перемѣщенъ п. д. псаломщика слободы Хатней, Волчанскаго уѣзда, Михаилъ *Капустянскій*.

— Запрещенный въ священнослуженіи діаконъ Василій *Сънцовъ*, состоящій псаломщикомъ при Александро-Невской церкви, слободы Бѣлоцерковки, Купянскаго уѣзда, за нетрезвое поведеніе, 10 декабря 1901 года удаленъ отъ мѣста.

— Псаломщикъ Соборно-Преображенской церкви города Валокъ Александръ *Торанскій*, 28 декабря 1901 года, отрѣшенъ отъ должности.

ИЗВѢСТІА И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ духовно-учебныхъ заведеній.—Лѣтосчисленіе на Руси.—Путь къ счастью.—О соблюденіи общепринятыхъ приличій священникомъ.—Истинная и ложная свобода.—Расколъ, сектаство и инославныя исповѣданія въ Россіи.—Увеличеніе кредита вѣдомству Святѣйшаго Синода въ 1902 году.—Электрическое освѣщеніе въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.—Чудесное исцѣленіе больной въ Изюмскомъ уѣздѣ.—Паломничество учениковъ изъ Сумъ въ Шпилевку.—50-ти лѣтіе служенія въ священномъ санѣ Протопресвитера І. Л. Янышева.—Высокопреосвященный Діонисій, первый епископъ Якутскій. (по поводу 30-ти лѣтій Якутской епархіи).—Полезное для чтенія изданіе.—Тиражъ выигранныхъ билетовъ 1-го займа.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ духовно-учебныхъ заведеній. На Рождественскихъ празднествахъ Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, дважды осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ Харьковскую Духовную Семинарію, причемъ преподавъ свое благословеніе всѣмъ оставшимся въ ней на праздникахъ учащимъ и учащимся. Первый разъ Владыка посѣтилъ Семинарію на второй день праздника, а второй разъ 29 декабря. 29 декабря вмѣстѣ съ Владыкой посѣтилъ Семинарію и Высокопреосвященнѣйшій Экзархъ Грузіи, Архіепископъ Алексѣй. Того же числа Высокопреосвященнѣйшіе Флавіанъ и Алексѣй посѣтили и женское Епархіальное училище.

— *Лѣтосчисленіе на Руси.* Въ періодъ своей христіанской жизни русскіе не всегда начинали годъ въ одно и то же время и не всегда приурочивали начало его къ одному и тому же мѣсяцу. Самымъ древнимъ способомъ лѣтосчисленія на Руси было то, когда годъ начинался съ 1-го числа мѣсяца марта. Въ этомъ отношеніи русскіе слѣдовали древнимъ народамъ—египтянамъ, древнимъ грекамъ, римлянамъ. Но это было не единственное основаніе. Другимъ болѣе важнымъ основаніемъ къ тому, чтобы начинать годъ съ мѣсяца марта, было основаніе библейское. По сказанію Библии, Самъ Богъ заповѣдалъ Моисею и Аарону о мѣсяцѣ мартѣ такъ:

„Мѣсяць сей вамъ начало мѣсяцевъ, первый будетъ вамъ въ мѣсяцахъ лѣта“ (Исходъ XII, 2) и извѣстно, что израильтяне въ этомъ мѣсяцѣ праздновали важнѣйшее событіе своей исторіи, праздникъ Пасхи, въ память освобожденія отъ египетскаго рабства. Въ одной древней слѣдованной псалтири подъ 1-мъ марта написано: „Сей первый есть въ мѣсяцѣхъ мѣсяць, зане въ онъ началобитный свѣтъ сей видный и Адамъ сотворенъ бысть и вся тварь его ради, и въ рай введенъ. (Слѣдован. Пс., 1 марта). Въ житіи св. Стефана Пермскаго читаемъ: „Мартъ мѣсяць начало всѣмъ мѣсяцемъ, иже и первый наречется въ мѣсяцѣхъ, емуже свидѣтельствуеть Моисей законодавецъ, глаголя: мѣсяць же вамъ первый въ мѣсяцѣхъ да будетъ мартъ... Марта бо мѣсяца начало бытія—вся тварь Богомъ сотворена бысть отъ небытія въ бытіе, марта же мѣсяца въ 21 (25) день и первозданный человѣкъ, родоначальникъ Адамъ, рукою Божіею созданъ бысть (Пам. стар. р. лит., IV, 130). Наконецъ, причина того, почему какъ въ греческой, такъ потомъ и въ нашей русской Церкви мартъ мѣсяць былъ первымъ мѣсяцемъ въ году и началомъ древняго мартовскаго лѣтосчисленія, лежить въ христіанскихъ данныхъ, что видно изъ той же Слѣдованной Псалтири, гдѣ говорится: „Въ сей мѣсяць Богъ, не отступя престола величества Своего, сошелъ за человѣколюбіе на землю, яко дождь на руно, съ небесъ архангеловымъ благовѣщеніемъ, въ Пречистомъ чревѣ Преподобнословенныя Дѣвы Маріи отъ Духа Святаго плоть себѣ иства непостижимо, якоже Онъ вѣсть Самъ. Въ сей мѣсяць вольною страстію Его плотскою клятва потребяся, смертію Его смерть умертвися, и пресвѣтло живоначалнымъ Его воскресеніемъ изъ мертвыхъ Адама и весь родъ человѣчъ отъ ада возведенъ и въ первобытіе пакы приведенъ небесная наслѣдовати. Сего ради отъ перваго числа его начало приемяють вси крузи солнечни, и лунни, и вруплѣто“ и проч. (Слѣдован. Псалт., 1 марта). Какъ долго господствовало въ древней Руси мартовское лѣтосчисленіе—рѣшить трудно, но большинство историковъ держится того мнѣнія, что въ 14-мъ вѣкѣ его смѣнило лѣтосчисленіе сентябрское. Извѣстно, что на первыхъ порахъ мѣсяць септемврій былъ и у насъ по порядку седьмымъ въ году мѣсяцемъ, но въ 1342 году, при митрополитѣ Феогностѣ, возникло преніе о началѣ года, и соборомъ въ Москвѣ рѣшено было начинать какъ церковный, такъ и гражданскій годъ съ мѣсяца септемврія. Въ 1505 году послѣдовало новое подтвержденіе

праздновать церковно-гражданскій годъ съ этого же мѣсяца. Именно, соборъ, созванный въ это время относительно еретиковъ, подтвердилъ начинать новый годъ индиктомъ 1-го септемврія. Вводя эту перемѣну въ свое времясчисленіе, Церковь наша имѣла въ виду примѣръ Церкви греческой, установившей празднованіе поволѣтія съ 1 го септемврія въ память побѣды, одержанной Константиномъ Великимъ надъ врагомъ своимъ Максентіемъ, жестокимъ гонителемъ христіанства. Что касается, впрочемъ, народа, то ему трудно давалось это новое времясчисленіе, такъ какъ изстари онъ привыкъ начинать свой годъ съ марта. Поэтому, тогда какъ церковно-гражданскій годъ начинался съ мѣсяца септемврія, предъ нами въ частномъ, особенно въ сельско-хозяйственномъ быту, долго считали начало года по-старому, съ мѣсяца марта. Съ первымъ днемъ новаго года, т. е., съ 1-мъ числомъ мѣсяца септемврія, соединилось совершеніе особеннаго чина лѣтопровожденія или новаго индикта. Чинъ этотъ, по Потребнику 1639 года, состоялъ въ слѣдующемъ: мѣстомъ его совершенія обыкновенно назначалась Ивановская площадь въ Москвѣ, между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами. Здѣсь въ самой величественной обстановкѣ Патріархъ, въ присутствіи Царя и народа, совершалъ молебствіе о благословеніи наступающаго лѣта, и затѣмъ всѣ присутствовавшіе взаимно привѣтствовали другъ друга съ началомъ года. Послѣ этого молитвеннаго торжества предки наши старались ознаменовать начало новаго года дѣлами благотворительности. На этомъ, однако, не окончился измѣненіе въ способъ времясчисленія на Руси. Императоръ Петръ Великій, желая согласить съ календаремъ западно-европейскимъ начало новаго русскаго года, отмѣнилъ древнее лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра и указалъ вести времясчисленіе отъ Рождества Христова. Съ этою цѣлію Преобразователь Россіи издалъ въ 1699 году два указа: въ первомъ указѣ отъ 19 декабря онъ велѣлъ писать впредь съ 1 января во всѣхъ бумагахъ лѣта отъ Рождества Христова, а не отъ сотворенія міра, — „а буде кто не хочетъ“, говорилось въ этомъ указѣ, „то писать и отъ сотворенія міра и отъ Рождества Христова“. Во второмъ указѣ, послѣдовавшемъ на другой день послѣ перваго, раскрыта и самая причина перемѣны лѣтосчисленія, и сказано, какъ должно быть отпраздновано начало новаго столѣтняго вѣка въ Москвѣ. Такимъ образомъ съ Петра Великаго до настоящаго времени мѣсяць январь считается начальнымъ мѣсяцемъ новаго гражданского года, хотя Цер-

ковъ празднуетъ доселѣ свой собственный церковный годъ по старому 1-го сентября. «Вят. Е. В.»

— *Путь къ счастью.* Встрѣчаются люди, которые весь вѣкъ свой мечтаютъ и хлопочутъ о счастѣи и, однако, не достигаютъ его, никогда не бывають удовлетворены вполне, что и выражають желавіемъ новаго счастья себѣ и другимъ въ день новаго года. А между тѣмъ, счастье наше весьма близко къ намъ, и путь къ нему очень кратокъ и простъ для человѣка... Вотъ въ чемъ онъ состоитъ.

Былъ нѣкто учитель, знаменитый своими знаніями, который давно уже и усердно молился Богу, чтобы Онъ показалъ ему человѣка, отъ котораго бы могъ узнать онъ прямѣйшій путь, удобнѣе ведущій людей къ благу. Однажды, когда онъ молился усерднѣе обыкновеннаго, ему было повелѣніе выйти изъ келліи къ церковному преддверію. Вышелъ учитель, и у дверей церковныхъ онъ нашелъ нищаго старца, покрытаго язвами и ранами, въ бѣднѣйшемъ рубищѣ. Проходя мимо него, учитель сказалъ ему обычное привѣтствіе: „Добрый день тебѣ!“ А старецъ отвѣчалъ: „Не помню, чтобы для меня былъ какой-нибудь день недобрымъ“. Учитель остановился и, какъ бы исправляя свое первое привѣтствіе, промолвилъ: „Я желаю, чтобы Богъ далъ тебѣ счастье“. А старецъ отвѣчалъ: Я несчастливымъ никогда не бывалъ“. Тогда учитель сказалъ еще: „Желаю тебѣ того, чего ты самъ себѣ желаешь“. — „Я ни въ чемъ не нуждаюсь, — говорилъ старецъ, и имѣю, все, что желаю“. Учитель возразилъ: „Неужели ты одинъ счастливѣе между людьми? Стало-быть, несправедливы слова Іова: человекъ рожденъ отъ жены малолѣтень, исполнь гдѣва (пресыщенъ печальми, бѣдами) (Іов. 14, 1)? Не понимаю, какъ одинъ ты умѣлъ убѣждать несчастій?“ — „Нежеланіе счастья составляетъ мое счастье, — говорилъ старецъ, — и не забочусь о счастья и никогда не молюсь объ этомъ небесному Отцу и, такимъ образомъ, никогда не былъ и не нахожу себя несчастнымъ. Голоденъ ли я, — благодарю за то Бога. Холодно ли отъ непогоды, — также хвалю Бога. Смѣются ли всѣ надо мною, — равно хвалю Бога. Такимъ образомъ все: пріятное и противное, сладкое и горькое принимаю радостно, какъ отъ руки добраго отца, желаю только того, чего хочетъ Богъ, и потому все, что случается со мною, — случается уже какъ бы по моему желанію и согласно съ нимъ я забочусь лишь о томъ, чтобы хотѣть того, чего хочетъ Богъ, и не желать того, чего Онъ

не желаетъ; а потому нисколько и никогда и не считаю себя несчастливымъ“. Удивился учитель отвѣтамъ старца и понялъ ту истину, что кратчайшій путь для человека къ благу состоитъ въ томъ, чтобы не искать и не стремиться къ благу и счастью самому по себѣ, а быть во всемъ согласнымъ и всегда преданнымъ въ упованіяхъ своихъ неисповѣднымъ еудѣбамъ божественнаго Провидѣнія.

«Новг. Еп. Вѣд.».

— О соблюденіи общепринятыхъ приличій священникомъ. Въ каждомъ народѣ существуетъ, такъ сказать, особый кодексъ приличій, и соблюденіе этихъ приличій у каждаго народа издавна считалось признакомъ не только вѣжливости, но и большей или меньшей степени высоты нравственнаго состоянія человека. На это указываетъ уже свящ. писаніе Ветх. Завета. Исторія Авраама и другихъ патріарховъ, исторія Давида и Соломона указываютъ намъ на существованіе церемоніаловъ, уже довольно сложныхъ, при обѣдахъ, приемахъ гостей и т. п. Иисусъ Христосъ укоряетъ Симона фарисея за то, что онъ, позвавъ Его къ себѣ въ домъ, воды не далъ на ноги Его, лобзанія не далъ Ему, масломъ главы Его не помазалъ, т. е. укоряетъ за нарушеніе тѣхъ обычаевъ, кои соблюдались у евреевъ при встрѣчѣ гостей. Христіанская Церковь освятила новыя, высшія сравнительно съ дохристіанскими, правила приличій, сущность которыхъ состоитъ въ почтительности другъ къ другу, братской благожелательности, короче—въ христіанской любви къ ближнему.

Что знать правила приличій необходимо для священника,—невольно сознаетъ каждый священникъ: въ домахъ высшаго круга онъ чувствуетъ себя стѣсненнымъ именно тогда, когда замѣчаетъ, что онъ не знакомъ съ принятыми приличіями. Многіе священники не находятъ для себя пріятности бывать въ домахъ высшаго круга именно только по незнанію того, какъ тамъ вести себя. Но священникъ, обязанный, по заповѣди апостольской, быть всѣмъ вся, долженъ быть всегда готовымъ проводить минуты и часы въ семьяхъ не только бѣднаго незнатнаго люда, но и знатныхъ вельможъ. Миссіонеръ, отправляющійся въ совершенно невѣдомую ему страну, тщательно изучаетъ нравы и обычаи этой страны именно для того, чтобы не явиться тамъ человекомъ совершенно чуждымъ; подобнымъ образомъ долженъ вести себя и священникъ, поступающій на приходъ: онъ долженъ изучить правила приличій, принятыхъ въ той средѣ, на которую вліять опредѣлено ему Богомъ.

Но есть священники, которые, наоборотъ, слишкомъ большое значеніе придаютъ манерамъ свѣтскихъ людей и правиламъ ихъ приличій: они рабски слѣдуютъ этимъ примѣрамъ, вслѣдствіе чего унижаютъ священнической санъ болѣе, чѣмъ священники, совершенно уклоняющіеся отъ общепринятыхъ правилъ приличій. Такіе священники забываютъ, что свѣтскій человѣкъ и священникъ—понятія весьма различныя. Грустно-смѣшнымъ отзывается, когда священникъ не желаетъ въ обществѣ ни единымъ словомъ, ни единымъ жестомъ проявить присущую ему церковность.

Но какимъ образомъ усвоить себѣ формы приличій, достойныя священническаго сана, достойныя быть выраженіемъ евангельской любви къ ближнему и почтительности къ нему? Если кто изъ своего родительскаго дома и изъ школы не вынесъ съ собою благовоспитанныхъ приличій, пусть старается проводить время въ благовоспитанныхъ кружкахъ людей, пусть внимательно къ нимъ присматривается, пусть наблюдаетъ, какъ поступаютъ старшіе, но, главное, пусть пребываетъ осмотрительнымъ, скромнымъ, осторожнымъ въ словахъ и готовымъ къ услугамъ безъ униженія священническаго сана.

Само собою разумѣется, что не всѣ обычаи имѣютъ для священника обязательное значеніе; существуетъ много такихъ обычаевъ, исполненіе которыхъ священникомъ сопровождалось-бы униженіемъ его сана и даже насмѣшки. Поэтому священникъ долженъ знать не только правила общественныхъ приличій, но и то, какіе изъ этихъ правилъ для него обязательны и какихъ онъ, священникъ, исполнять не долженъ.

Священникъ долженъ въ своей жизни воплощать собою естественныя добродѣтели: доброту, благосклонность, прямодушіе, честность, признательность, трудолюбіе—вообще свойственныя каждому человѣку, а не только христіанину. Было бы величайшей ошибкой со стороны священника, если-бы онъ, взирая на себя всегда какъ на служителя алтаря Господня, въ то же время игнорировалъ при своемъ обращеніи съ людьми тѣ естественныя добродѣтели, которыя должны быть свойственны каждому человѣку. Нѣтъ, въ словѣ Божіемъ есть указаніе, что всѣ естественныя добродѣтели, которыя даже и міръ считаетъ обязательными для себя, должны быть выполняемы священникомъ, и что поэтому священникъ не долженъ удалаться отъ міра и того, что въ немъ есть добраго. Священникъ долженъ быть не только человѣкомъ и свя-

щенникомъ, но и гражданиномъ. Св. апостоль Павелъ (Дѣян. 16, 38) не считалъ лишнимъ называть себя гражданиномъ, указывая на это свое званіе римскимъ властямъ. Подобно апостолу Павлу, и мы—священники не должны забывать, что и мы имѣемъ права и обязанности гражданъ. Господь далъ намъ болѣе, чѣмъ другимъ лицамъ—власть учить и надѣлялъ насъ, священниковъ, сособою благодатію. Состоя гражданами своего отечества, мы не имѣемъ права скрывать дарованный намъ духовный свѣтъ подъ спудомъ, а должны вносить этотъ свѣтъ во всѣ благодѣтельные для нашего отечества общественныя учрежденія, быть въ весьма близкомъ и дѣятельномъ общеніи съ ними и заботиться объ ихъ процвѣтаніи. Было бы ошибкою думать, что единственная задача священника—имѣть всегда въ виду только міръ горній и въ то же время игнорировать міръ видимый съ его людскими учрежденіями. Съ другой стороны, было-бы также ошибкою думать, что наоборотъ, главная задача священника состоитъ въ томъ, чтобы приспособляться къ порядку существующихъ общественныхъ учреждений, мало заботясь о мірѣ свышнемъ. Нѣтъ, міръ виѣшній и міръ внутренній составляютъ единство въ Божіемъ домостроительствѣ. Прізваніе священника состоитъ въ томъ, чтобы, при посредствѣ міра видимаго, руководить другихъ къ достиженію благъ міра горняго.

Всѣ эти высказанныя сужденія даютъ основаніе утверждать, что законы гражданскаго общежитія требуютъ любви, согласія, долготерпѣнія, кротости, доброты, гуманнаго обращенія и уваженія къ личности. Поэтому-то и способы, яли манеры, служащія выраженіемъ этихъ прекрасныхъ человѣческихъ качествъ, никогда не должны быть называемы пустяками; хорошія манеры—это плодъ благородной души и честнаго христіанскаго ума. Надо замѣтить, что правила приличія развились именно у христіанскихъ народовъ. Кятайцы съ своими 30,000 церемоній остаются тѣмъ-же варварами, какими они были 2000 лѣтъ тому назадъ, и будутъ такими, пока не примутъ христіанство и пока христіанство не научитъ ихъ священнымъ чувствамъ любви и уваженія къ ближнимъ и манерамъ для выраженія этихъ чувствъ.

Можетъ быть, кто замѣтитъ: „это—не важная матерія; то и другое вѣдь мелочь“. Но дѣло въ томъ, что въ нашей священнической жизни и на мелочи надо обращать особое вниманіе. Кто-то и гдѣ-то сказалъ: „отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ“, мы же думаемъ, что отъ мелочи до дѣла важнаго разстояніе и того мень-

ше. Да и существуетъ ли какое-либо разстояніе между ними? Въ жизни христіанъ нѣтъ мелочи, или, правильнѣе, и мелочи имѣютъ важное значеніе.

Можетъ быть, и эти мелочи важны для священника. По крайней мѣрѣ лѣтъ 40—50 тому назадъ свѣтское общество требовало отъ русскаго священника и свѣтскости, и отсутствіе ея у него было одною изъ важныхъ причинъ, что свѣтское общество стояло почти вѣвѣ вліянія русскаго духовенства. Какъ извѣстно, Пушкинъ сожалѣлъ, что русское духовенство не принадлежитъ къ высшему обществу. Извѣстны также случаи, что свѣтское общество охотнѣе слушало религіозныя бредни какого-нибудь заѣзжаго англійскаго лорда, чѣмъ православныхъ священниковъ. Во всякомъ случаѣ священникъ не долженъ пренебрегать общепринятыми приличіями, если они не противны его знанію. «Под. Еп. Вѣд.».

— *Истинная и ложная свобода.* Въ настоящее время, когда во всѣхъ газетахъ сталъ злобой дня поднятый г. Стаховичемъ вопросъ о свободѣ совѣсти и другихъ всевозможныхъ свободахъ, не безъинтересно вспомнить слѣдующее мнѣніе современнаго иностраннаго мыслителя де-Сегюра по этому вопросу.

Многіе думаютъ, что существенный признакъ свободы есть полная возможность дѣлать безразлично добро или зло. Но въ этомъ заключается коренное заблужденіе. Возможность дѣлать зло не есть свобода и также не свойственна свободѣ, какъ возможность заблуждаться не составляетъ сущности позванія, и какъ возможность заболѣванія не составляетъ сущности здоровья. Нѣкоторые опредѣляютъ свободу, какъ уваженіе къ правамъ каждаго, но и такое опредѣленіе не точно. Уваженіе правъ личности есть необходимое условіе для того, чтобы каждый могъ стремиться безпрепятственно къ своей цѣли; но это не составляетъ сущности свободы. Въ нашихъ отношеніяхъ къ другимъ мы, безъ сомнѣвія, должны уважать истинныя права каждаго, но прежде всего мы, какъ христіане, обязаны воздавать уваженіе высшему и безусловному праву Самого Бога. Богъ ненавидитъ зло, въ какомъ бы видѣ оно ни проявлялось, допуская его существованіе во времени, чтобы покарать его въ вѣчности, и долготерпитъ дѣлающимъ злое, ожидая ихъ обращенія на путь добра. Всякое дѣйствительное право находитъ свое начало и основаніе въ Богѣ; потому зло, которое не отъ Бога происходитъ, не можетъ и не должно имѣть никакихъ дѣйствительныхъ правъ. Люди, творящіе зло, могутъ пользоваться

общечеловѣческими правами, наравнѣ съ другими, но не какими-либо особыми правами, *какъ дѣлатели зла*: невѣры, враги Церкви, нечестивцы, развратники и т. под. Всѣ, къ сожалѣнію, имѣютъ возможность быть таковыми, но никто не долженъ имѣть на это права. Никто не имѣетъ права обращать на служеніе злу и лжи средства, которыя дарованы человѣку Богомъ для служенія истинѣ и добру: умственные и душевныя способности, власть, богатство, науку.

Истинная и благая свобода распространяется на все. Для совѣсти человѣка и для каждой способности его ума и духа она есть возможность осуществлять волю Божию, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни и стремиться къ достиженію высшей христіанской цѣли земнаго существованія. Въ этомъ истинномъ своемъ смыслѣ свобода является всеобщимъ благомъ. Христіанская свобода совѣсти есть возможность для cadaго безо всякаго стѣсненія познавать единого истиннаго Бога, служить Ему исполненіемъ святыхъ Его заповѣдей и спастись вѣрой въ Божественнаго Искупителя, Сына Божія. Не такъ смотрѣть на это ложная свобода, которая силится овладѣть всѣмъ и проникнуть всюду подобно водѣ, проныкающей во всѣ связи и щели каменной стѣны, и незамѣтно, но неминуемо готовящей ей разрушеніе. Здѣсь свобода совѣсти, или такъ-называемая религіозная свобода, означаетъ предоставленіе каждому права служить Богу, какъ всякій самъ разумѣетъ и хочетъ, или даже вовсе не служить Ему; вѣрить не тому, что угодно Богу отереть намъ въ Своемъ Божественномъ Откровеніи, но чему каждый самъ пожелаетъ вѣрить. Иначе сказать, такая религіозная свобода равносильна полнѣйшему свободомыслію. Но нравственно ли и справедливо ли давать равныя права истинѣ и заблужденію, относиться съ равнымъ сочувствіемъ какъ къ добру, такъ и къ злу? Нравственно ли и разумно ли смотрѣть равнодушно на утвержденіе и распространеніе истины или лжи въ самыхъ важныхъ вопросахъ, касающихся не только земнаго благополученія, но и загробной участи человѣка въ вѣчности?—А между тѣмъ нынѣшнее искаженное понятіе о свободѣ именно этимъ и отличается: оно относится съ одинаковымъ уваженіемъ какъ къ добру, такъ и къ злу, какъ къ истинѣ, такъ и къ заблужденію; оно ставитъ на одну доску то, что губитъ, съ тѣмъ, что спасаетъ людей.

— *Расколъ, сектантство и инославныя вѣроисповѣданія въ Россіи* — Центральный статистическій комитетъ Мнистерства

Внутреннихъ дѣлъ на основаніи личныхъ показаній жителей, оспрещенныхъ при всеобщей переписи 1897 года, сдѣлалъ подсчетъ раскольниковъ, сектантовъ и лицъ инославныхъ вѣроисповѣданій въ Имперіи и далъ интересную разгруппировку ихъ.—При 87 миліонахъ православныхъ общее число во всей Имперіи старообрядцевъ, сектантовъ и уклоняющихся, 2.173.738, что въ отношеніи къ общему числу православныхъ 87 мил. составляетъ 4,40 процента. Въ томъ числѣ: 1) бѣглопоповцевъ перемазанцевъ 188.009, 2) приемлющихъ австрійское или бѣлокриницкое священство—269.049, 3) поморцевъ—300.247, 4) Федосѣевскаго толка—109.472, 5) Фялиповскаго толка—38.211, 6) странниковъ или бѣгуновъ—12.788, 7) нѣтовцевъ—110.672, 8) молоканъ—126.686, 9) духоборовъ—17.294, 10) штундистовъ—17.453, 11) немолякъ-воздыханцевъ—377, 12) жидовствующихъ—9.232, 13) хлыстовъ—4.217, 14) скопцовъ—922 и 15) не указавшихъ толка или секты—969.102.—Наибольшее число раскольниковъ и сектантовъ гнѣздится въ губерніяхъ Пермской (214.735), Саратовской (113.496) и Донской области (129.957). Гнѣздо рационалистическихъ сектъ (духоборы, молокане, штундисты, немоляки и жидовствующие)—Кавказъ, гдѣ послѣдователей ихъ насчитывается 78.987, а также губерніи Самарская, Саратовская и Астраханская, въ которыхъ рационалистовъ подсчитано 32.697. Мистическихъ сектъ (хлысты и скопцы) главнымъ образомъ ютится въ Оренбургской и Самарской губерніяхъ, а также въ Якутской области. Изъ всѣхъ уѣздовъ Имперіи, такъ-сказать, самымъ раскольничьимъ долженъ быть признанъ Шемахинскій уѣздъ, Баквннской губерніи, гдѣ раскольничье населеніе превышаетъ православное въ 878 разъ. Въ итогъ выяснено, что во всей Имперіи существуетъ 80 толковъ и сектъ, составляющихъ развѣтвленія 23 большихъ раскольничьихъ и сектанскихъ группъ.

Христіане инославные сосредоточены на западной окраинѣ—въ Фялиндіи, Балтійскомъ краѣ, Польшѣ и на южномъ Кавказѣ. Магометане занимаютъ сплошь среднюю Азію, проникая по Прпуралью до Казани, а на югѣ—по Кавказу и Крыму. Язычники разнаго рода вкраяены отъ Урала до Амурса и Камчатки.

Такою Россіи была за послѣднія 30 лѣтъ, однако по всѣмъ частямъ ея замѣчается нѣкоторое перемѣшиваніе населенія. Такъ, процентъ православныхъ въ коренной Россіи возвысился съ 84 до 81,8, но возросъ по окраинамъ: въ Балтійскихъ губерніяхъ съ

9% до 10%, въ Привислннѣ съ 0,2% до 7%, въ Средней Азіи съ 5% до 8,3%.

Католики уменьшились въ Привислннѣ съ 77% до 74,3%, но увеличились во множествѣ отдѣльныхъ русскихъ губерній. Протестанты въ Эстляндіи съ 95% уменьшились до 89%, въ Лифляндіи съ 80% до 79%, въ Курляндіи съ 82% до 76%. Но въ рядѣ другихъ мѣстностей процентъ протестантовъ сильно возросъ, вслѣдствіе очевиднаго движенія съ запада. Таковы, напр., Псковская губернія, Ковенская, Волинская, Черниговская, Екатеринославская, Самарская и др. Очень усиливается процентъ ихъ на Кавказѣ. Увеличеніе числа протестантовъ доходитъ до тревожной быстроты и силы въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, особенно потому, что выражаетъ не простое разселеніе нашихъ же Нѣмцевъ (что, конечно, даже желательно и полезно), но новый приливъ ихъ изъ-за границы.

Изъ остальныхъ исповѣданій—процентъ евреевъ увеличился рѣшительно по всѣмъ губерніямъ, какъ въ чертѣ осѣлости, такъ и внѣ ея, до отдаленнѣйшихъ предѣловъ Имперіи. Въ Московской губерніи онъ отмѣченъ возросшимъ съ 0,05% до 0,36%, то-есть въ 7 разъ.

Ростъ магометанскаго исповѣданія производятъ еще болѣе грозное впечатлѣніе. Только въ немногихъ губерніяхъ процентъ магометанъ нѣсколько уменьшился, напр., въ Нижегородской губерніи, Пензенской, Самарской и Таврической. На Кавказѣ процентъ магометанъ также уменьшился съ 46% до 34%. Въ остальныхъ губерніяхъ онъ повсюду возросъ. Если мы возьмемъ Волжско-Уральскую полосу, гдѣ сплошное Православіе Средней Россіи уже нѣсколько столѣтій сталкивается со сплошнымъ магометанствомъ Средней Азіи, то на пространствѣ Пермской, Казанской, Вятской, Нижегородской, Пензенской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Уфимской, Оренбургской и Астраханской губерній найдемъ:

	1867 г.	1897 г.
Православные	12.209.000	17.922.009
Магометане	1.960.000	3.269.000

Это значитъ, что за 30 лѣтъ число магометанъ увеличилось на 67%, а православныхъ только на 47%. Въ отдѣльныхъ случаяхъ соотношеніе силъ представляется еще болѣе разительнымъ. Въ Казанской губерніи, одномъ изъ центровъ русской культуры, про-

центъ православныхъ къ цѣлому населенію понизился съ 71% до 69%, а въ Астраханской съ 69% дошелъ до 52%. Процентъ же магометанъ въ Астраханской губерніи повысился съ 7% до 30%!

Такова сила у насъ Ислама, который въ 1867 году считалъ своихъ послѣдователей у насъ 5½ милліоновъ, а къ 1897 году, черезъ разпоженіе, прозелитизмъ и отчасти присоединеніе къ намъ новыхъ магометанскихъ областей насчитываетъ 13½ милліоновъ.

«Моск. Вѣд.»

— *Увеличеніе кредита по сметѣ Вѣдомства Святѣйшаго Синода въ 1902 г.* Въ 1 № Правительственнаго Вѣстника напечатанъ всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1902 годъ. Изъ этой росписи явствуется, что обыкновенныхъ доходовъ въ 1902 году ожидается 1800 слишкомъ милліоновъ рублей, а расходовъ 1775 слишкомъ милліоновъ рублей. Чрезвычайныхъ же расходовъ предполагается сдѣлать на 170 слишкомъ милліоновъ, которыя покроются частію остатками отъ обыкновенныхъ доходовъ (почти 25 милліоновъ руб.), частію же свободными капиталами Государственнаго казначейства. Вѣдомству Святѣйшаго Синода отпущено будетъ 27.954.151 руб. на 4 слишкомъ милліона болѣе, чѣмъ въ прошломъ году, какъ это видно изъ слѣдующаго сопоставленія росписи 1902 года съ расходами по росписи 1901 года.

	Назначеніе по росписи 1902 года. Р у б л и.	Расходы по росписи 1901 года. Р у б л и.
Центральное управленіе	296.301	295.301
Духовныя консисторіи и правленія, епархі- альная канцелярія, кафедральные соборы и викаріе епископы	1.684.238	1.681.238
Лавры и монастыри	423.411	423.411
Городское и сельское духовенство, миссіи и миссіонеры	10.945.019	10.454.647
Духовно-учебныя заведенія	12.999.676	9.386.806
Православныя духовныя учрежденія за границею	157.754	155.104
Расходы строительныя и содержаніе зданій	687.278	713.778
Расходы разнаго рода	656.133	573.323
Расходы въ счетъ смѣты будущаго года .	104.341	100.201
Итого по Святѣйшему Синоду .	27.954.251	23.783.809

— *Электрическое освѣщеніе въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.*— Съ 1-го января 1902 года въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ во всѣхъ безъ исключенія зданіяхъ и комнатахъ устроено электрическое освѣщеніе взамѣнъ керосиноваго. Духовенству Харьковской епархіи, воспитывающему дѣтей своихъ въ этомъ училищѣ, нельзя не порадоваться этому нововведенію. Электрическое освѣщеніе, не говоря о выгодѣ его для училища сравнительно съ керосиновымъ, оказывается незамѣнимымъ въ гигиеническомъ отношеніи. Оно не производитъ порчи воздуха и дѣйствуетъ на зрѣніе лучше всякаго другого освѣщенія. Наши вѣки, независимо отъ нашего сознанія, закрываются тѣмъ чаще, чѣмъ глаза болѣе утомлены. Такимъ образомъ то освѣщеніе нужно признать болѣе вреднымъ, которое вызываетъ наибольшее смыканіе вѣкъ. Произведенные опыты показали, что свѣтъ восковой свѣчи вызываетъ у человѣка подвергшагося наблюденіямъ $6\frac{1}{2}$ моргавій въ минуту, газовый свѣтъ— $2\frac{1}{2}$ (керосиновый занимаетъ средину между свѣтомъ свѣчи и газа), солнечный $2\frac{1}{2}$ и электрической только $1\frac{1}{2}$. Очевидно, что электрическое освѣщеніе, утомляющее глаза почти вдвое менѣе, чѣмъ солнечный свѣтъ, должно быть признано за наилучшее, въ виду чего нельзя не пожелать широкаго распространенія его въ учебныхъ заведеніяхъ.

— *Чудесное исцѣленіе больной параличемъ.*— Помѣщикъ Зміевскаго уѣзда, губернской секретарь г. Андрей Рядновъ сообщилъ редакціи Русскаго Паломства (№ 51—1901 г.) о слѣдующей милости Божіей, явленной въ предѣлахъ нашей губерніи. Жена титулярнаго совѣтника Юлія Петровна Живковичъ, живущая въ имѣніи при деревнѣ Вунаковкѣ, Зміевскаго уѣзда, Харьковской губерніи, три года слишкомъ тому назадъ заболѣла тяжелою болѣзнію, называемою „истерическимъ параличемъ ногъ“ и искривленіемъ лѣвой ноги. Несмотря на всѣ принятыя мѣры, медицина осталась безсильной поднять ее на ноги, хотя и профессоръ, и докторъ давали надежду на выздоровленіе. Въ послѣднее время съ іюля с. г. больная совершенно не лѣчилась, а потому чувствовала ухудшеніе во всемъ организмѣ. Въ концѣ октября мужъ ея, Александръ Петровичъ Живковичъ, случайно узналъ, что вблизи его имѣнія, въ слободѣ Дмитровкѣ, Изюмскаго уѣзда, временно находится чудотворная икона „Песчанской“ Божіей Матери, принесенная туда изъ с. Песокъ, того-же уѣзда. О существованіи этой иконы Живковичи до сихъ поръ не знали, почему у нихъ только теперь и яви-

лась мысль взять эту святыню къ себѣ въ домъ. Съ разрѣшенія преосвященнаго епископа Иннокентія 29-го октября чудотворный образъ Божіей Матери былъ принесенъ въ домъ гг. Живковичъ, гдѣ при громадномъ стеченіи народа, начался молебенъ съ акаѳистомъ Покрову Пресвятой Богородицы. Во время чтенія кондака „О вселѣтая Мати“ больная почувствовала свободу движенія въ ногахъ настолько, что могла двигать и шевелить пальцами. По окончаніи молебна (служилъ псковскій священникъ, прибывшій со святой иконой, о. Александръ Яковлевъ), больную подвезли въ вресль на колесахъ къ образцу и хотѣли приложить ее, но больная попросила помочь ей встать. Приложившись къ святой иконѣ, она сразу почувствовала, что стоитъ на ногахъ, и со словами: «Встала, стою!» сдѣлала нѣсколько шаговъ совершенно смѣло, легко, безъ боли и затѣмъ принимала участіе въ обхожденіи съ образомъ вокругъ комнатъ. Въ настоящее время г-жа Живковичъ продолжаетъ чувствовать себя хорошо и понемногу ходить. Объ исцѣленіи Ю. П. Живковичъ тотчасъ-же былъ составленъ актъ за подписью присутствующихъ и переданъ причту Псковской церкви.

— *Паломничество учениковъ церковно-приходскихъ школъ г. Сумъ.* 24-го числа минувшаго мая учащими и учащимися въ Сумскихъ городскихъ церковно-приходскихъ школахъ, а также ближайшихъ къ г. Сумамъ сельскихъ, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, по предложенію уѣзднаго наблюдателя священника о. Симеона Недѣльки, совершенно было паломничество въ отстоящее на 15 верстъ отъ Сумъ село Шпилеву на поклоненіе чудотворному и мѣстному образу Пресвятыя Богородицы, именуемья „Корсунская“.

Чтобы паломничество не было особенно утомительнымъ для дѣтей, рѣшено было выйти изъ Сумъ 24 ч., сдѣлать въ Шпилевкѣ ночлегъ, 25 го отслушать литургію и молебенъ Божіей Матери и возвратиться обратно домой.

Не малую заботу для о. Наблюдателя представляло то обстоятельство, чтобы по возможности удобнѣе устроить дѣтямъ въ Шпилевкѣ ночлегъ, а такъ-же и покормить ихъ. Въ этомъ случаѣ со всею искреннею расположенностію пришелъ на помощь мѣстный богатый землевладѣлецъ Н. А. Сухановъ, имѣніе котораго находится въ с. Шпилевкѣ. Г. Сухановъ изъявилъ готовность устроить для дѣтей все, что только возможно, отъ себя, принявши всѣ расходы по угощенію ихъ за свой счетъ. Столь любезное предложеніе Г. Суханова принято было о. наблюдателемъ съ глубокою благо-

дарностію. Еще раньше 24-го, дѣти-школьники, извѣщенные своими завѣдывающими о предстоящемъ маленькомъ путешествіи на поклоненіе чтимому образу Богоматери, съ нетерпѣливѣмъ ожидали желаннаго дня.

Наступило 24-е мая. Съ ранняго утра дѣти, одѣтыя въ праздничныя костюмчики, собрались около своихъ школъ, а къ 8 час. утра обширный храмъ Сумскаго собора наполнился учащимися и завѣдующими школами. Всѣхъ дѣтей—школьниковъ собралось болѣе 700 человекъ. Настоятель собора (онъ-же и предсѣдатель уѣзд. отд.) протоіерей о. Василій Никольскій вмѣстѣ съ уѣздн. наблюд. и нѣкоторыми завѣдующими совершилъ напутственный молебенъ, который дѣти пѣли сами. Общее впечатлѣніе, вынесенное очевидцами отъ этого простого, но стройнаго пѣнія, было прекрасное. Послѣ молебна учащіеся въ предшествіи протоіерея о. В. Никольскаго и уѣзднаго наблюдателя отправились въ путь. Всѣ школы шли по городу въ строгомъ порядкѣ, каждая школа отдѣльно отъ другой на небольшомъ разстояніи одна во главѣ своихъ завѣдующихъ и учителей.

Доброе и отрадное впечатлѣніе производила на постороннихъ зрителей эта масса идущихъ дѣтей—паломниковъ съ сіяющими отъ радости личиками отъ данной имъ возможности помолиться предъ образомъ Пречистой Богородицы на мѣстѣ чуднаго Ея явленія. Такъ какъ время было жаркое и на пути отъ Сумъ къ Шпилевкѣ нѣтъ жилыхъ поселковъ, въ которыхъ можно было-бы достать воды, чтобы утолить жажду, то о. наблюдатель позаботился черезъ каждыя 4 версты поставить бочку воды. Когда стали подходить къ Шпилевкѣ и издали уже виденъ былъ Шпилевскій храмъ, то на лицахъ дѣтей появился необыкновенный восторгъ, и они, забывши усталость отъ пройденнаго пути, почти всѣ сгруппировались около о. наблюдателя и подъ его руководствомъ запѣли пѣснь Богородицѣ: „Не имамы нынѣ помощи“... Необыкновенно трогательное впечатлѣніе на посторонняго и всякаго вѣрующаго человека произвелъ тотъ моментъ, когда путники вступили въ Шпилевку и спускаясь съ горы подходили къ мѣстному храму. Видя издали приближеніе дѣтей къ храму, пр. В. Никольскій, взявши св. икону Богоматери съ нѣсколькими священниками, въ предшествіи хоругвей, при колокольномъ звонѣ, окруженный дѣтьми деревенскихъ школъ, которыхъ было до 300 человекъ, вышелъ на встрѣчу къ нимъ. Когда маленькіе паломники уже близко подошли къ

храму и остановившись, то въ это время о. протоіерей, поднявши св. образъ Богоматери, осѣнилъ имъ прибывшихъ, и всѣ дѣти сразу, какъ одинъ человѣкъ, опустились на колѣни съ глубоко-прочувствованнымъ пѣніемъ пѣсни Богород. „Подъ Твою милость прибѣгаемъ“... При видѣ такой картины у многихъ въ здѣсь присутствующихъ крестьянъ невольно выступили слезы умиленія. Приложившись къ образу Богоматери, дѣти приглашены были г. Сухановымъ на ужинъ, который былъ устроенъ имъ недалеко отъ церкви, среди роскошнаго лѣса на большой полянѣ. Сюда по распоряженію его привезена была передвижная кухня, на которой и былъ приготовленъ сытный ужинъ. Все необходимое къ столу, какъ посуда, ложки, скатерти и проч. было доставлено тѣмъ-же г. Сухановыхъ. Когда готовъ былъ ужинъ, дѣти по предложенію о. наблюдателя выстроились и пропѣли молитву Господню. По истинѣ умилительна была и эта картина, когда въ вечерней тишинѣ, могучій лѣсъ огласился 1000 дѣтскихъ голосовъ, возносящихъ чисто дѣтскою душою прошеніе, благодареніе и славословіе Отцу Небесному. Такъ-какъ во время ужина было уже темно, то по распоряженію г. Суханова поляна, на которой расположился дѣти, освѣщена была со всѣхъ сторонъ громадными кострами. Поужинавъ и поблагодаривъ хозяина, паломники отправились на ночлегъ, который для дѣвочекъ и учительницъ былъ устроенъ въ земской школѣ, а для мальчиковъ и учителей въ странно-пріимномъ помѣщеніи мѣстной церковно-приходской школѣ.

На другой день, т. е. 25 мая, съ ранняго утра можно было видѣть собравшихся въ церковной оградѣ группами и съ нетерпѣніемъ ожидающихъ начала литургіи. Наконецъ въ 7 ч. утра раздался благовѣстъ и въ нѣсколько минутъ небольшой Шпилевскій храмъ наполнился юными богомольцами. Началась литургія, которую торжественно совершалъ о. прот. В. Никольскій соборне съ четырьмя священниками и 2 діаконами. Всю литургію дѣти пѣли сами, на два хора, подъ управленіемъ діаконъ—учителей; нѣкоторыя пѣснопѣнія какъ: „Вѣрую... Отче нашъ“... и вмѣсто причастнаго стиха „Подъ Твою милость“ исполнены были всѣми учащимися. Послушать общее пѣніе дѣтей и помолиться вмѣстѣ съ ними къ литургіи прибыли многіе изъ гражданъ г. Сумъ. Послѣ литургіи совершенъ былъ молебенъ Пресв. Богородицѣ, тоже стройно и величественно пропѣтой дѣтьми. По окончаніи молебна всѣ учащіе и учащіяся подошли къ кресту, окроплены были св. водою и

приложились къ чудотворному образу Богоматери. На память объ этомъ паломничествѣ Протоіерей о. В. Никольскій роздалъ всѣмъ дѣтямъ крестики.

По выходѣ изъ храма дѣти снова приглашены были г. Сухановымъ въ лѣсъ.—Здѣсь имъ поданъ былъ чай съ булками. Отпивши чай, дѣти гуляли по лѣсу, а многіе, собравшись въ кружки, подъ управленіемъ кого-либо изъ своей же среды, пѣли разныя духовныя пѣсни. Часа въ 2 по полудни г. Сухановымъ предложено было какъ дѣтямъ, такъ и завѣдующимъ и учителямъ обѣдъ, въ концѣ котораго всѣмъ учащимся розданы были въ изобиліи лакомства, состоящія изъ пряниковъ, конфетъ и орѣховъ. Часовъ въ 5 веч. предъ возвращеніемъ домой, по предложенію о. наблюдателя, всѣ дѣти выстроились и окруживъ кольцомъ г. Суханова принесли ему глубокую благодарность за столь радушный пріемъ ихъ и пропѣли „многая лѣта“. Растроганный до слезъ такою дѣтскою признательностію, г. Сухановъ сказалъ, что онъ очень радъ, что могъ доставить имъ хотя небольшое удовольствіе, что и въ будущемъ готовъ не отказать въ своей матеріальной помощи на доброе дѣло. Чтобы дѣти не утомились обратнымъ путешествіемъ, онъ сдѣлалъ уже распоряженіе объ отпавкѣ ихъ на экономпческіхъ его лошадяхъ и волахъ. Дѣти еще разъ отвѣтили глубокою благодарностію за такую его любезность.

Отъ лица всѣхъ завѣдующихъ школами здѣсь бывшихъ, а такъ же и учителей благодарилъ г. Суханова о. наблюдатель, сказавши при этомъ, что хотя г. Сухановъ оффиціально и не стоитъ близко къ церковно-школьному дѣлу, но это нисколько не помѣшало ему отечески отнестись къ обучающимся въ церковныхъ школахъ дѣтямъ и оказать имъ радушный пріемъ, сопряженный съ немалыми расходами, на что г. Сухановъ отвѣтилъ, что для такого добраго дѣла онъ всегда готовъ сдѣлать возможное. Затѣмъ собраны были всѣ дѣти и веселыя и радостныя вышли изъ лѣса на дорогу, гдѣ уже стояли въ ожиданіи ихъ болѣе 30 гарбъ, запряженныхъ волами и столько же лошадиныхъ подводъ, которыя принявъ маленькихъ путниковъ, подъ надзоромъ о. наблюдателя, отправились обратно въ городъ. При въѣздѣ въ г. Сумы, дѣти встали съ экипажей и собравшись всѣ вмѣстѣ около о. наблюдателя съ особеннымъ восторгомъ благодарили его за доставленное удовольствіе.

Такъ совершилось маленькое паломничество учащихся въ Сум-

скихъ церковно-приходскихъ школахъ дѣтей, которое, какъ сами выразились, надолго останется для нихъ памятнымъ и составитъ одно изъ лучшихъ воспоминаній изъ ихъ школьной дѣтской жизни.

Священникъ А. Бѣляевъ.

— 50-лѣтній юбилей священства *И. Л. Янышева*. 30 декабря исполняется пятидесятилѣтне священства духовника Ихъ Императорскихъ Величествъ—*И. Л. Янышева*.

Отецъ Іоанъ Леонтьевичъ Янышевъ родился въ 1826 году въ Калужской губерніи. Окончивъ курсъ въ Петербургской Академіи въ 1849 году первымъ магистромъ, онъ былъ оставленъ при ней бакалавромъ, но вскорѣ поступилъ священникомъ въ Висбаденъ. Въ 1856 году юбиляръ былъ приглашенъ въ Петербургскій Университетъ на профессорскую кафедру богословія и философіи; въ 1864 году онъ былъ приглашенъ къ преподаванію Закона Божія и русскаго языка Августѣйшей Невѣстѣ Цесаревича Александра Александровича, нынѣ вдовствующей Государинѣ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, а черезъ два года, въ октябрѣ, назначенъ ректоромъ Петербургской Духовной Академіи. Здѣсь онъ много потрудился въ работахъ Высочайше учрежденнаго комитета по преобразованію духовныхъ академій. Особенно много трудовъ потребовало отъ отца Янышева практическое осуществленіе новаго, выработаннаго комитетомъ, устава духовныхъ академій. Помимо управленія Академіей по всѣмъ ея частямъ: учебной, воспитательной и хозяйственной, редактировалъ журналъ *Христіанское Чтеніе*. Въ 1883 году онъ былъ назначенъ на высокій постъ духовника Ихъ Императорскихъ Величествъ и законоучителя Августѣйшихъ Дѣтей Государя Императора Александра III, а вмѣстѣ и завѣдующаго придворнымъ духовенствомъ. Изъ этой краткой справки видно, что пастырская дѣятельность о. Іоанна Леонтьевича была соединена съ труднѣйшимъ долгомъ *представительства* то въ качествѣ настоятеля русской церкви за границей, то профессора-богослова въ высшей свѣтской школѣ, то главы высшей духовной школы, то, наконецъ, въ качествѣ высшаго духовнаго сановника при русскомъ Царствующемъ Домѣ. Но такія исключительныя обстоятельства не могутъ быть случайны! Отецъ Іоаннъ Леонтьевичъ выдвинутъ былъ на столь отвѣтственный постъ въ силу своихъ личныхъ дарованій, вполне соответствующихъ трудности принятой имъ на себя задачи. Его дѣятельность показываетъ,

что онъ оправдалъ всѣ возложенныя на него надежды. И какъ проповѣдникъ, и какъ блюститель интересовъ православной церкви за границей, стремившійся привлечь въ ея лоно всѣхъ, кто испытывалъ душевный гнетъ подъ игомъ вѣковыхъ промаховъ западныхъ исповѣданій, о. Іоаннъ Леоптьевичъ былъ однимъ изъ виднѣйшихъ церковно-общественныхъ дѣятелей.

Какъ учитель слова Божія, Іоаннъ Леоптьевичъ производилъ сбоятельное вліяніе на всѣхъ своихъ слушателей. Его проповѣди, произнесенныя и въ академической, и въ приходскихъ церквахъ столицы, были своего рода событіемъ и обсуждались даже въ салонахъ. Это былъ глубоко-правдивый, проникнутый истинно-христіанскою идеей откликъ на самыя животрепещущіе вопросы 60—70 годовъ. Съ присущимъ только І. Л. Янышеву даромъ церковнаго ораторства, сплошъ убѣжденія и убѣдительности, проповѣдникъ раскрывалъ предъ своими слушателями яркую картину современности, поощряя на путь добра, заграждая порывы въ сторону губельныхъ увлеченій, которыми такъ богата эпоха 60—70 годовъ. Время великихъ реформъ Царя-Освободителя, паденіе крѣпостнаго рабства и нелѣпыя, связаннае съ этою реформой толкы, славянскій вопросъ, обогрившій Балканы кровью русскихъ воиновъ, неслыханныя крамолы и злодѣйскія покушенія на жизнь Государя, закончившіяся временнымъ торжествомъ подпольныхъ силъ русской земли,—вотъ главнѣйшіе сюжеты, на которыхъ была сосредоточена мысль церковнаго оратора

Нужно замѣтить, что І. Л. принадлежитъ къ числу тѣхъ истинно-ораторскихъ натуръ, надлежащее понятіе о силѣ которыхъ не можетъ дать ихъ рѣчь въ формѣ мертвой—записанной. Эти вдохновенные властители человѣческаго сердца во всемъ своемъ колоссальномъ могуществѣ позваются только непосредственно, когда своими ушами слышишь ихъ слово. Только въ эти моменты можно оцѣнить такихъ ораторовъ! Только тогда можно услышать тотъ трепеть, который проникаетъ до глубины души! Это—характерная черта великихъ ораторовъ, сразу выдѣляющая ихъ изъ ряда, такъ сказать, кабинетныхъ учителей, печатное слово которыхъ читается съ одинаковымъ, а нерѣдко и съ большимъ интересомъ, чѣмъ изустное... Эти послѣдніе могутъ быть и глубоко-учены, и проникнуты силой неумолимой доказательности, но для печатнаго ораторства—у нихъ нѣтъ «дарованія Духа» (1 Кор. 12, 7—11)!..

Кромѣ трудовъ проповѣдническихъ, пастырская дѣятельность І. Л. Янышева ознаменовалась трудами по выясненію вопросовъ о сближеніи христіанъ западныхъ исповѣданій съ русскою церковью. По пріѣздѣ въ Висбаденъ молодой, увлекающійся богословъ былъ пораженъ тѣмъ раздоромъ, который, царилъ въ церквахъ римско-католической и лютеранской. Уже тогда среди католиковъ ясно обрисовалось стремленіе къ провозглашенію папской непогрѣшимости, а въ мірѣ протестантскомъ царилъ ложный рационализмъ, стремившійся подорвать христіанство въ самомъ корнѣ. Чутко прислушиваясь къ броженіямъ западно-европейской богословской мысли, русскій богословъ старался сблизиться съ тѣми представителями Запада, которые старались сдѣлать отпоръ необузданнымъ притязаніямъ католичества. Папство уже сдѣлало свое дѣло и въ 1870 году провозгласило непогрѣшимость римскаго первосвященника. Но изъ среды самихъ же католиковъ нашлись ревнители старины (старокатолики), которые возбудили вопросъ о незаконности папскихъ нововведеній. Со стороны русскихъ богослововъ положить начало «соединенію церквей», о чемъ такъ всегда молятся православная церковь, Промыслъ судилъ выступить І. Л. Янышеву. На Бонскихъ конференціяхъ, гдѣ сошлись богословы Запада и Востока, І. Л. принималъ живое и непосредственное участіе, знакомя и русскую публику съ ученіемъ старокатоликовъ, стараясь возбудить въ ней интересъ къ движенію. А когда начались международные старокатолическіе конгрессы, онъ былъ здѣсь однимъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей, обращавшихъ на себя взоры всѣхъ западныхъ богослововъ.

Неизвѣстно, что дастъ старокатолицизмъ въ будущемъ: заглотнетъ-ли это движеніе, или возродится съ новой силой, будетъ-ли услышано моленіе православной церкви, или „до исполненія времени“ Западъ останется въ своемъ ожесточеніи, — такъ или иначе, но доброе начало, связанное съ именемъ І. Л. Янышева, останется незабвеннымъ памятникомъ его пастырскихъ заботъ, — «да вси едино будутъ»...

«Р. Ц.»

— *Преосвященный Діонисій, первый епископъ Якутскій.* (По поводу исполнившагося 30-тилѣтія Якутской епархіи). Въ декабрѣ прошлаго года исполнилось тридцать лѣтъ со времени учрежденія Якутской епархіи. По этому случаю весьма своевременно почтить память одного изъ замѣчательнѣйшихъ православныхъ

іерарховъ нашего времени, покойнаго преосвященнаго Діонисія, перваго епископа Якутскаго.

Этотъ выдающійся церковный дѣятель много потрудился въ дѣлѣ проповѣди Слова Божія среди Якутовъ, которые до самаго конца жвзни святителя искренно читли его, какъ своего просвѣтителя и пастыря, не щадившаго даже жвзни своей для обращенія ихъ ко Христу. Искренняя любовь Якутовъ къ преосвѣщенному Діонисію становится понятною, если вспомнить, что онъ провелъ 43 года своей жвзни въ миссіонерскихъ трудахъ среди Якутовъ. Плодомъ этой просвѣтительной дѣятельности преосвященнаго Діонисія было—созданіе Якутской письменности и грамматики, которыхъ раньше не существовало. Благодаря сему, дѣло перевода священныхъ и богослужебныхъ книгъ быстро осуществилось. Въ 1857 году протоіерей Дмитрій Хитровъ (впослѣдствіи епископъ Діонисій) былъ посланъ преосвященнымъ Иннокентіемъ въ Москву для напечатанія этихъ книгъ на якутскомъ языкѣ. Черезъ это явилась возможность озарить этотъ языческій народъ, пребывавшій во тьмѣ и сѣни смертной, свѣтомъ Христова ученія. И новообращенные Якуты, въ усердія своей младенческой вѣры, всѣмъ сердцемъ оцѣнили это великое счастье: ежегодно вспоминаютъ они радостный для нихъ день—19 іюля 1858 года, когда впервые слышали они церковное чтеніе Слова Божія и полное богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ, и молятся въ этотъ день объ упокоеніи своего просвѣтителя и добраго пастыря, преосвященнаго Діонисія. Преосвященный Діонисій, въ мірѣ Дмитрій Хитровъ родился 22 октября 1818 года въ Рязанской епархіи, въ семьѣ бѣднаго сельскаго дьячка с. Хитрова, Данковскаго уѣзда. Въ 1839 году, послѣ смерти родителей, онъ остался круглымъ сиротой. Окончивъ въ 1840 году Рязанскую духовную семинарію по 1-му разряду, онъ вступилъ въ бракъ и, какъ лучшій изъ окончившихъ курсъ, назначенъ былъ въ миссію въ Томскую и Иркутскую епархіи, гдѣ и началось его миссіонерское служеніе. Приснопамятнымъ преосвященнымъ Иннокентіемъ онъ былъ рукоположенъ во священника въ 1841 году и съ этого времени до 1883 года ревностно подвизался среди Сибирскихъ инородцевъ, сначала въ санѣ священника, а съ 1868 года—въ санѣ епископа. Трудно представить себѣ немовѣрные подвиги этого миссіонерства среди глубозыхъ снѣговъ, непроходимыхъ тундръ

и при морозахъ, достигающихъ нерѣдко 50°. Самъ преосвященный Діонисій рассказывалъ о своихъ миссіонерскихъ поѣздкахъ: „Морозъ. . . дыханіе захватываетъ, кое-какъ доберешься на собакахъ или оленяхъ до юрты, разведешь огонь отогрѣваться; грѣешь руки, лицо, грудь, а спина мерзнетъ; повернешься къ огню спиной—руки и лицо мерзнутъ. Наконецъ, въ юртѣ становится невыносимо душно и бурно отъ дыма. Выйдешь, да такъ и просидишь ночь на морозѣ. Страшно и опасно ѣхать въ этотъ ледяной край, гдѣ солнце въ зимнее время около двухъ мѣсяцевъ не является на горизонтѣ, а въ лѣтнюю пору столько же времени не заходитъ. Въ первомъ случаѣ невозможно при постоянной темнотѣ предпринять дальняго путешествія, а во второмъ—невыносимый жаръ отъ солнца, накаливая землю и воздухъ цѣлые два мѣсяца, доводитъ путника до крайняго изнеможенія. Къ тому же безпредѣльными пространства тающихъ болотъ и грязей, надъ которыми тучами кишатъ комары, оводы и другія насѣкомыя, а также проливные дожди, паводняющіе ручья и рѣчки, опаснѣе для путника, чѣмъ зимніе жестокіе морозы. И лѣтомъ и зимой въ здѣшнихъ мѣстахъ много случаевъ неожиданной смерти. Слава Богу, даровавшему намъ силы и крѣпость къ перенесенію трудовъ и хранившему насъ невредимымъ во всѣхъ входахъ и исходахъ нашихъ странствій!“ При подобныхъ условіяхъ преосвященному Діонисію неоднократно приходилось объѣзжать самые отдаленные края Якутской епархіи, просвѣщая языческій народъ свѣтомъ Евангельскаго благовѣстія. Такіе объѣзды простирались иногда на 7.000 верстъ отъ Якутска: къ сѣверу, внизъ по Ленѣ до Ледовитого океана, чрезъ Верхоянскъ и Колымскъ до Шелагскаго мыса и далѣе къ Чукотскому носу; къ западу—до Тунгусовъ, обитающихъ въ Туруханскомъ и Вилюйскомъ округахъ. Преосвященный Діонисій совершилъ также миссіонерское путешествіе по необитаемымъ безлѣснымъ пространствамъ тундры на Жиганскъ, Булуунъ, къ Выхову носу, къ устью Лены и на острова Медвѣжьи на Ледовитомъ океанѣ. Его проповѣдь слова Божія между Якутами, Тунгусами, Чукчамъ и Юкагирами имѣла послѣдствіемъ обращеніе многихъ сотенъ этихъ язычниковъ въ св. православную вѣру. Въ наше время смутныхъ исканій идеаловъ внѣ христіанства ярко свѣтитъ намъ этотъ выдающійся примѣръ истиннаго героизма православнаго церковнаго пастыря, готоваго „положить душу

за други своя". И всюду, на всѣхъ путяхъ жизни Господь чудесно хранилъ своего вѣрнаго служителя, избавляя его отъ безчисленныхъ опасностей, и привелъ его на склонѣ дней еще плодотворно потрудиться на каеедрѣ Уфимской. Здѣсь, окруженный уваженіемъ Уфимской паствы, догоралъ этотъ церковный свѣтильникъ, величественный старецъ, преосвященный Діонисій, сохраняя, несмотря на свои тяжкіе недуги, необыкновенную силу духа. Слава его миссіонерскихъ подвиговъ, совершенныхъ безмолвно, съ истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ на далекихъ ледяныхъ окраинахъ Сибири, распространилась, однако, далеко за ея предѣлы, и не только Русскіе, но и многіе иностранцы искали случая увидѣть святаго и воотчю убѣдиться, что существуютъ въ наше скудное подвигами время челоуѣкъ такого необыкновеннаго христіанскаго самоотверженія.

Во время своихъ апостольскихъ трудовъ среди Якутовъ преосвященный Діонисій однажды выразился о себѣ такъ:

„Монаху нечего терять; если доведется умереть на дѣлѣ проповѣди, это вмѣнится въ жертву Богу. Объ одномъ прошу Господа, чтобъ Онъ послалъ мнѣ христіанскую кончину непостыдну и мирну“.

Это прошеніе было услышано. Подобно Св. Стефану Пермскому, которому онъ подражалъ своею проповѣдью среди язычниковъ, преосвященный Діонисій окончилъ жизнь среди святыхъ Московскихъ.

Онъ прибылъ въ Москву осенью 1896 года, чтобы получить облегченіе отъ болѣзни, которая была послѣдствіемъ его миссіонерскихъ подвиговъ, и мирно почилъ здѣсь 8-го сентября 1896 года на 78-мъ году жизни.

Преосвященный Діонисій Уфимскій похороненъ подъ соборнымъ храмомъ Покровскаго миссіонерскаго монастыря. Отпѣваніе его совершалъ высокопреосвященный митрополитъ Московскій Сергій.

Вѣчная память свитителю Діонисію, ревностно потрудившемуся на цвѣтѣ Вожіей. «Моск. Вѣд.»

— *Полезное для чтенія изданіе.* Съ 1860 года при Кіевской Духовной Семинаріи издается журналъ „Руководство для Сельскихъ Пастырей“. Оставаясь все время вѣрнымъ своей задачѣ — содѣйствовать приходскимъ пастырямъ въ ихъ высокомъ и мпоготрудномъ служеніи, журналъ „Руководство для Сельскихъ Па-

стырей“ служатъ духовенству органомъ для взаимнаго обмѣна мыслей, для заявленія своихъ нуждъ и потребностей, для защиты своихъ правъ и общественнаго положенія. Посильно выполняя задачу, указанную ему въ утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ программѣ—быть руководственнымъ органомъ сельскаго нашего пастырства въ его жизни и приходской дѣятельности,—журналъ „Руководство для Сельскихъ Пастырей“ былъ неоднократно упоминаемъ въ годичныхъ отчетахъ Г-на Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, какъ одинъ изъ полезнѣйшихъ для пастырей отечественной Церкви духовныхъ журналовъ, и синодальнымъ опредѣленіемъ отъ 4 февраля—14 марта 1885 г. за № 280 рекомендованъ Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ для пріобрѣтенія въ церковныя и семинарскія библіотеки.

Ободряемая такимъ вниманіемъ священноначалія Русской Церкви и вообще русскаго пастырства и любителей духовнаго просвѣщенія, Редакція журнала съ помощью Божіей издаетъ его при Кіевской Духовной Семинаріи и въ 1902 году. Съ благословенія Его Высокопреосвященства Флавіана, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, мы осмѣливаемся рекомендовать журналъ Руководство для сельскихъ пастырей духовенству Харьковской епархіи, какъ изданіе, существенно полезное для приходскихъ пастырей. Годовая цѣна журнала 6 рублей съ перес.

74-й тиражъ выигрышей билетовъ перваго внутренняго Б¹ о займа, произведенный въ Петербургѣ 2-го января 1902 года.

Главные выигрыши нами на слѣдующіе №№ билетовъ:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.
3083	11	20000	5982	33	8000	16729	17	1000	9922	38	1000
2295	50	75000	6043	32	8000	14821	15	1000	14671	47	1000
17314	28	40000	4328	23	5000	7788	27	1000	13885	7	1000
18727	40	25000	12097	43	5000	1046	10	1000	4535	48	1000
5470	12	10000	15669	13	5000	17674	49	1000	13244	23	1000
1936	8	10000	16382	1	5000	18650	18	1000	4638	15	1000
6315	3	10000	1375	4	5000	16064	22	1000	140	15	1000
15996	33	8000	6789	1	5000	5245	10	1000	6208	46	1000
4149	41	8000	6340	36	5000	6098	50	1000	5226	23	1000
2607	2	8000	5735	28	5000	18731	39	1000	13741	6	1000

Выигрыши въ 500 рублей нами на слѣдующіе номера:

№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.
1085	1	4863	9	11609	15	9761	22	19385	28	7059	38	17935	44
3095	1	9959	9	14645	15	19569	22	36	29	713	39	506	45
6165	1	10056	9	15874	15	6291	23	3841	29	1278	39	1537	45
11494	1	11245	9	8906	16	11945	23	4338	29	1621	39	13385	45
14266	1	11627	9	10464	16	14142	23	11644	29	3711	39	15814	45
1765	2	14749	9	15975	16	1256	24	1002	30	9818	39	16776	45
3020	2	15668	9	16439	16	1777	24	7926	30	11727	39	16737	46
11581	2	5039	10	17261	16	4667	24	8023	30	12952	39	19685	46
19725	2	9323	10	18319	16	6439	24	10849	30	19123	39	271	47
1477	3	10837	10	9802	17	13706	24	12558	30	15290	40	7140	47
11089	3	14704	10	11465	17	18378	24	12635	30	19892	40	13644	47
16459	3	16177	10	15607	17	1863	25	15442	30	5809	41	14342	47
3303	4	18964	10	19593	17	1922	25	7751	31	7825	41	1434	48
6027	4	4179	11	10374	18	3569	25	8403	31	9966	41	2113	48
18802	4	10149	11	11186	18	10794	25	8821	31	10950	41	5426	48
7894	5	10461	11	16800	18	12513	25	8942	31	13596	41	10474	48
10186	5	12225	11	19514	18	5958	26	17541	31	14209	41	16155	48
11358	5	12338	11	4557	19	8028	26	18834	31	239	42	164	49
16673	5	13828	11	5192	19	8966	26	18163	32	268	42	7354	49
16948	5	15147	11	8970	19	16003	26	438	33	1048	42	15481	49
12976	6	130	12	9892	19	18373	26	6294	33	2608	42	17080	49
14853	6	12680	12	14012	19	18936	26	15215	33	3005	42	4046	50
18307	6	13419	12	14273	19	1624	27	405	34	3144	42	4591	50
2255	7	18266	12	358	20	1883	27	5761	34	3711	42	6827	50
4810	7	18990	12	7111	20	3051	27	19828	34	5735	42	9043	50
17356	7	10473	13	8441	20	8673	27	2481	35	7129	42	14691	50
466	8	15105	13	10363	20	11609	27	6389	35	14781	42	15686	50
2093	8	16512	13	11446	20	16423	27	5017	36	19171	42		
6010	8	17765	13	18895	20	1776	28	5569	36	1828	43		
6734	8	596	14	14689	20	2842	28	8269	36	4776	43		
6887	8	10494	14	18064	20	4749	28	12056	36	10090	43		
7789	8	16781	14	18330	20	5688	28	71	37	10538	43		
7943	8	19108	14	844	21	7851	28	1399	37	12937	43		
12006	8	3130	15	2219	21	9882	28	1546	37	16832	43		
15235	8	5722	15	5742	21	9903	28	4764	37	19780	43		
18059	8	6319	15	16991	21	10871	28	7744	37	2884	44		
18411	8	8244	15	6874	22	18483	28	14362	37	6102	44		
19483	8	9175	15	9139	22	18796	28	423	38	13728	44		

№.№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія:

1726, 19914, 19084, 4083, 3158, 9967, 10115, 1277, 11615, 19080, 80, 510, 18730, 8666, 3125, 17777, 13004, 14763, 7957, 12543, 917, 16403, 17660, 15159, 6208, 6540, 3414, 3766, 16503, 3478, 2967, 614, 10821, 1208, 19412, 17377, 3299, 18018, 4536, 678, 14607, 9002, 10650, 8563, 3020, 4918, 9504, 14237, 19820, 9650, 775, 42, 6609, 7450, 11517, 13403, 2156, 8005, 3217, 8821, 5036, 17836, 7390, 17180, 11746, 6265, 11078, 6066, 17481, 3883, 13764, 5809, 1174, 5701, 5982, 14913, 11520, 18824, 9039, 15918, 7879, 9363, 14759, 18289, 8043, 18420, 9649, 1835, 18546, 14171, 783, 19672, 12197, 1803, 17781, 12454, 17691, 14155, 357, 18134, 14160, 15053, 15858, 8204, 15437, 19034, 19069, 3942, 10422, 12726, 1439, 8998, 10015, 19745, 2079, 18092, 13240, 19302, 15375, 6032, 4408, 3700, 6948, 189, 13528, 12792, 617, 18811, 18138, 7185, 13409, 7834, 1657, 7448, 14602, 17633, 12354, 3312, 19908, 10848, 18323, 18659, 6347, 8637, 11470, 17009, 1468, 7629, 18582, 13099, 762, 14023.

ИКОНОСТАСНАЯ ФАБРИКА
Ивана Ефимовича Гетмана съ С-ми
ВЪ ТАМАРОВКѢ,

Курской губерніи, Бѣлгородскаго уѣзда.

(Серебр. мед. на всерос. выст. 1887 г. въ Харьковѣ).

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ НА УСТРОЙСТВО

ИКОНОСТАСОВЪ И КІОТОВЪ

въ православныхъ церквахъ, написаніе въ нихъ живописи
и украшенія стѣнъ альфрейной росписью

Заказы исполняются прочно, аккуратно и по умѣреннымъ цѣнамъ,
гдѣ нужно—съ разсрочкой платежа.

Открыта подписка на 1902 годъ

— 5-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ —

на ежедневную научно-литературную политическую и эконо-
мическую газету

„Приднѣпровскій Край“,

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. КОНЫЛОВЫМЪ
подъ редакціей М. К. Лемке

ПРИ НОВОМЪ СОСТАВѢ СОТРУДНИКОВЪ.

Новая редакція ставитъ своею задачею детальную разработку и
наивозможно полное освѣщеніе вопросовъ, нуждъ и интересовъ мѣст-
наго края при широкое въ то же время вниманіи къ современ-
ной русской и иностранной общественно-государственной жизни.

Подписная цѣна понижается и теперь на годъ для подписчиковъ г. Екатери-
нослава 8 руб., для иногороднихъ 10 руб. и за границей 23 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ (ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

— НА —

„ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

ИЗДАНИЕ РУССКАГО БИБЛІОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Журналъ выходитъ безъ предварительной цензуры 8 разъ въ годъ въ послѣднихъ числахъ каждаго мѣсяца (кромя лѣтнихъ мѣсяцевъ) книжками отъ 5 до 8 печатныхъ листовъ. Въ журналѣ печатаются: научныя статьи и матеріалы, хроника ученой и литературной жизни, обзоры иностранной литературы о Россіи, отзывы и обзоры книгъ и статей преимущественно въ области исторіи русской литературы и русской исторіи; извѣстія, замѣтки и сообщенія по тѣмъ же вопросамъ, указатели и библиографическія работы, отчеты о дѣятельности Русскаго Библиологическаго Общества, объявленія. Въ журналѣ принимаютъ участіе: А. В. Андреевъ, Н. Н. Бахтинъ, А. К. Бороздинъ, В. О. Боцановскій, С. Н. Брайловскій, А. И. Браудо, Н. М. Буда-Жемчужниковъ, А. М. Бѣловъ, О. А. Венгеровъ, О. А. Витбергъ, Э. А. Вольтеръ, Н. А. Гастфрейндъ, Б. М. Городецкій, П. А. Дилаторскій, Г. А. Ильинскій, І. И. Югансонъ, В. В. Каллашъ, В. Н. Кораблевъ, Н. И. Коробка, А. О. Круглый, И. А. Кубасовъ, Г. З. Кувцевичъ, А. Л. Липовскій, Н. М. Лисовскій, А. М. Ловягинъ, Х. М. Лопаревъ, Е. А. Ляцкий, А. І. Лященко, М. Н. Мазаевъ, В. В. Майковъ, А. І. Малевичъ, А. Э. Мальгревъ, Б. Л. Модзалевскій, В. Н. Перетцъ, П. В. Петровъ, Е. В. Пѣтуховъ, В. И. Сантовъ, А. В. Селвановъ, П. К. Сямони, В. В. Сиповскій, А. В. Смярновъ, А. И. Соболевскій, В. И. Срезневскій, А. М. Фляшновъ, В. А. Францевъ, К. І. Храчевичъ, П. Н. Шефферъ, С. Н. Шубинскій, П. Е. Щеголевъ. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ „Литературный Вѣстникъ“ за 1901 г. одобренъ для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній („Журналъ Мин. Нар. Просв.“ 1901, ноябрь, стр. 34). Почтиспая цѣна за годъ: съ доставкой и пересылкою въ Россію 5 р., за-границу 6 р., на полгода: въ Россію 3 р., за-границу 3 р. 50 к. Цѣна за отдѣльную книжку 1 р. (выписывающіе отдѣльныя книжки изъ редакціи за пересылку не прибавляютъ). О всѣхъ новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются извѣщенія, или помѣщаются рецензіи. Подписка принимается: 1) для городскихъ подписчиковъ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, 2) для иногороднихъ—въ редакціи „Литературнаго Вѣстника“, С.-Петербургъ, Подольская ул., д. 11, кв. 12, 3) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.

Редакторы: А. І. Лященко, М. Н. Мазаевъ.

Отъ редакціи газеты „РУССКІЙ ГОЛОСЪ“.

Сочувствіе публики къ газетѣ „Русскій Голосъ“, выразившееся въ значительномъ наплывѣ подписчиковъ на оба изданія, вызываетъ нынѣ необходимость устройства типографіи спеціально для этой газеты, снабженной наилучшими заграничными ротационными машинами. Начатое еще мѣсяца четыре тому назадъ и оконченное въ концѣ ноября соглашеніе съ казенной типографіей, не смотря на подписанный уже со стороны редакціи договоръ, не дало желательныхъ результатовъ, совпавъ съ распоряженіемъ о посирещеніи печатанія въ ней вообще частныхъ работъ. Въ виду этого, выпускъ газеты въ свѣтъ „Русскій Голосъ“ отлагается до времени полнаго оборудованія типографіи. Поэтому, подписавшіеся на первое или второе изданіе „Русскаго Голоса“ и не желающіе выжидать времени устройства такой типографіи, благоволятъ обращаться за полученіемъ обратно своихъ взносовъ подписныхъ денегъ въ Главную Контору редакціи „Русскаго Голоса“, С.-Петербургъ, Фонтанка, 54.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
„БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

1902 года (одинадцатый годъ изданія) съ приложеніемъ
ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО АНАСТАСІЯ,

АРХІЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

Въ 1902 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе «Богословскаго Вѣстника» ежемѣсячно, книжками въ пятнадцать и болѣе печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ: 1) Творенія Св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ; 2) Исслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ, составляющія въ большей своей массѣ труды профессоровъ Академіи; 3) Изъ современной жизни: обзоръ важнѣйшихъ событій изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ и сообщенія изъ области внутренней жизни Академіи; 4) Систематическій обзоръ текущей русской журналистики, преимущественно духовной, а также критика, рецензіи и библіографія по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ; 5) Приложенія, въ которыхъ будутъ печататься автобіографическія записки Высокопреосвященнаго Саввы, Архіепископа Тверскаго (продолженіе), и протоколы Совѣта Академіи за истекающей 1900 годъ (полностью). Въ качествѣ собственнаго приложенія къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“ всѣмъ подписчикамъ его въ 1902 году будутъ даны: первая и вторая части ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО АНАСТАСІЯ, Архіепископа Александрійскаго, въ русскомъ переводѣ. Высокія богословскія достоинства твореній св. Анастасія, ихъ догматическая и церковно-историческая важность, глубокая назидательность нравоучительныхъ посланій и сочиненій его и вытекающая отсюда необходимость для всякаго православнаго, ищущаго здраваго наученія и назиданія въ предметахъ своей вѣры и поведенія, ближе ознакомиться съ ними—не требуютъ объясненія. Не многимъ изъ своихъ дѣятелей церковь усвоила имя „Великихъ“, и къ сонму ихъ принадлежитъ св. Анастасій, котораго она въ своихъ пѣснопѣніяхъ именуетъ „столпомъ православія“. Какъ высоко цѣнились творенія его въ древности, объ этомъ свидѣтельствуетъ замѣчательный отзывъ о нихъ, сдѣланный однимъ подвижникомъ (аввой Космою) въ такихъ словахъ: „если ты найдешь сочиненіе Анастасія, и у тебя не будетъ бумаги, запиши его на своей одеждѣ“. На древне-славянскій языкъ нѣкоторыя творенія св. Анастасія переведены были очень рано, въ IX и X вв., вмѣстѣ съ насажденіемъ христіанства среди славянскихъ племенъ и въ числѣ тѣхъ немногихъ памятниковъ святоотеческой письменности, которые являлись наиболѣе необходимыми для укрѣпленія вѣры и насажденія духовнаго просвѣщенія въ новообращенныхъ странахъ. Въ полномъ русскомъ переводѣ онъ появился въ первый разъ въ 1851—1854 гг. трудами Московской Духовной Академіи, исполненными по благословенію и при непосредственномъ руководствѣ приснопамятнаго святителя русской церкви Филарета, Митрополита Московскаго. Но этотъ переводъ, давно уже вышедшій изъ продажи, въ настоящее время представляетъ собой библіографическую рѣдкость и, кромѣ того, нуждается въ пересмотрѣ и дополненіяхъ, особенно благодаря открытію нѣкоторыхъ, тогда еще неизвѣстныхъ, сочиненій св. Анастасія. Удовлетворяя этой давно чувствуемой потребности въ новомъ и лучшемъ переводѣ твореній св. Анастасія, редакція Бог. Вѣст. и находятъ благовременнымъ, начиная съ 1902 года, предложить подписчикамъ своего журнала, въ качествѣ приложенія къ нему, творенія этого великаго отца церкви во второмъ тщательно исправленномъ и дополненномъ изданіи. Новое изданіе твореній св. Анастасія будетъ состоять изъ четырехъ частей, отъ 25—30 печатн. лист. (около 500 стр.) каждая, и закончится въ 1903 году. Подписная цѣна на Богословскій Вѣстникъ совмѣстно съ приложеніемъ первыхъ двухъ томовъ твореній св. Анастасія Александрійскаго. Восемь рублей съ пересылкой. Прим.: безъ пересылки семь рублей, за границу—десять. Адресъ редакціи: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакцію Богословскаго Вѣстника.

Редакторъ проф. А. Спасскій.

ПРИРОДА И ЛЮДИ

Мин. Нар. Пр. разрѣш. къ выпискѣ въ безпл. библ. и чит.

Открыта подписка на 1902 г. (XIII г. изд.). Подписн. годъ начин. съ 1 Ноября.

Въ теченіе 1902 года всѣ подписчики получаютъ: 52 иллюстрированныхъ №№, въ которыхъ будутъ помѣщаться выдающіяся событія всего міра, очерки и рассказы изъ исторіи науки, путешествій и изобрѣтеній, романы и повѣсти, живописныя описанія чудесъ и великихъ явленій природы, фокусы, забавы и развлечения. 12 книгъ съ рисунками, объемомъ свыше 2000 страницъ, въ которыхъ будутъ помѣщаться сочиненія извѣстныхъ писателей, состоящія изъ романовъ, разсчитанныхъ на занимательное, но поучительное чтеніе, подъ общимъ заглавіемъ: „БИБЛИОТЕКА РОМАНОВЪ“ (приключенія на сушѣ и на морѣ). 1) Великій лѣсъ. Ж. Верна. 2) Островъ сокровищъ. Р. Стивенсона. 3) Лагерь въ горахъ. Э. Элмса. 4) Потерпѣвшіе крушеніе. Р. Стивенсона. 5) Поптѣакъ, вождь Оттавовъ. Э. Элмса. 6) Искатели каучука. Его же. 7) Желѣзный пиратъ. Макса Пембертона. 8) Морскіе волки. Его же. 9) Исторія Жанъ-Мари Кабядулина. Ж. Верна. 10, 11, 12) Приключенія капитана Маріэтта и кромѣ того бесплатно безъ всякой доплаты за пересылку могутъ получать, по желанію, на выборъ: Жизнь животныхъ Брэма подъ редакціей д-ра зоологія А. М. Никольскаго. Роскошное изданіе съ массою рисунковъ и хромолитографіями. 12 иллюстрированныхъ выпусковъ большого формата, на веленовой бумагѣ, свыше 600 рисунковъ. 1000 страницъ убористой печати. 3 тома, 60 печатныхъ листовъ изъ Энциклопедическаго словаря вполнѣ законченный, подъ редакціей д-ра философія М. М. Филиппова. 12 выпусковъ формата словарей Бракгауза и Мейера. 3800 столбцевъ убористой печати. 3 тома 120 печатныхъ листовъ. Подписная цѣна на журналъ „ПРИРОДА и ЛЮДИ“ со всѣми приложениями остается прежняя: 5 руб. за годъ безъ доставки; съ доставкой и пересылкою по всей Россіи 6 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 марта 1 р., къ 1 мая 1 р. и къ 1 Юля остальные, или по одному рублю въ мѣсяцъ до полной уплаты подписной цѣны. Главная контора и редакція: Спб., Стремянная, собств. д. № 12.

Издатель П. Сойкинъ.

Редакторъ Ф. Груздевъ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходить съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года. Ученыя Записки распадаются на два отдѣла: оффіціальныи и научный. Въ оффіціальномъ отдѣлѣ помѣщается годовоіи отчетъ университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорѣніе лекцій и т. п. Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медали. Научныя статьи ученыхъ записокъ печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латвискомъ, по выбору автора. Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго университета. Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ проф. Е. Пассекъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ
ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

—» Н А «—

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ“.

Журналъ издается при Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ въ духъ частяхъ—официальной и неофициальной.

Въ *официальной* части помѣщаются: Высочайшія повелѣнія по вѣдомству православнаго исповѣданія, руководственныя и разъяснительныя постаповленія Св. Синода, приказы и сообщенія Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода и распоряженія состоящихъ при Центральномъ Управленіи духовнаго вѣдомства учреждений—Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ, Учебнаго Комитета, Училищнаго Совѣта и др. Въ официальной части журналъ сей есть органъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

Въ *неофициальной* части помѣщаются слова избранныя пзъ твореній святоотеческихъ и проповѣди современныхъ архимонастырей и пастырей Русской церкви и статьи богословскаго и церковно историческаго содержания примѣнительно къ нуждамъ и запросамъ времени. Особый отдѣлъ посвящается возможно полному обзору текущей церковной жпзни и заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о монастыряхъ и церквахъ, о праздникахъ и церковныхъ торжествахъ, о выдающихся событіяхъ епархіальной жизни, о распоряженіяхъ архимонастырей и состоящихъ при нихъ оперхіальныхъ учреждений, о духовно учебныхъ заведеніяхъ, церковно-приходскихъ школахъ, изъ жпзни русскаго раскола и сектанства и пр. Въ журналѣ дѣлается обзоръ богословской журнальной литературы и отмѣчаются выдающіяся пзъ выходящихъ въ свѣтъ книгъ духовнаго содержания, также ведется постоянная хроника церковной жпзни на православномъ востокѣ и на ипославномъ западѣ и даются отвѣты на разные запросы и недоумѣнія возникающія въ пастырской и церковно богослужебной практикѣ. Журналъ выходитъ еженедѣльно въ объемѣ трехъ печатныхъ листовъ.

Цѣна на годъ 3 руб. съ пересылкой; за границу 4 руб., отдѣльный номеръ—10 коп. Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ Конторѣ „Церк. Вѣд.“ (Конпогвард. бульв. д. 5, кв. 7), а для ипогородныхъ въ Хозяйственномъ Управленіи при Св. Синодѣ. „Церковныя Вѣдомости“ печатаются въ 42000 экз.

Редакторъ Протоіерей Петръ Смирновъ.

„Общедоступное объясненіе Евангелія въ порядкѣ земной жизни Христа Спасителя“,

цѣна 90 коп.

Главный складъ изданія: С.-Петербургское Т-во Печати. и Издат. дѣла „ТРУДЪ“ СІВ., Фонтанка, 86, можно приобрести: Въ книжныхъ магазинахъ Думнова и Тузова—въ С.-Петербургѣ; Въ Москвѣ: у Думнова и Печковской, а также во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Книгу эту мнѣніемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденнымъ Его Превосходительствомъ г. Товарищемъ Министра, определено допустить въ учебныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, въ бібліотека низшихъ училищъ и въ безилатныя пародныя читальни (24-го октября 1901 г., № 28661). По журналу Ученаго Комита при Св. Синодѣ, утвержденнымъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, постановлено: книгу, подъ заглавіемъ: „Общедоступное объясненіе Евангелія въ порядкѣ земной жизни Христа Спасителя“. Посвящается православному народу. М. О. (СІВ. 1901 г.)—допустить въ учебныя бібліотеки духовно-учебныхъ заведеній. (Церк. Вѣд. № 25 отъ 28 Іюня 1901 г.).

Открыта подписка на 1902 г. на большую ежедневную политическую, общественную и литературную газету, издаваемую безъ предварительной цензуры, съ еженедѣльными иллюстрированными добавленіями,

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“

(XIV годъ изданія).

Газета принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ ежедневныхъ изданій, благодаря своему чисто русскому направленію, безусловной свѣжести и новизнѣ помѣщаемыхъ сообщеній и всего матеріала, а также благодаря живости, краткости и ясности печатаемыхъ въ ней статей извѣстныхъ журналистовъ. Всѣ административныя новости (сообщаемыя по телефону изъ Петербурга и по телеграфу изъ другихъ мѣстъ) появляются въ „РУССКОМЪ ЛИСТКѢ“ не только одновременно съ петербургскими газетами, но даже часто и раньше послѣднихъ. Свои корреспонденты имѣются во многихъ городахъ Россіи и за границей—въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Софіи, Римѣ, Женевѣ и др., а въ случаяхъ особой важности командированы спеціальныя корреспонденты. (Въ истекшемъ году было послано 6 кор.—въ Данцигъ, Реймсъ и Дюнкерхенъ на торжества, въ Брюссель—на конгрессъ, въ Боснію и Герцеговину—во время смуты). Обширность программы „РУССКАГО ЛИСТКА“ даетъ возможность предложить читателямъ большое обиліе самаго разнообразнаго матеріала. Ежедневно въ фельетонахъ помѣщаются лучшіе романы, повѣсти, историческія и научныя статьи. Иллюстрированныя добавленія извѣстныя по своей художественности, въ 1902 г., какъ было и въ истекшемъ 1901 г. будутъ выходить ЕЖЕНЕДѢЛЬНО и за годъ составятъ объемистый томъ съ массою рисунковъ, портретовъ, модъ и т. п. Всѣ болѣе крупныя событія дня иллюстрируются фотографическими снимками нашего фотографа.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: на годъ 8 р., на 6 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 3 р. 30 к., на 3 м. 2 р. 50 к., на 2 м. 1 р. 70 к., на 1 м. 90 к. При годовой подпискѣ допускается разсрочка: при подпискѣ—5 р. и къ 1 іюля—3 р. или при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля—3 р. и къ 1 іюля—2 руб. Кроме того, допускается особая разсрочка по 1 руб. въ мѣсяць—въ теченіе 8 мѣсяцевъ, считая съ января. Адресъ главной копторы: Москва, Мясницкая, домъ № 20. Свои отдѣленія—въ Москвѣ, Петербургѣ, Тулѣ, Калугѣ и Рязани.

Редакторъ-издатель Н. Л. Казецій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ (изд. XVI годъ)

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ИЗДАНИЕ П. П. СОЙКИНА

подъ редакціею А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи Отца
ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

представляетъ собою единственный въ Россіи иллюстрированный журналъ для семейнаго религіозно-нравственнаго чтенія, по богатству же, разнообразію и занимательности содержанія и художественности рисунковъ его можно сравнить съ лучшими отечественными изданіями.

ПОДПИСЧИКИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1902 ГОДА ПОЛУЧАТЬ:

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ №№ } **12** ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИГЪ,
больш. форм. до 2000 столбцевъ } объемомъ свыше 2,000 страницъ,
съ рисунками въ исторіи русскаго на- } заключающ. въ себѣ: историч. повѣсти
рода и русской православной церкви. } и разск., описанія святыхъ т. п.

И КРОМѢ ТОГО, БУДЕТЪ ВЫДАНО, БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ,
картина извѣстнаго художника-профессора В. А. БРУНИ

МОЛЕНІЕ О ЧАШѢ

исполненная на металлѣ, въ 18 красокъ, въ рельефной рамѣ.

Въ 12 нижнихъ „РУССКАГО ПАЛОМНИКА“ будетъ дано:

1) Святитель Аленсій. Историческая повѣсть. П. А. Россіена.	7) Исторія Россіи для народа (съ иллюстраціями). А. Н. Сальникова.
2) Довмонтовъ мечъ. Историческая повѣсть. Вл. П. Лебедева.	8-9) Мученики. Церковно-историческая повѣсть. Кн. I—II. Ф. Шатобріана. Переводъ А. С. Мерказиной.
3) Очерки изъ русской духовной жизни XVII вѣка. Ю. Поселявина.	10) Бурь-Ань. Повѣсть изъ древне-зурьянской жизни Н. М. Лебедева.
4) Пути Провидѣнія. Пов. изъ временъ Константина Вел. Пер. съ англ. В. Н. А.	11) Предъ разсвѣтомъ. Историческая повѣсть. А. И. Лаврова.
5) За крестъ и вѣру. Историческая повѣсть. А. И. Красницкаго.	12) Путемъ неисповѣдимымъ. Историческая повѣсть изъ жизни патріарха Филарета Никитича. Вл. П. Лебедева.
6) Фелинскъ. Повѣсть изъ исторіи гонимыхъ христіанъ при Доминіанѣ. Гено Переводъ И. В. Новгородской.	

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ **РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ**
со всѣми прилож. остается прежняя.

5 рублей за годъ безъ доставки; съ доставкою и пересылкою по всей Россіи шесть руб. За границу 8 руб. Допускается разсрочка: при подьяскѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 іюля остальные.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная ул., № 12, собств. домъ.

Отдѣленіе конторы СПб., Невскій пр., № 96, уг. Надеждинской.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первыя десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскаго воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать?“ Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Нахлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ, Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о оводномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о. Владимира Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія каеолитеской православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа“. Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществоми?“ В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождественна.—„О церковныхъ неподобающихъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православенъ-ли intercommunion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Зиницкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане и ногихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
и Инспекторъ Семинаріи, Константинъ ИСТОМИНЪ.